От редакции

Жизнь на воде есть!

В том числе и литературная – таков итог дискуссии, прошедшей в ходе Второго Одесского международного литературного фестиваля, который состоялся прошлой осенью. Ее участники в числе прочих обсуждали тему «Жизнь на воде», посвященную проблемам и традициям, прошлому, настоящему и будущему населенных пунктов, расположенных вблизи рек, озер, морей и океанов.

Закономерно и органично, что разговор этот произошел в Одессе. В программном документе фестиваля его идеологи и инициаторы Ульрих Шрайбер (Германия) и Ганс Рупрехт (Швейцария) отмечают: «На протяжении столетий многонациональная Одесса и Черное море были точкой пересечения для Европы и Азии, Запада и Востока». То, что эта геополитическая и культурологическая ситуация остается неизменной и в XXI веке, доказывает участие в фестивале писателей, поэтов, критиков, журналистов из многих стран. Они встречались с коллегами, переводчиками,

Виктор Ерофеев уже во второй раз собирает полный Золотой зал Одесского литературного музея

издателями, со слушателями, заполнявшими залы Литературного музея, Терминала 42 и библиотеки имени Грушевского, знакомились с городом, известным своей литературной школой.

Состоялась презентация альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», который представляли директор Всемирного клуба одесситов Елена Павлова, члены редколлегии Евгений Голубовский и Феликс Кохрихт. А затем наши авторы читали стихи и отрывки из прозы.

Как и на первом, на нынешнем фестивале в Одесском театре кукол прошли чтения произведений для детей. Среди маленьких зрителей, уверены, были и будущие поэты, и писатели, и – главное – любители чтения.

По традиции на церемонии открытия было предоставлено слово автору эссе, содержавшего обращение к его участникам и размышления о вечных общечеловеческих ценностях. На сей раз его зачитала писатель из Греции Аманда Михалопулу, посвятившая свой труд роли и влиянию слова, вымысла, контекста, в общем – литературы на жизнь и эволюцию нашей цивилизации, от библейских до нынешних времен.

На примере творчества столь разных писателей и мыслителей, как классики Гомер, Аристотель, Сервантес, Шекспир, Гете, зачинатели современной литературы Джойс и Пруст, она делает вывод: «За исключением любви, наверное, не существует ни одной возможности, позволяющей одному стать частью другого, слиться с его историей, ни одной возможности, за исключением литературы».

Собственно говоря, доказательством этого постулата, родившегося у автора эссе накануне фестиваля, являются наши встречи в Одессе, городе у Черного моря, где жизнь не только возможна, но и, несмотря на обстоятельства, весьма разнообразна, в чем убедились и наши гости.

В завершение этих заметок сообщим, что недавно получили от Ульриха письмо, в котором он выражает чувство глубокого удовлетворения итогами фестиваля. Насколько нам известно, он и Ганс уже прикидывают программу следующего.

Символично, что неофициальной эмблемой нашего фестиваля является большая красная запятая, которая свидетельствует о том, что продолжение следует.

Редколлегия

Фото Екатерины Бакуровой

Михаил Жванецкий

Жертвы несвободы

Только не говорите мне, что жизнь стала хуже.
Может быть, жить стало хуже?
Может быть, лечиться стало хуже?..
Может быть.
Может быть, привычки стали хуже?
Может быть.
Может быть, учиться стали хуже?
Может быть.
Может быть, искусство стало хуже?
Может быть.
Может быть, люди стали хуже?
Может быть.
Но сама жизнь стала лучше.

Ибо мы, наконец, во многом, или, точнее, кое в чем, наконец, свободны.

Это оказалось нелегко.

Это оказалось тяжелым испытанием.

Нас готовили к вечной несвободе.

Революция, говорили нам, связана с лишениями, с жертвами.

Это была правда.

Боритесь, воюйте, отдайте много жизней.

Она стоит этого.

И будете, наконец, несвободны.

Это правда…

Она требовала жизней бесконечно.

Пять, десять, двадцать миллионов, голод, энтузиазм, всенародный почет, всенародные праздники.

Что только на себе не пробовали, чтоб побыстрей поработиться.

Женились молча, а предавали под аплодисменты.

Выдвигали из себя самых наглых, самых темных, самых лживых, чтоб они водили. Ты первый – тебе водить…

Легли под фундамент.

И возвели пугающее, стреляющее, вызывающее голод и ночной страх.

Возвели заборы, решетки.

Ни одной стиральной машины.

Женщины мыли, стирали и били об воду, долбили, строили, варили, пекли хлеб.

Они мирные.

Все остальные – военные.

Ползут, окапываются, передвигаются бросками, маневрируют, вылетают на полигон.

Учебный запуск, испытание устройства, закрытый объект, номерное предприятие.

Солдаты нянчат детей, убирают постели, топят бани, сервируют банкеты. Войны же нет.

Хотя все готово.

А когда все готово, очень трудно, невозможно не попробовать.

– Товарищ начальник, у нас такие виды вооружений и для массового, и для индивидуального применения. Как-нибудь, ребята томятся…

Что-нибудь придумаем?..

Может быть, где-нибудь…

Ну, в общем…

– Ясно! Вы свободны.

Слова «вы свободны» только в значении «пошел вон».

Поработились так успешно, что даже расцвело искусство, посвященное порабощению.

Прекрасная возможность соревноваться, когда все пишут об одном.

Появились гении метафор, мастера бумажной жизни, производственной поэзии, подлинные шедевры эзопова языка.

Военная четкость гражданского транспорта.

Солдатская всенародная диспансеризация.

Диагнозы без лекарств.

Жизнь без старости.

Полная ненужность денег при получении формы и квартиры снизили порог счастья до корней волос.

Железная дорога в форме.

Прокуратура в форме.

Таможня в форме.

Школьники в форме.

Компартия в макинтошах.

– Что вам нужно для счастья?

– Квартира, квартира.

– А вы разведетесь?

– Разведусь, разведусь.

– А вы женитесь?

– Женюсь, женюсь.

– Обещаете партбюро?

– Обещаю.

– Будет квартира.

И была квартира, хотя без звукоизоляции.

Чтоб были слышны мысли соседа.

Нужно было идти на дальнейшие жертвы ради порабощения.

Сделавшие карьеру достигли верха и пошли вширь.

Но только… Но только оказалось, что за свободу бьются отчаяннее, чем за порабощение.

За порабощение воюют армии.

За свободу бьется каждый.

И то, что придумано в защиту, придумано лучше, чем в нападении.

Ибо опять думает каждый.

И певцы и поэты уже не могли выгнать солдат из окопов.

Под гимнастерками сидели рабы, возвращавшиеся в рабство к секретарям.

А там за границей оказались лучше и одежда, и техника, и люди сытей, веселей, вежливей.

Победители вернулись пораженными.

Все войны меняли Россию. И последняя война.

Но настолько все боялись одного, что ждали, пока он умрет.

Потом все двести миллионов ждали, пока другой умрет.

Его сменил третий. Ждали, пока он умрет.

И он не подвел.

Уже было ясно, что так жить нельзя.

Но умереть должен был он.

Ибо и жить нельзя, и нарушать нельзя.

Двое умерли друг за другом.

И это была главная удача.

Четвертый понял и что-то задумал.

Но не в нем было везение.

Главное везение было в болезни тех двух, досрочно освободивших страну.

Четвертый уже без усилий развалил то, что осталось.

Именно он стечением обстоятельств вошел в историю, как каждый, с кого начинается счет.

Смерть дала свободу.

И та, выйдя из-за туч, озарила людей, сжатых в границах, и народы, прижавшиеся в страхе перед дальнейшей жизнью.

И впервые, без потрясений и жертв, без гибели и крови, просто так, остались люди.

– Где они? – спрашивали друг у друга люди.

Где те, кого боялись? Они ушли?..

Не ушли… Исчезли.

– Так как же теперь?

– Никак.

– Но что-то надо делать?

– Делайте, – ответили в облаках.

– Что?

– Что хотите.

– А что мы хотим?

– Узнайте.

– Как?

– У себя.

– А тут дерутся, грабят…

– Придумайте что-нибудь.

– А вот тот обманывает…

– А вы не верьте.

– Как не верить?

– Но он же обманывает.

– И смысла в этой жизни нет.

– Да, смысла, в смысле идеи, теперь нет. Теперь твой сын должен обхватить свою голову руками и понять, для чего он живет. И теперь твой сын должен поднять себя и отца. Если он простит отца, родившего его в порабощении. Зато каждый его шаг станет захватывающе интересным. Раньше это было оружием. Сейчас всё! Оценка другая.

– Какая?

– Деньги.

– Ужасно звучит.

– Да. Ужасно. А как вы в последнее время стали дарить деньги именинникам?

– Это ужасно!

– Ужасно. Зато он сам купит, что ему нужно.

– Все ужасно. А что сейчас пишут, что смотрят, о чем говорят?!

– Да. Остались сами по себе. Высота, достигнутая в борьбе, не нужна, в подготовке войны не нужна. Солдат столько не нужно. Даже хлеба столько не нужно. Он уходил на армию, на заключенных, он уходил на лагеря пионерские и тюремные. Крупы для каши солдатской столько не нужно. Сапог столько не нужно, ватников.

– А что теперь нужно?

– Деньги.

– Но это же ужасно!

– Да. Но очень удобно. Самый удобный предмет для хранения, вложения, накоплений. Вместо коробок, шуб, закруток, обуви и проводов, на все случаи жизни деньги. Да! Которые можно надеть и съесть.

– Что же в этом хорошего?

– Хорошего мало, но и лучшего нет.

– Плохие люди пошли вверх. Они первые.

– Нет. Они не первые. Они раньше! Раньше! Как и в революции, как и в грабеже. Где ты видел, чтоб они стояли в очереди? Они раньше, потому что мы их всегда пропускали.

Мы не связывались. Их сила в отвратительности. С ними не хочется связываться. Идите вперед. Только не стойте рядом. И они идут. И они впереди.

Но ничьи позиции, кроме своих, они не займут.

Они впереди только там, где они нужны. Где можно обойтись без чести и обманывать.

Но они уже не могут обойтись ложью.

Им самим уже нужна экономика, нужны компьютеры, дома, интернет, лекарства, нужны больницы и самолеты, а это уже область наша.

Здесь будем богатеть мы, потому что это не просто свобода – это сама жизнь пришла к нам.

Столики расставляет жизнь.

Кто сообразит, чего не хватает, тот разбогатеет.

Да! Плохой певец преуспевает. Значит, певцов не хватает.

Порнография. Да, это было запрещено, и этого не хватает.

Вначале то, чего не хватает.

Потом то, чего недостает.

Потом разбогатеют те, кто приносит удовольствие.

Потом те, кто развлекает.

Потом уже те, кто создает красоту.

Сюда относятся опера и астрономия.

– Эта жизнь лучше?

– Да.

– Почему?

– Интереснее.

– Почему?

– А что интереснее: жить в доме по своему проекту или в типовой тесной квартире? Иметь свою землю или хором убирать гниющие колхозные поля? Купить автомобиль или стоять несколько лет в очереди за «жигулями»? Интереснее самому ездить или смотреть, как ездят другие?

– Но ведь и сейчас летают другие?

– Другие будут летать всегда. Другие будут жить лучше всегда. Но сейчас можно к ним присоединиться, если есть руки и голова…

А раньше кровь, война, уничтожение и все, что сказано или сделано до этого.

Все, кроме ваших рук и мозгов, что тоже могли отобрать в любую минуту… Вот и сравнивай.

Вот и все просто.

И бандиты. И богатые.

И ушлые. И пошлые…

И разваливается. И развалилось.

И это бросается в глаза, потому что то, что развалилось, уже видно!!!

Это металлоконструкция бывшей жизни.

То, что растет, не так видно.

Дух, интерес, идеи, магазины, авто, женщины и глаза у молодых стали пытливыми.

Люди голосуют деньгами. Деньги – это люди.

Ничего. Что-нибудь придумают.

В принципе, народы умнеют.

Хотя история учит, но не обучает.

Просто если потребуются кровь и жертвы – это будет путь в порабощение.

Если жизнь меняется бескровно – это путь к свободе.

Олег Губарь

Юбиляр де Ришелье

Хотелось бы, не привязываясь к юбилею, в дальнейшем составить академическую, строго документальную «Летопись жизни и творчества герцога Ришелье в Одессе: 1803-1814 годы». В принципе, у меня есть такая возможность, поскольку собрал и тематически сгруппировал архивную информацию по годам, неделям, нередко даже по дням. Подобную же летопись мог бы продолжить, по крайней мере, до 1825-го, то есть охватить деятельность Кобле, Ланжерона и т. д. Пока ограничусь резюме к круглой дате.

…Едва ли когда-нибудь была в Одессе более почитаемая фигура, нежели дюк де Ришелье – «домашний герцог одесситов», как очень метко назвал его когда-то поэт Юрий Михайлик. Уходили и приходили люди, время ломало памятники, уничтожало погосты и дома, но этот монумент устоял вопреки всему. Хотя был, надо признать, момент, когда судьба «Дюка» висела буквально на волоске. Пламенный борец с «безродными космополитами», тогда директор публичной библиотеки и «краевед» В.А. Загоруйко усердно добивался демонтажа этого символа города. Сегодня этот сюжет по-своему тоже актуален, поскольку мы встречаемся с проявлениями типичного необольшевизма в отношении к историческим памятникам, топонимии и проч.

В чем феномен личности Ришелье? Почему по большей части безответственная и не чересчур благодарная человеческая память сделала для него исключение? Ответ на этот вопрос прямо и однозначно прозвучал еще в дореволюционной России: «Гуманность и культурность – весьма редкие на высших административных постах империи – как раз и составляли сущность Ришелье

как руководителя и человека». Никто не сделал больше для Одессы и одесситов, чем Дюк. Даже М.С. Воронцов, который, несмотря на всю свою масштабность, следовал уже в русле начинаний своего выдающегося предшественника, развивал и дополнял их. Это Ришелье открыл город Европе и миру, чем всё и сказано исчерпывающе.

Пользуясь неограниченными полномочиями, дружеским расположением монарха, значительными бюджетными средствами, Дюк заложил основы инфраструктуры Одессы как крупнейшего пункта транзитной торговли между Востоком и Западом. Это он наладил хлебный экспорт, пригласил и помог обустроиться колонистам-аграриям из Германии, Франции, Швейцарии и других стран, превратил Одессу в европейский город, освободил от непомерных налогов, способствовал оформлению идеи порто-франко, реализованной уже при его преемнике, Ланжероне. Блюдя интересы и государственные, и региональные, Ришелье добился того, что хлебная торговля России и Турции не прекращалась даже тогда, когда они находились в состоянии военных конфликтов! Это он спасал город и край от свирепой чумы, рискуя жизнью, лично посещал зачумленные кварталы и дома, ободряя горожан и поистине делясь с ними последним куском хлеба. Это Дюк отдал все деньги, заработанные на службе в России, для создания в Одессе наиболее значительного на Юге учебного заведения – Лицея, второго в державе после Царскосельского. Это он построил Городскую больницу и театр, в котором выступали лучшие в империи оперные труппы. Можно утверждать, что на этой южной окраине России с его подачи возник подлинно европейский портовый город со всеми атрибутами – самоуправлением, биржей, коммерческим судом, карантином, транспортными морскими конторами,

страховыми и банковскими учреждениями, благотворительными, учебными, культурными заведениями и др.

Одиннадцать лет Ришелье прожил в небольших помещениях, на первом этаже «меблированных» табуретами и топчанами без лакового покрытия, в обстановке, лишенной намека на роскошь. Его рабочий день продолжался чуть не 17 часов. Все делопроизводство он фактически вел сам, причем ответные документы составлял на тех языках, на каких к нему обращались. Питался Дюк очень скромно, а немногочисленную канцелярию содержал за свой счет. Ежедневно обходя или объезжая город, он вникал во все мельчайшие дела, беседуя с купцами, подрядчиками, военными, медиками, мастеровыми, гостями города, иностранными консулами, простонародьем, посещал все общественные и частные балы. Серьезно обеспокоенный проблемой озеленения Одессы и прилегающих к ней безводных территорий, Ришелье получал из казенных лесов и лично выписывал из-за рубежа недешевые саженцы, способствовал устройству предшествовавшей Ботаническому саду так называемой Городской плантации, затем постоянно инспектировал буквально всякое высаженное деревце, строго взыскивая виновных за нерадивость.

Вся изложенная информация обретает иное звучание, если учесть, что Дюк – рафинированный представитель столь же знатного, сколь и древнего аристократического рода, что один из его предков – знаменитый кардинал, всесильный министр Людовика XIII, несколько скомпрометированный, правда, Дюма-отцом в «Трех мушкетерах». По смерти в 1642 году кардинала де Ришелье его фамильный замок на берегах Луары и герцогство перешли к внучатому племяннику, Арману Ришелье, который был пэром Франции, начальником флота и войск, дислоцировавшихся по всему Леванту. Это обстоятельство и породило путаницу с двумя разными Арманами де Ришелье. Во всяком случае, как вы понимаете, нашего Дюка в 1642 году просто еще не существовало физически, поскольку он родился через 124 года, в 1766-м. Какими же родственными узами, в свою очередь, связаны эти два разных Армана?

Всё тут довольно просто. Внучатый племянник кардинала передал все свои регалии и владения сыну, Луи-Франсуа

де Ришелье – французскому маршалу, широко известному своими многочисленными альковными похождениями. Этот любвеобильный маршал оставил титул сыну, герцогу Фронсаку, а уж тот – своему наследнику, графу Шинону, нашему одесскому Дюку. Таким образом, герцог Арман-Эммануил дю-Плесси де Ришелье одновременно носил титулы графа Шинона и герцога де Фронсака. Вот и выходит, что Дюк – прапраправнучатый племянник кардинала Ришелье.

Столь грандиозная и завидная родословная не помешала херсонскому военному губернатору и первому одесскому градоначальнику быть самым, пожалуй, гуманным из всех администраторов, которых знала Одесса. Судя по всему, и Франция не знала лучшего премьер-министра, нежели Ришелье: а именно этот первостепенный пост он занимал после возвращения в Париж. Когда Дюка не стало (1822), император Александр Павлович, искренне считавший Ришелье близким человеком и конфидентом, сказал французскому послу: «Я оплакиваю герцога Ришелье как единственного друга, говорившего мне правду. Он был образцом чести и правдивости». Тогда же во Французской академии прозвучали слова: «Он не призывал к добру, но умел его подготавливать и приближать».

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Замечательный исследователь С.Я. Боровой когда-то обратил внимание на публикацию «Одесский сад» – в «Сыне Отечества» за 1823 год[182]. Ее автор – мичман, впоследствии лейтенант, декабрист Н.А. Чижов: «Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов. Рослый турок… предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка (похоже, Мария Негри. – **О. Г.**), сидящая под густой тенью вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в граненом стакане… Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона (безусловно, знакомый Чижову Е.В. Зонтаг. – **О. Г.**) идет подле брадатых жителей Каира и Александретты; древний потомок норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной… Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище…».[183] Колоритно…

Картинка, нарисованная Ф.Ф. Вигелем, однако, ближе к пушкинскому видению: «Посреди города, на весьма небольшом пространстве, был публичный сад; на него было отвратительно и жалко смотреть. С мая невозможно было в нем гулять; видел ли в нем кто зелень когда-нибудь, не знаю: густые облаки пыли с окружающих его улиц всегда его обхватывали и наполняли; мелкие листки акаций и тополей, коими был он засажен, серый цвет сохраняли все

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66.

лето. И это было единственное место соединения для жителей и вечерних для них прогулок; зато никого в нем не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщениям; о том одесситы мало заботились: это служило им новым предлогом, чтобы сидеть дома».

Заведение искусственных минеральных вод в Городском саду. 1830-е гг.

Мосты и коллектор

К ближайшей истории сада мы сейчас вернемся, но прежде необходимо коснуться вопроса преобразования прилегающего ландшафта. Врезающаяся в нынешнюю Греческую площадь Военная балка создавала немало проблем, в том числе транспортных: значительная часть Греческого форштата оказывалась как бы отрезанной от центра. Поэтому летом 1810 года подрядчик Федор Монако начал строить «*мост через балку от Городового сада к театру*»[184], который соединял главную аллею сада с улицей Ланжероновской. 13 октября этот путепровод был совершенно готов.[185] 28 ноября 1810-го архитектор Ф. Фраполли по указанию герцога Ришелье приступил к работам по устройству «стенки около моста близ Городового сада».[186] В итоге при острой необходимости гужевой транспорт мог проезжать с Херсонской и Преображенской прямо на Ланжероновскую.[187]

Однако превращение общественного сада в транспортную развязку, понятно, не входило в планы градоначальника. По этой причине уже в феврале следующего года Одесский строительный комитет назначил торги на построение другого *моста, в верховьях Военной балки, по Дерибасовской* (тогда Гимназской, Гимназической) улице. Это делалось для того, чтобы транспортные средства могли объезжать Городской сад справа. Согласно контракту, заключенному со шляхтичем Яковом Бриндзою, длина моста должна была составлять 30 саженей, ширина – 20 саженей и один аршин, фундамент надлежало копать «до самой матерной

земли», выкладывая оный 8-вершковыми камнями. Кроме того, мост снабжался коллектором для водосбора с Александровской площади. Городской архитектор Фраполли освидетельствовал исполнение к середине апреля 1812 года, и после небольших доработок подрядчиком мост был сдан в эксплуатацию.[188]

Обращают на себя внимание довольно солидные и в то же время необычные габариты этого сооружения: без малого 64 метра в длину, 43 с лишним метра в ширину. Суть в том, что мостом его можно назвать условно. Сооружение фактически служило паллиативом нивелирования данной территории: перемещение потребной массы грунта было бы значительно затратнее. Тем не менее к нему частично пришлось прибегнуть, ибо «мост» не охватывал все пространство, которое подлежало нивелированию. По этой причине был заключен контракт с одесским купцом Симоном Стифелем «*о насыпке моста по Дерибасовой улице*». Куратором выступал адъютант Ришелье граф Рошешуар.[189] Катастрофическая чумная эпидемия остановила производство работ, которые продолжились в 1813-1814 годах.[190]

Что касается коллектора, то еще перед своим отъездом в Вену герцог Ришелье предложил «сделать *на Александровской площади трубу для стока воды*; причиною предписания сего суть ежегодные издержки казны на исправление моста на Дерибасовой улице, всегда водою повреждаемого, и неудачность в проезде». 4 февраля 1815 года Фраполли представил план, смету, а подряд исполнял строитель моста Бриндза[191]. Работа была окончена в октябре[192], и это сильно облегчило жизнь владельцам недвижимости и содержателям торговых заведений по площади.

Городской сад
Продолжение

Но это отдельный сюжет, а мы вернемся к истории Городского сада. После кончины Савоини он курировался высокопрофессиональным «садовым мастером» Гансом Германом, городским садовником, имевшим уже более широкие полномочия в сфере озеленения.

Его командировали в Одессу, в распоряжение Строительного комитета, из Санкт-Петербурга 12 января 1812 г. по заявке герцога де Ришелье. Главная задача Германа заключалась в устройстве тут собственной городской плантации для ращения различных деревьев и кустарников, которые бы затем использовались в озеленении города. В журнале заседаний ОСК от 3 июня 1812 г. определено отпустить садовнику Гансу Герману, условившемуся с Комитетом «сделать в городе Одессе разные плантации», 500 рублей из портовой суммы.[193] 4 июля 1812 г. ему назначили жалованье 1.200 рублей в год. Сверх того Герман имел право на получение квартирных денег, дрова и свечи, на что ему уже отпустили из Комитета 500 рублей. На этот раз ему выдали еще 200 рублей в счет жалованья, которое далее отпускали по третям года, как и всем чиновникам.[194] 15 июля ОСК определил финансировать Германа содержание ученика из детей немецких колонистов (220 рублей 50 копеек в год), приступившего к своим занятиям 26 мая.[195] 8 августа 1812 г. ОСК постановил отвести садовнику Гансу Германа место, где удобно будет, под школу, оранжереи, парники, мерою 266 на 50 саженей.[196]

Устройство плантации затормозилось по причине чумной эпидемии, однако в следующем году продолжилось. Конечный итог устройства городской плантации отлично виден на планах города разных лет.[197] *Городская плантация* охватывала значительный участок за Старопортофранковской улицей, меж нынешними улицами Градоначальницкой и Пишоновской, включая территории нынешней Морской и Строительной академий, до самых отрогов Водяной балки (то есть правее Градоначальницкой, если следовать из города). То есть во время пребывания Пушкина в Одессе тут находился молодой, десятилетний, но весьма обширный сад.

С конца 1813-го и далее фиксируются многочисленные счета Германа по расходам на содержание и усовершенствование Городского сада. Здесь и покупка садового инвентаря, и ремонт калитки, и жалованье сторожу,[198] и реконструкция находившегося в саду служебного помещения,[199] прежде относившегося к дому де Рибаса. Но самое, пожалуй, любопытное – это информация о поливке в 1814-м «вновь посаженных акаций».[200] Таким

образом, мы наверняка знаем, что помимо первичных деревьев, возможно, отчасти плодовых, в Городском саду массово высаживались (1806-1814) тополя и акации. Поэтому можно довольно точно представлять, каким этот сад виделся в 1823-1824 гг. Граф *М.Д. Бутурлин* пишет о том, что пирамидальные тополя в ту пору были почти единственной растительностью в одесских городских садах и тополя же окаймляли улицы.[201]

Говоря о Городском саде, невозможно обойти вниманием его, скажем так, эпицентр – так называемую *Городскую кофейню*. Этот сюжет мною уже подробно представлен в книге «Автографы Одессы»,[202] однако и здесь более чем уместен. Она была устроена еще в бытность в Одессе герцога Ришелье его земляком Элиасом (Ильей) де Фуа. Французский предприниматель построил на свой счет деревянное сооружение с погребом, специальной печью для приготовления кофе и, по всему видно, сдавал его в аренду купчихе Марии Негри. Эту услужливую итальянку Марью, похоже, и поминает И.М. Долгоруков, неоднократно посетивший Одессу в 1810-х годах: «Для публичных прогулок летом разведен сад внутри города. В нем итальянка Марья готовит славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своим мелким серебром. По воскресеньям жители города съезжаются сюда гулять и видеться между собою (…) Марья так добра, так услужлива! Она мастерица делать макароны и пуленту (polenta, аналог мамалыги. – **О. Г.**) итальянскую. Я в один вечер заказал оба эти блюда, и в приятельской беседе любезного Сен-При, с его и моим семейством, насладились римской сей трапезой».[203] 10 апреля 1818 года будущий штатный типограф (1818-1821), а затем производитель работ ОСК Лука (Лучиано) Бертини заключил с властями пятилетний контракт на содержание беседки-кофейни.

Здесь надо пояснить, почему это стало возможным. Дело в том, что сказанный де Фуа в Одессе отсутствовал, очевидно, препоручив надзор за ней арендатору. Строительный комитет же справедливо усмотрел в создавшейся ситуации тот казус, что частная постройка находится на казенной земле. Наделенный большими полномочиями де Ришелье как бы прикрывал эту неувязку собственными представлениями о целесообразности, но теперь Комитету приходилось следовать букве закона. А потому строение

оценили, и соответствующая сумма хранилась до востребования лично де Фуа. Последний, впрочем, пытался оспаривать решение Комитета, обратившись по инстанции через влиятельного И.Н. Инзова. Тем не менее сделать уже ничего было нельзя, и тогда заключили контракт с Бертини, из расчета по 500 рублей в год, а тот починил, расширил, выкрасил беседку, сделал крышу, вырыл ледник, приобрел ширмы, палатки, навесы и многое другое.

А далее дело было так. Бертини, вероятно, не получил ожидаемой прибыли в первый теплый сезон, тем более, в саду торговали вразнос, опосредованно составляя ему конкуренцию. Вместе с тем перечень официально дозволенных к реализации в кофейных домах блюд и напитков был строго ограничен: мороженое, лимонад, соки, кофе, шоколад, ликеры, фрукты, варенье, кондитерские изделия. Нарушение правил торговли сурово каралось. Все это четко оговаривалось специальным высочайше утвержденным положением «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах». Публика на уровне была не так уж многочисленна. Поэтому и зарабатывалось нелегко.

В ноябре Бертини занялся типографией и с тех пор (возможно, и ранее) отдавал «кофейный дом» в субаренду. Весной 1821 года, когда он рассчитывался по типографии и переходил на должность комиссара ОСК, Бертини решил как бы переоформить контракт по кофейне. Ссылаясь на конкуренцию, просил засчитать ему деньги, потраченные на ремонт сооружения, в счет аренды за первый год, но получил от ворот поворот. Действительно, согласно договору, город препятствовал бы устройству любого другого кофейного дома в Казенном саду, но о торговле фруктами вразнос ничего сказано не было. Кроме того, было указано на то, что «он отдавал внаем беседку другим лицам, брал 500, 800 руб. и более».

Вскоре упоминавшаяся итальянка Марья – одесская 3-й гильдии купчиха Мария Негри – просила Комитет предоставить ей беседку в аренду на три летних месяца за 200 рублей. Однако это никак не могло устроить город. Бертини, каковой в то время занимался на свой счет ремонтом примыкавшего к саду казенного здания, бывшего дома Феликса де Рибаса, уже внес 250 рублей контрактных денег за полугодие. В этих условиях оставалось

лишь назначить торги на содержание кофейни, и если бы новый соискатель предложил более выгодные условия, никаких препятствий в аренде ему не было бы. Но на торги явилась одна лишь Негри, с прежним своим предложением. В итоге контракт остался за Бертини. Отметим здесь, что Мария – очевидно, супруга Цезаря (Чезаре) Негри, антрепренера Городского театра в 1824-1825 годах, причем антреприза эта провалилась. На рубеже 1823-1824 годов она владела двумя довольно приличными доходными домами, причем именовалась в это время уже не купчихой, а дворянкой.

Лишь весной 1822 года эпопея с кофейней более или менее полюбовно развязалась. Новым арендатором стал известный швейцарский кондитер Катани, впоследствии работавший в паре с другим популярным кондитером-швейцарцем, Келем. Из архивного акта приемки (орфография оригинала) видно, что конкретно представляло собой первое элитарное заведение подобного рода в Одессе: «По описи при приеме сей беседки в ведомство Комитета значится: беседка, выстроенная из шелевок (досок. – **О. Г.**) и покрытая оными о двадцати колоннах, с полом из досок и потолком из шелеванок, окрашенная внутри и снаружи разными красками; в длину же и ширину сия постройка по 7½ сажен, при ней маленький погреб и разваленная печка для варения кофию, обставленные и покрытые шелевками без полов и потолков, а только окрашенные. (…) С иностранцем Катани заключено обязательство о содержании им сей беседки, который дал расписку, что им приняты от Бертини в исправности новые полотна, принадлежащие к беседке Городского публичного сада, именно: палатку в сто сорок аршин парусины. Одну большую и пять маленьких ширм из парусины, все с принадлежащими к ним кольцами, снурами, кольями и прочим». Сведя все счеты по типографии и беседке, Бертини выплатили разницу в 1.700 рублей.

Итак, мы знаем об этом заведении практически все: представляем внешний облик, устройство, меню, мы точно знаем, что, согласно контракту, заключенному 22 февраля 1822 года на пять лет, в 1823-1824 годах Городскую кофейню содержал итальянец Катани[204], который и в начале 1830-х содержал «шоколадную фабрику» на пару с Келем[205], они же «давали *вокзал*»

Старые деревья в Городском саду, ныне утрачены

в Городском саду[206]. Вот каким было это «особое социальное место» при Пушкине.

И еще. Можно с немалой долей уверенности говорить о том, где Поэт покупал шоколад, о каковой покупке есть даже дневниковая запись меж 1 и 3 ноября 1823 года.[207] Вариантов не так-то много: либо у Катани, либо у Германа Келя, который в том же году содержал кофейню и кондитерскую лавку в доме графини Ржевуской (об этом доме надобен бы особый разговор), на углу Греческой и Ришельевской улиц[208], либо в помещавшейся в том же доме кафе-кондитерской иностранца Флорио и Компании. Всего в первой части города было 17 кофеен, в том числе два кафе-кондитерских. Помимо Флорио такое содержал австрийский подданный Николай Стаматопуло[209], но эти заведения не были элитарными, как и упоминаемая мемуаристами кофейня Пфейфера.

«Все мы как бы обязательно ходили пить шоколад и кофе в невзрачную, окрашенную белою клеевою краскою, кофейную Пфейфера на Дерибасовской, – вспоминает Болеслав Маркевич, –

с единственным в ней убогеньким прилавком, на котором стояли скромные тарелки с бисквитами, леденцами и обсахаренным миндалем, – ходили из-за благоговейного чувства к дыре в мягком камне, из которого строятся дома в Одессе, пробитой в одной из стен этой кофейни оконечностью железной палки, которую носил постоянно с собою Пушкин, приходивший сюда почти каждый день. «Sein Taschen Kaffe trinken», как горделиво пояснял нам старый немец-хозяин, тщательно оберегавший неприкосновенность этого увечья своей стены как несомненно плодоприносящую выгодам его реликвию».[210]

Сказанная *кофейня Г. Пфейфера* действительно фиксируется справочниками 1830-1840-х годов на Дерибасовской улице в доме небезызвестного П.Я. Марини[211], на месте которого построена гостиница «Большая Московская». Однако пока не располагаю архивными материалами, четко подтверждающими ее функционирование в первой половине 1820-х. Впрочем, Пфейфер (Pfeiffer) в то время вполне мог быть не содержателем, а наемным кондитером, «сидельцем». Во всяком случае, трудно отрицать факт его знакомства с Пушкиным, поскольку Болеслав Маркевич описывает времена, когда немало живых свидетелей могло бы опровергнуть претенциозные заявления Пфейфера.

Улица Гаванная

Нельзя обойти вниманием и значимые частные дома и постройки, примыкавшие к Городскому саду со стороны нынешней улицы Гаванной. Справа, к Дерибасовской, располагался *второй ранний дом де Рибаса* в этом квартале, который сам же Феликс и достраивал после продажи «в казну». Двухэтажное здание со службами принадлежало министерству финансов, сперва в нем помещалась учрежденная Ришелье так называемая Променная банковская контора, но в пушкинское время это учреждение переместилось в дом, купленный у испанского консула де Кастильо на Почтовой улице[212], а это здание занималось частью чиновников штата генерал-губернатора графа М.С. Воронцова. В заседании ОСК от 4 декабря 1824-го отмечено, что ворота во двор этого

дома ветхи, сгнили, и нуждаются в замене.[213] Трудно предположить, что Пушкин сюда не заходил.

Первым по левую руку, если выходить из Городского сада на Гаванную, на местах № 696 и 697 (ныне ул. Гаванная, № 6), был приличный дом со службами, обращенный фасадом к улице и выстроенный к маю 1812 года (на базе более ранних построек) елисаветградским первой гильдии купцом *Савином Голиковым* и тут же на корню купленный упоминавшимся купцом *Фундуклеем* для упоминавшегося же купца *Кошелева*.[214] В чем тут, как нынче говорят, фишка? Елисаветградские купцы были довольно влиятельными в юной Одессе, многие занимались питейным откупом – Клёнов, Голиков, Гладков, Замятин, Бабарыкин, Рогалёв, Фундуклей. При этом все они – крупные муниципальные деятели обоих городов, а Савин Голиков, Аким Рогалев и Иван Фундуклей в разное время избирались городскими головами Елисаветграда – соответственно в 1800-м, 1815-м и 1818-м.[215] 13 августа 1814 года этот дом, оцененный в 10.500 рублей, Кошелев в числе другого имущества просил принять в залог от содержателей винного откупа.[216]

Следующие строения по ул. Гаванной влево – ныне там здание Одесского историко-краеведческого музея – в интересующее нас время принадлежали титулярному советнику Захарию Прокофьевичу *Леонтовичу*, много лет прослужившему в Одесской карантинной конторе, где начинал с нижайшего чина коллежского регистратора. Был он, очевидно, человеком сведущим, надежным и, как помним, представлял интересы статского советника Бейна по делам недвижимости. До нас дошли сведения о его приватной жизни, но что гораздо интереснее – информация о найме дома Леонтовича для проживания премьера итальянской оперной труппы пушкинской поры *Бартолуччи*. Места Леонтовича – № 698 и 699 в LXV квартале (ныне – Гаванная, № 4 и 2), 5 июня 1802 года были отведены упоминавшемуся выше коллежскому асессору Константину Андрияшу, который застроился на более выгодных тогда участках, а эти 17 января 1803-го уступил карантинному комиссару при пакгаузах титулярному советнику Кириллу Федоровичу Педченкову. В свою очередь, Педченков 5 мая 1804 года уступил места Леонтовичу, который

и застроился.[217] Небольшие постройки на обоих местах здесь фиксируются планом Ф. Франполли 1807 года. Из городского плана 1814-го следует, что эти незначительные строения заменены солидным домом П-образной формы, фасадом к улице, на месте № 698, а № 699 – пустопорожний.

Из более широкого круга архивных источников однозначно следует: Леонтович оставил за собой и застроил лишь № 698, а № 699, что называется, пошел по рукам. В перечне соискателей и временных владельцев: помещик Ян Янковский[218], херсонский купец, представитель известной фамилии Луиджи Альбрант, комиссионер 8 класса (фигурирует и как смотритель Одесского военного госпиталя) Бенкин (Бенкен)[219], супруга коллежского регистратора Христина Николаевна Кушковская и майор Рачковский[220]. Наконец, 13 декабря 1815-го это место получил Феликс де Рибас, который и застроился успешно, о чем мы поговорим чуть ниже. А пока вернемся к Леонтовичу.

14 мая 1823 года *содержатель Городского театра Бонаволио* «просил словесно в присутствии Комитета удовлетворить его 1.200 рублей, употребленных на квартиру для актрисы девицы *Ариги*». 13 ноября 1821-го он подал прошение Ланжерону, что хотя по второму пункту контракта должен нанять квартиры для всех актеров, но ему отведен дом только для него, где все актеры поместиться не могли, и другой дом – для русской труппы. «Таким образом, *девица Ариги*, *г-жа Рикарди*, *Бартолучи*. *Риески* с женою, *Гуельмини*, *г-жа Ро* и портной помещены с их приезда за 2.800 рублей по 5-е число октября. Теперь он нанял дом г. Черновой за 3.300 рублей в год, где поместятся *г-жа Каталани*, *г. Гуельмини*, *г. Риески с женою*, *г-жа Ро* и портной. По окончании термина годового прежде нанятого дому поместятся тут *г.* и *г-жа Рикарди* и *Бартолучи*. Так что уже других квартир не нужно, кроме девицы Ариги». В журнале заседаний ОСК от 28 ноября по этому прошению утверждает 3.300 рублей.[221] 17 мая 1823 года Бонаволио докладывает Комитету о контракте найма квартиры для актера Бартолучи с 15 сентября 1822-го по 15 сентября 1823-го за 600 рублей в доме титулярного советника *Леонтовича*. Для других актеров нанят дом полковницы *Черновой* за 2.800 рублей.[222] Дому Черновой мы посвятили от-

дельный раздел книги. О «пушкинской труппе» и театральных знакомствах Поэта тоже еще поговорим.

Дом Леонтовича был построен по плану, что засвидетельствовано Боффо, реконструирован после пожара дворовых флигелей в 1818 году, оценен в 16.000 рублей, приносил доход от аренды.[223] Впрочем, у хозяина возник конфликт с дочерью от первого брака, поскольку наследницей становилась вторая жена Леонтовича, Анна, дочь умершего титулярного советника Островского. Однако соседи-домовладельцы свидетельствовали в поддержку супругов, и больше претензий к наследнице не было.[224] Леонтович скончался 22 апреля 1824 года от чахотки в возрасте 50 лет.[225] Вдова осталась наедине с проблемами: в доме текла крыша, и она рисковала лишиться нового арендатора, одесского купца Ивана Квеквича, 8 октября 1824 года просила ОСК дозволения перекрыть кровлю дранью, однако получила отказ[226]. Суть в том, что в тот период дома в центре разрешалось перекрывать наново только железом или черепицей, чтобы город выглядел краше. Как вдова справилась с ситуацией, к сожалению, не знаю, а потому переживаю.

Теперь – *о недвижимости де Рибаса*, что на участке № 699. Тут был первый из двух домов, построенных им после вынужденной продажи прежних в 1806-1807 годах. Этот одноэтажный дом по адресу Малый (Маяковского) переулок, № 1, сохранился, и атрибутирован В.А. Чарнецким, как и другой, почти синхронный, по улице Гаванной, № 1[227], находящийся практически напротив. Согласно определению Строительного комитета, первый из них должен был быть окончен строением не позднее 13 декабря 1816-го. Что касается второго, то связанный с ним сюжет мною уже изложен в другом издании.[228] Место, на котором он был построен, и находивший тут старый магазин (амбар), де Рибасу уступила вдова покойного архитектора Ф. Фраполли. Поскольку решением ОСК 1818 года по центральным улицам не дозволялось строить здания менее чем в два этажа, де Рибас и возвел тут не слишком большой, но двухэтажный дом. Прошение о выдаче ему владельческих документов последовало 25 февраля 1819-го, а 10 марта, после выяснения всех обстоятельств, вопрос был решен.[229]

Вероятно, Пушкин бывал в обоих домах де Рибаса, однако о посещениях двухэтажного мы знаем наверняка.[230] Здесь квартировали Давыдовы, Раевский, Бутурлин, аббат Буавен, которых навещал Поэт. Меж этими домами де Рибаса пролегал довольно крутой спуск к морю, Военная балка. Отсюда Пушкин направлялся к так называемому Купальному берегу, но этой теме мы посвятили отдельный раздел. А сейчас вернемся по нечетной стороне Гаванной к Ланжероновской и Дерибасовской улицам.

Мимоходом отмечу, что двухэтажный дом де Рибаса по Гаванной украшен неформальным памятным знаком, установленным неофициально самими одесситами. А вот архаичная одноэтажка по Малому переулку, где много лет функционирует любимое одесситами кафе «Зося» – легендарная тусовка творческих людей, – непременно будет снабжена памятным знаком в рамках очередного проекта международного поэтического фестиваля «Пушкинская осень в Одессе».

Купальный берег

Первый из них располагался на углу Ланжероновской (№ 21, сохранился), а другой примыкал к нему со стороны Дерибасовской (№ 20, не сохранился). Целесообразнее начинать изучение эволюции этой недвижимости как раз со второй позиции как территории, освоенной в первую очередь. Сюжет в общих чертах мною уже описан в одной из предыдущих книг.[231]

Владелица домостроений и участка, Александра Афанасьевна Попандопуло (Попандополо) – дочь известного одесского попечителя поселенцев, выходцев из Средиземноморья, магистратского бургомистра Афанасия Васильевича Кесоглу и его жены Кассандры Ивановны, супруга генерал-майора Э.Г. Попандопуло, благотворительница. Родилась в Константинополе (1784) в семье фанариотов, которая, как и ряд других здешних греческих семейств, перебралась в Россию. Ее муж Эммануил Григорьевич Попандопуло – участник штурма Очакова, сражения под Каушанами, отчаянный храбрец и вместе с тем грамотный, расчетливый военачальник, герой средиземноморских походов российского флота, шеф Колыванского мушкетерского полка (1806), георгиевский кавалер (1807), погиб под Шумлой в 1810 году.

Из архивных документов видно, что участок под застройку на углу будущих улиц Дерибасовской и Гаванной отведен главе семейства Попандопуло Одесским городским магистратом 20 августа 1802 года.[232] Это место, ныне занимаемое «хрущобой», где много лет находился большой, в советских традициях овощной магазин, а ныне – «Стейк-хаус». Сохранившийся в приватной коллекции М.Б. Пойзнера старый снимок, как и другие фотоматериалы, запечатлели патриархальный одноэтажный дом – впрочем, довольно солидный, на цоколе, в котором по обыкновению устроили мощные подвалы на сводах. Нынешнее здание построено в 1959-1962 годах на месте упомянутого старого дома. Изначально интересующее нас место, примыкавшее к балке и менее удобное, не застраивалось и, как мы уже говорили, было отведено Городским магистратом Эммануилу Григорьевичу Попандопуло, тогда еще полковнику, 20 августа 1802 года. Дом фигурирует

в архивных документах как построенный, по крайней мере в 1805-м, но явно возведен ранее, вероятно, уже в 1803-м. Фигура владельца довольно примечательна и превосходно характеризует рельефный тип первопоселенца.

Как многие подростки из благородных греческих семейств в екатерининские времена, он с осени 1775 года воспитывался в столичной Греческой гимназии при Инженерно-артиллерийском шляхетском корпусе (с 1779 года здесь обучали и военным наукам), и в 1781 году был выпущен прапорщиком. В 1788 году Попандопуло участвовал в штурме Очакова, а затем и в других сражениях той русско-турецкой кампании, за отличие в битве при Каушанах был переведен в генштаб, сопровождал российское посольство в Стамбул. Молодой офицер сочетал в себе качества чрезвычайно важные и редко совместимые в одной особе: отчаянную храбрость, предприимчивость, изобретательность, организаторские способности, великолепную эрудицию, включая знание многих языков. Все эти таланты сполна проявились в пору средиземноморских экспедиций российского флота под началом адмирала Д.Н. Сенявина.

В 1803 году полковник Попандопуло сформировал отряд военнослужащих из штата одного провинциального гарнизона, включающий пехотный батальон и артиллерийскую команду с 12-ю орудиями. В 1804-м высадился на остров Корфу, где занялся организацией регулярной армии Ионической республики, то есть республики одноименных (семи) островов. В это же время произведен в генерал-майоры, а в следующем году подготовленный им греческий легион присоединился к флоту Сенявина и отправился в Неаполь. В 1806-м он командовал русскими войсками в области Бокка-ди-Каттаро, в Далмации, 19 сентября после семичасового боя потеснил французов и занял Кастель-Нуово. Вскоре генерал Попандопуло был назначен шефом Колыванского мушкетерского полка и, приняв командование над ним и всеми греческими войсками, удачно противодействовал памятному нам по знаменитому роману Дюма «Граф Монте-Кристо» союзнику Франции, паше Али из Янины. В 1807 году в крепости Парча, откуда, к слову, вышло немало поселившихся

Одноэтажный дом генеральши Попандопуло на углу Дерибасовской и Гаванной улиц

в Одессе греческих семейств (Парчовы), генерал сформировал еще три легиона, организовал оборону острова Санто-Мавро, на который покушался означенный паша.

После заключения мирного договора в Тильзите Попандопуло со всеми подчиненными ему войсками вернулся в Россию через Италию и Австрию. В те годы бывал в Одессе не так часто и долго, как ему хотелось бы, не имел возможности непосредственно заниматься домостроительством, радоваться общению с молодой супругой и дочерьми. Впрочем, семья в ту пору жила безбедно, владела крепостными дворовыми людьми. Навестив родных, генерал тут же снова был призван на поле брани – шла очередная русско-турецкая война. В составе Молдавской армии, под началом графа Н.М. Каменского, Эммануил Григорьевич еще успел отличиться в нескольких боях и, наконец, героически погиб под Шумлой 11 июня 1810 года. Было ли доставлено для погребения в Одессу его тело, мы не знаем, хотя подобные примеры нередки. Сохранилась достоверная информация о другом: все находившиеся

при нем семейные деловые бумаги, в том числе документы на одесскую недвижимость, были тогда утрачены, и вдове пришлось их восстанавливать.

Кто знает, возможно, столь разносторонне одаренный человек с широким кругозором вел дневник, а личную переписку, как и все представители его круга, хранил наверняка. Вспомним, например, о том, что в той же армии воевал граф М.С. Воронцов и множество других интереснейших исторических персонажей, с которыми Попандопуло тесно общался. Утрата личного архива серьезно осложняет воссоздание портрета живого человека: от блистательной его карьеры осталось нечто вроде формальной анкеты, за которой лишь пунктирно проявляются очертания выдающегося военачальника, администратора, дипломата.

Когда в 1856 году «генеральша Попандопуло» пожелала подарить часть примыкающей к ее дому земли сопредельному *Ришельевскому лицею*, из-за утраты первичных владельческих документов возникли бюрократические затруднения, впрочем, разрешенные.[233]

Выдающимися благотворительницами были и дочери Александры Афанасьевны. Мария Эммануиловна – выпускница столичного Екатерининского института (1823), с первых месяцев 1844 года активнейшая сотрудница Одесского женского благотворительного общества, а с 1845-го член его правления. После кончины Марии (1873) в Одессе даже была издана отдельная брошюра, отразившая ее подвижническую деятельность. Клеопатра Эммануиловна, в замужестве Энно, также отличилась в движении милосердия. Ее супруг Виктор Карлович – авторитетный врач, химик, думец, благотворитель, первый бельгийский консул в Одессе.

Еще одна дочь генерала, Анна Эммануиловна, 11 ноября 1801 года обвенчалась с видным фигурантом ранней истории города – майором Одесского греческого пехотного батальона (1795-1797) Андреем Спиридоновичем Бугой (1744-1829), владельцем одного из самых лучших домостроений, благотворителем. Показательно, что поручителем в ходе бракосочетания выступал одесский городской голова Иван Иванович Кафажи. Будучи уже подпол-

ковником в отставке, Буга выступал ходатаем от Городского магистрата перед императором Павлом о даровании Одессе привилегий по образцу Риги и Ревеля (1800).

Сестра Александры Афанасьевны, Мария (1788 г. р.), вышла замуж за херсонского, затем одесского полицмейстера, а далее председателя Одесского коммерческого суда Николая Гавриловича Дембровского, который построил очень заметный по тем временам двухэтажный дом (1821-1823) в том же квартале, со стороны Ланжероновской улицы на местах, по-родственному уступленных А.А. Попандопуло, и вскоре (1825) перешедший во владение графа А.Ф. Ланжерона. В первой половине 1824-го этот дом оценивался в 65.000 рублей, то есть был одним из самых дорогих в Одессе. Дочь Дембровских Наталья вышла замуж за известного генерал-майора Фому Петровича Лузанова (1787-1871), другая дочь – Екатерина – опекалась семейством Энно. Сын Н.Г. Дембровского Михаил Николаевич (1819-1891) – генерал-майор, состоявший по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе, затем – при командующем Одесским военным округом.

История постройки солидного двухэтажного дома Дембровского довольно отчетливо прослеживается по архивным документам, но вызывает ряд каверзных вопросов, связанных с обстоятельствами, скажем так, специфического финансирования этого проекта и поспешного перехода данной недвижимости во владение графа Ланжерона. Относительно перехода самого участка от Попандопуло к ее родственнику Дембровскому неясностей нет: ОСК принуждал генеральшу к застройке этого пустопорожнего места, а материальных возможностей у нее не было. 26 мая 1821 года по ее собственной просьбе Комитет распорядился «находящуюся на оном (месте. – **О. Г.**) часть строения с оградою оценить, и ей заплатить», а определением от 21 июня отдал это место под застройку просителю – коллежскому советнику Николаю Дембровскому.[234]

И вот тут невольно бросаются в глаза любопытные коллизии. Все, в принципе, как бы на общих основаниях, по существующим правилам, определен стандартный двухлетний срок застройки, решение утверждено градоначальником Н.Я. Трегубовым.[235]

Однако тут мы узнаем о факте поистине вопиющем, невиданном: Дембровский получает на сооружение этого дома огромную ссуду – 25.000 рублей[236], причем из доброхотных пожертвований на сооружение храмов в предместьях[237]. И суть даже не в том, из каких средств выдана сумма – в конце концов, если строительство храмов буксовало, то имеющийся капитал как раз выгодно было ссужать под проценты, – а в том, что такой колоссальной суммы город и близко никогда никому не ссужал. Я не великий конспиролог, но с учетом общественного положения Дембровского, его семейных и социальных связей, тут все же просматривается некая затейливая финансовая комбинация. Впрочем, это мое личное впечатление.

Но пойдем дальше. 5 июня 1821 года Строительный комитет утвердил план на построение дома Дембровского.[238] И что снова показательно, ОСК помогал застройщику стройматериалами.[239] Дембровский в два года не уложился, дом окончен в марте 1824-го, а ровно через год приобретен Ланжероном.[240] В том же 1824-м оценочная стоимость этой недвижимости составляла 65.000 рублей[241] – одна из самых высоких в городе. Я не любитель считать чужие деньги, но, воленс-ноленс, интересуюсь, откуда оная сумма могла взяться у графа Ланжерона, человека далеко не состоятельного. Вопрос, понятно, риторический.

Бывал ли Пушкин в домах Дембровского и Попандопуло, мы не знаем. Во всяком случае, это не исключено. Но то, что часто проходил рядом и наблюдал строительство первого, – это точно. На некоторые размышления наводит следующий фрагмент записок графа М.Д. Бутурлина: «Был также и второстепенный кружок чиновничьего и неаристократического состава, собиравшийся у жившего открытым домом грека г. Попандопуло, с которым я не был знаком, но слыхал, что там весело проводили время».[242] Совершенно очевидно, что тут говорится как раз о салоне генеральши Попандопуло, где собирались чиновники и коммерсанты. Поскольку граф там лично не бывал, знал обо всем лишь понаслышке, а дом называли просто домом Попандопуло, Бутурлин много лет спустя по-своему интерпретирует эти сообщения.

Дом Петрулина

Для полноты картины, отражающей историю ранней застройки квартала по улице Гаванной, меж Ланжероновской и Дерибасовской, прибавим следующее. Первыми построились Попандопуло, владевшие угловым местом по Дерибасовской, № 20 (Гаванная, № 13). За ними – губернский секретарь *Василий Васильевич Петрулин*, сперва служивший адъютантом герцога Ришелье, а с 1819-го по 1823-й в чине коллежского советника состоял херсонским вице-губернатором и председателем Херсонской казенной палаты; 26 мая 1820-го получил орден Св. Владимира 3-й степени; в 1823-м или в начале 1824-го переведен на должность вице-губернатора в Кишинев; председательствовал в Казенной экономической экспедиции областного правительства Бессарабии, где проявил себя с самой лучшей стороны; при всей слабости здоровья отличался чрезвычайной добросовестностью и трудолюбием; умер 6 ноября 1824 года. Дом Петрулина занимал часть пятна застройки нынешним домом № 9 по Гаванной. Меж ними, в пределах дома № 11, к 7 ноября 1805 года «произвел строения» иностранный негоциант *Martin Srkrochowski*.[243] Из этого следует, что сказанная недвижимость Петрулина, Srkrochowski и пустопорожнее место за ними, на углу Гаванной и Ланжероновской, позднее перешли во владение семейства Попандопуло. По крайней мере, трудно представить себе иное развитие сценария.

Ришельевский лицей

Напротив Гаванной, или Гаваньской, улицы лежала Александровская площадь, а за ней одноименный проспект – в ту пору одна из главных торговых магистралей Одессы. Этой теме мы посвятим отдельный раздел, а пока перейдем к соседствующим с домом Попандопуло по Дерибасовской строениям и местам Ришельевского лицея.

Прообразом лицея была Коммерческая гимназия, о которой заинтересованному читателю кое-что известно: этот сюжет издавна привлекал внимание исследователей.[244] Тем не менее

Ришельевский лицей со стороны Екатерининской улицы. 1830-е гг.

у меня есть возможность поделиться довольно любопытной информацией о суровых обстоятельствах и солидных расходах, приведших к формированию этого учебного заведения.

Ришелье предоставил нарождающейся гимназии самое лучшее из существовавших в тот период казенных зданий, так называемый «дом главного военного начальника», то есть бывший дом Иосифа де Рибаса.[245] Строения располагались в виде трех больших флигелей, один – по будущей Екатерининской улице, меж Дерибасовской и Ланжероновской, два других, угольной формы, примыкали к последним из названных улиц. В плане застройка представляла собой прямоугольник, к которому примыкал большой сад. Это видно из высочайше утвержденного генплана Одессы 1802-1803 годов, составленного под началом военного инженера Ферстера, и плана архитектора Франполли 1807 года.[246]

Разумеется, выделенные под гимназию строения надлежало отремонтировать и переоборудовать. Работы развернулись с ранней весны 1805-го. 2 марта «из лавки купца Андросова в починяющийся дом для гимназии» доставлено 18 медных замков по 4 рубля, 18 пар медных задвижек по 1 рубль 40 копеек. У других лиц для гимназии приобретен огнеупорный кирпич и сосновые доски. В апреле такого рода закупки продолжаются.[247] Опосредо-

ванно это свидетельствует о наличии в этом комплексе строений по крайней мере около двух десятков помещений.

19 и 30 июня директору Вольсею дважды выдали по 500 рублей «для некоторых переделок в доме гимназии».[248] 22 июня у купца Авчинникова приобрели 100 досок в три сажени по 1 руб. 25 коп., всего на 125 руб. «к дому гимназии для обшивки колокольни», а затем и бревен для той же колокольни.[249] Вероятно, речь идет об устройстве домовой церкви. Однако колокольня могла исполнять и функцию оповещения о начале и конце занятий.

К несчастью, гимназию постигла катастрофа уже в первый сезон ее существования. В начале 1806-го случился сильный пожар[250], подробности и причины которого до нас не дошли. Герцог Ришелье и не помышлял о том, чтобы оставить свое детище на произвол судьбы, и предпринял самые решительные шаги по его спасению. Можно безо всякой натяжки утверждать, что шаги эти были поистине беспрецедентные. Пользуясь личным расположением монарха, он исходатайствовал колоссальную по тем временам сумму – 50 тысяч рублей. Император Александр Павлович пожаловал их городу 21 апреля того же года, сроком на десятилетие, под символические проценты.[251] Чтобы оценить неординарность этого события, напомню: тогда же, в 1806-м, Ришелье с дозволения Александра получил такую же сумму под необременительные проценты для раздачи желающим строиться одесситам. При этом 29 горожан получили под надежные залоги 40 тысяч из выделенных 50-ти[252] и постепенно выполнили свои обязательства, тем самым способствуя становлению Одессы. В данном же случае вся огромная сумма отпускалась в одни руки!

Из самого названия архивного дела, на которое мы только что ссылались, «Дело о сумме 50 тыс., высочайше пожалованных заимообразно на построение дома гимназии» – видно, что речь идет уже не только о восстановлении, но и достройке бывшего «дома главного воинского начальника». О некоторых достройках свидетельствует не только реестр отпускаемым гимназии материалам, но и синхронный план города, составленный городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году. Из этого документа отчетливо видно, что два угловых флигеля соединены и достроены со стороны нынешней Дерибасовской улицы.[253]

Справа – бывшие строения Ришельевского лицея. Конец XIX ст.

Показательно, что отпуск дорогих и дефицитных строительных материалов для гимназии осуществлялся параллельно со снабжением приоритетных для города построек, так сказать, казенных объектов первого ряда: Свято-Николаевского соборного храма, Городского госпиталя, Городского театра и оборонительных казарм.[254] Из журналов Строительного комитета видно, что и в следующие годы достройки занимаемого гимназией казенного дома продолжались под началом директора Вольсея, которому при увольнении вернули потраченную на это довольно значительную сумму.[255] Нечего и говорить об относительно мелких ремонтах и переустройствах.[256] Масштабные достройки бывшего «дома главного военного начальника» продолжались и позднее, в конце 1810-х, а окончательное оформление территории завершились после присоединения участка, подаренного генеральшей Попандопуло.

Князь И.М. Долгорукий описывает лицей образца 1810 года: «Он велик, опрятен и хорош; все содержание детей отменно рассчитано со стороны пищи, одежды и прислуги. За каждого мальчика платят отдающие его по 500 руб. в год (…) Учителей содержат за дорогую плату, и лучших, каких достать можно».[257]

Памятный знак А.С. Пушкину на здании Ришельевского лицея

Торжественно открыт 15 сентября 2015-го на бывшем здании Ришельевского лицея, по улице Дерибасовской, № 16. Ришельевский лицей, второй в России после Царскосельского, учрежден в Одессе по высочайшему указу от 2 мая 1817 года на базе функционировавших ранее Благородного института и Коммерческой гимназии. Крупнейший просветительский центр на Юге. Образование здесь было приближено к университетскому, заведение считалось весьма престижным. В числе лицеистов немало представителей аристократии России и зарубежья – Волконские, Сен-При, Четвертинские, Рошфор и др. О лицее чрезвычайно лестно отзывались Зинаида Волконская, Батюшков, Сенковский, в его дортуарах обитал Мицкевич (1825), здесь бывали Жуковский, Вяземский, Полонский, Погодин, Надеждин, Стурдза, Свиньин и т. д.

Посещения Ришельевского лицея Пушкиным зафиксированы академическим изданием «Летописи жизни и творчества» М.А. Цявловского. Источниками служат свидетельства самих лицеистов. Подробно об одном из таких посещений в июле 1824 года рассказал тогдашний лицеист Александр Михайлович Сумароков:[258]

«…Входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:

– Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:
– Что вы читаете?
– Речь Цицерона, – ответил я.
– Как ваша фамилия?
– Сумароков.
– Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?
– Нет.
– Читали вы Пушкина?
– Нам запрещено читать его сочинения.
– Видели вы его?
– Нет, я редко выхожу из заведения.
– Желали бы его видеть?

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, – о нем много говорят в городе, как мне передали товарищи.

Он усмехнулся и сказал:
– Я – Пушкин, прощайте.

Когда мы шли по длинному коридору, он сказал:
– Однако у вас в Лицее, как я вижу, свободный вход и выход.
– Это по случаю каникул…»

О посещениях Ришельевского лицея Пушкиным сообщает достойный всяческого доверия Николай Григорьевич Тройницкий, брат члена Государственного совета А.Г. Тройницкого, впоследствии друживший со Львом Сергеевичем Пушкиным и Н.В. Гоголем. В частности, Тройницкий уточняет: «…он (Пушкин) заходил в старшие классы, заходил, между прочим, и в ту классную комнату, которая обращена теперь в пивную в доме Вагнера (прежнее здание лицея)…».[259] Мемуарист говорит о знаменитой пивной Брунса, которую впоследствии, что символично, посещали Бунин, Куприн и другие знаменитости. Ныне это офис МЧС в дворовом корпусе, соединяющем фасадные строения со стороны Дерибасовской и Ланжероновской улиц.

Информативны и любопытны свидетельства Болеслава Маркевича.[260] Тема «Пушкин и Ришельевский лицей» детально исследуется в целом ряде разновозрастных публикаций о рукописном лицейском журнале «Ареопаг» (1828-1830 гг.), начиная со статьи А.М. де Рибаса. Все говорят о восторженной любви воспитанников Одесского лицея к поэту, буквально о культе Пушкина, уста-

новившемся в среде одесских лицеистов. «Ареопаг» как бы и сделался олицетворением этого культа.

Мемориальный знак на фасаде Ришельевского лицея замыкает часть формируемого международными поэтическими фестивалями «Пушкин в Британии» и «Пушкинская осень в Одессе» пушкинского маршрута меж Клубной гостиницей – основным местом пребывания поэта в 1823-1824 гг. – и ближайшими пушкинскими адресами по ул. Дерибасовской и в районе Соборной площади, где ранее уже открыты мемориальный барельеф и арт-объект. В следующие годы маршрут будет значительно продлен, о чем говорилось выше.

Частные домостроения по нечетной стороне Дерибасовской улицы

Этой темы отчасти касался в одной из предыдущих книг.[261] Однако издание это популярное, без ссылок на первоисточники, с информационными пробелами. Поэтому есть смысл вернуться к данной проблематике.

Речь идет о кварталах X, IX, VIII Военного форштата, меж Александровской площадью, улицами Екатерининской, Ришельевской и Итальянской. Как четко свидетельствуют архивные материалы – топографические и текстовые, – они отводились под застройку и застраивались в первую очередь. Отводы производились в августе-сентябре 1794-го, с самого основания Одессы, а первые, относительно скромные постройки, стали появляться уже в конце 1790-х. Можно говорить о том, что наряду с «военным городком» это один из первых локальных «центров кристаллизации». Постепенно расширяясь, такие островки преобразовали первичный архипелаг застройки в одесский материк, целостный город.

Разумеется, у этих ранних построек не было шансов на долгожительство: впоследствии их либо совсем разбирали, либо достраивали и перестраивали до полной неузнаваемости. Тем не менее в ходе недавней реконструкции дома – Красный переулок, № 1 (Дерибасовская, № 23) – специалистами зафиксированы первичные кладки, своды, подвалы. В этом отношении примечателен

и смежный дом по переулку, № 3, окончательно оформившийся как раз в интересующее нас время. Он чудом сохранился, и дает хорошее представление о характере застройки центра в 1820-х. Давайте с вами и обратимся к обстоятельствам застройки этого (Х-го) квартала, этих участков и отдельных мест как типичных.

Итак, первичная раздача мест в Х-м квартале Военного форштата: он почти квадратной формы, обращен фасадами к Дерибасовской, Екатерининской, Греческой улицам и Красному переулку. Перечисляю номера мест и лиц, которым они отведены в 1794-м: № 73 – польскому шляхтичу Богуславскому, № 74 – греку Константину Поликрине, № 75 – кременчугскому купцу Кокушкину, № 76 – греку Ивану Дючи, № 77 – артиллерии подпоручику Горголию, № 78 – купцу Григорию Яхонтовскому, № 79 – поляку Ивану Желтовскому, № 80 – поляку Семену Островскому.[262] Итого восемь мест, а должно было быть, как и во всех соседних кварталах, десять. В реестр просто-напросто вкралась канцелярская ошибка: в Х квартал вписали восемь номеров, а в XV – 12.[263] Когда хватились, изъяли из XV-го квартала (он расположен напротив Х-го, меж улицами Греческой, Екатерининской, Полицейской и Красным переулком) два лишних номера – 129, 130 – и перекинули их в Х.

По имеющимся архивным документам можно отчетливо судить, как эти места переходили из рук в руки и кто их застраивал. Так из прошения одесского первой гильдии *купца Москули* от 2 ноября 1805 года и последовавшего решения ОСК от 13 ноября видно: место № 80, отведенное 30 августа 1794-го поляку Семену Островскому, оставалось незастроенным и было передано последним покойному отцу просителя Москули. «Но отец мой, – пишет проситель, – по иностранству своему должного на то место от уступщика, или откель следовало, (документов. – **О. Г.**) не получил. Потому досталось от отца мне, которое застроено, и я, владея оным более десяти лет, никто не вступался (то есть не оспаривал прав. – **О. Г.**), в таком случае оного Комитета прошу, утвердив сие место за мною, выдать на спокойное оным владение открытый лист». Прошение удовлетворили.[264] Дом Москули значится в ведомости и как начатый строением в 1805-м.[265] Что это может означать? Либо достройку первичного дома, либо капитальную перестройку.

В это самое время греческий выходец Федор Москули (Мускули) состоял членом Строительного комитета от купечества. Есть метрическая запись о его бракосочетании с дочерью корабельного мастера Марией Константиновной Миконяти в греческой Свято-Троицкой церкви 6 ноября 1801 года.[266] Дом Москули локализуется по улице Дерибасовской, № 21, где ныне торговый центр «Европа».

Из тех же документов следует, что место № 130 изначально отведено артиллерии штык-юнкеру Шостаку.[267] Семейство Шостак хорошо известно исследователям ранней истории Одессы. Место отведено *Антону Ильичу Шостаку*, дослужившемуся до поручика артиллерии, вышедшему в отставку и бравшему строительные подряды.[268] Однако реально место застроил другой представитель этого рода, штабс-капитан *Григорий Шостак*, и в 1804 году эта недвижимость получила оценку 4.000 рублей[269]. Для одноэтажного строения по тем временам довольно высокая оценочная стоимость, свидетельствующая о значительной площади застройки, наличии сводчатых подвалов и служб. Соответствует местоположению нынешнего дома по улице Дерибасовской, № 23 (Красный переулок, № 1).

Место № 77, изначально отведенное артиллерии подпоручику Горголи, 30 октября 1798 года передали под застройку подпоручику *Андрею Трано*. Судя по всему, он сперва устроил довольно примитивные постройки, и только к маю 1816-го – плановый дом, на который и получил в ОСК владельческие документы.[270] Отставной артиллерии подпоручик Андрей Николаевич Трано умер 18 августа 1831 года в возрасте 87-ми лет, а его супруга Феодосия – 23 июля 1819-го в возрасте 56 лет.[271] Их дочь Елена 6 ноября 1811 года вступила в брак с одесским купцом Эммануилом Дмитричем.[272] В близком родстве с А.Н. Трано состояли одесские купцы Николай и Пасхалий Трано, в 1804-1824 гг. владевшие двумя лавками на Александровской площади, в Бакалейном ряду.[273]

77-е место локализуется по адресу Красный переулок, № 3, на котором мы сегодня имеем явно архаичный двухэтажный дом, типичное из приличных частных зданий пушкинского времени. Что мы о нем знаем и как его история согласуется с изложенной выше информацией? Очень хорошо согласуется. 23 августа

1816 года, ровно через месяц после кончины супруги, Трано и одновременно Шостак продали оба места, № 130 и № 77, одесскому первой гильдии купцу *Шаю* (*Исайе*) *Левенсону* (*Левензону*). Купчая крепость совершена в Херсонской палате гражданского суда. Строения обозначены как «дом с каменными лавками и магазинами». Позднее, в первой половине 1821 года, Левенсон просил Строительный комитет указать ему границы этих двух мест, что и было поручено архитектору А.А. Дигби.[274] Таким образом, мы четко представляем, какие именно строения видел здесь Пушкин.

К слову, сохранился перечень недвижимости, принадлежавшей одесскому первой гильдии купцу Шаю Левенсону на 24 мая 1823 года. Помимо комплекса домостроений по Красному переулку и Дерибасовской это еще три других объекта. Во-первых, бывший дом польского помещика Яна Ярошинского по Екатерининской улице, построенный по утвержденному Строительным комитетом плану, ныне здесь дом № 34/36. Далее – бывшие домостроения итальянского негоцианта Павла Перозио по Троицкой улице – ныне место застройки четырехэтажным домом № 28. Это здание было построено не по плану, очевидно, на первом этапе существования города. Наконец, еще один дом, построенный «не противно архитектуре», Левенсон приобрел у австрийского негоцианта Николая Герасимо. Этот последний получил место под застройку в 1803 году в квартале меж Преображенской, Малой Арнаутской, Мещанской и Большой Арнаутской улицами.[275]

Примечания

[182] Сын Отчества. 1823, № 2, с. 209, 213.

[183] С.Я. Боровой. «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века. – В сб.: Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Т. II. – Кишинев: «Штиница», 1961, с. 270-271.

[184] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 64.

[185] Там же, л. 184.

[186] Там же, л. 347 об.

[187] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 48. – 28 л.

[188] Там же, оп. 2, д. 35. – 77 л.

[189] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 69, 296.

[190] Там же, д. 266, л. 245-246, 260, 321 об. – 322; Там же, д. 267, л. 28.

[191] Там же, д. 268, л. 27, 196-197.

[192] Там же, л. 65, 112, 344 об., 408, 550-551.

[193] Там же, д. 264, л. 7.

[194] Там же, л. 149.

[195] Там же, л. 188.

[196] Там же, л. 283.

[197] ОГИКМ, инв. № 563, 605 и др.

[198] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 423. – Там же, д. 267, л. 158 об. – 159.

[199] Там же, д. 267, л. 407.

[200] Там же, д. 267, л. 158 об. – 159.

[201] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 12.

[202] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 28-31.

[203] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 153.

[204] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 119-122, 264-265; Там же, д. 282, л. 387.

[205] Одесский вестник, 1831, № 8.

[206] Там же, 1832, № 65.

[207] Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1991, с. 371.

[208] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 24-25, 63, 65, 92 об.

[209] Там же, л. 4-8.

[210] Б.М. Маркевич. ПСС, Т. XI. – СПб., 1885, с. 370-371.

[211] Новороссийский календарь на 1837 год, с. 161; То же на 1842 г., с. 273; То же на 1843 г., с. 287 и др.

[212] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 286 об. – 287.

[213] Там же, д. 287, л. 476 об. – 477 об.

[214] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 311, 312, 324, 325.

[215] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 475.

[216] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 44.

[217] Там же, д. 286, л. 249-257.

[218] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 244-245.

[219] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 129; Там же, ф. 4, оп. 3, д. 433, л. 98-99.

[220] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 303.

[221] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 606 об. – 607 об.

[222] Там же, л. 623 об. – 625 об.

[223] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 122.

[224] Там же, д. 286, л. 249-257.

[225] Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 147.

[226] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 67 об.

[227] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: «Друк», 2001, с. 62-63.

[228] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 337-338.

[229] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 1, л. 203 (377), 204 (378), 205 (379).

[230] В.А. Чарнецкий, там же.

[231] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299.

[232] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 341-342.

[233] Там же, ф. 59, оп. 4, д. 378, л. 1, 2, 3, 4.

[234] Там же, оп. 1, д. 186, л. 429.

[235] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 672 об.

[236] Там же, л. 740.

[237] Там же, д. 283, л. 62-66.

[238] Там же, д. 9, л. 5 об., № 59.

[239] Там же, д. 281, л. 118.

[240] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: «Друк», 2001, с. 87.

[241] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 105.

[242] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 24.

[243] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 299.

[244] К.Н. Смольянинов История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151. Тот же автор (с. 139) сообщает о функционировании частного училища коллежского асессора Врето, с 1 декабря 1800-го по 1 декабря 1803 года. Два учителя преподавали греческий, итальянский языки и другие предметы для 40-70 учащихся.

[245] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 114; Смольянинов. Указ. соч., с. 38, 61, 90.

[246] ОГИКМ, инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллаква в 1836 году (инв. № К-609); Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-602.

[247] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 68.

[248] Там же, л. 298, 317.

[249] Там же, л. 301, 303.

[250] Смольянинов. Указ. соч., с. 151.

[251] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 16.

[252] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20 (1806 г.), л. 5, 163-173; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 211, 241-243, 277, 300 и др.

[253] ОГИКМ, инв. № К-602.

[254] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258.

[255] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 350, 391.

[256] Там же, л. 136.

[257] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 151.

[258] Одесский вестник, № 346, 1886.

[259] Одесский вестник, № 93, 1887.

[260] Б.М. Маркевич. ПСС, т. XI. – СПб., 1885, с. 368, 370-372, 385, 387 и др.

[261] Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: «Печатный дом», 2006, с. 48-87, 134-143.

[262] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

[263] Там же.

[264] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 294-297.

[265] Там же, л. 42-43.

[266] Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 312-313, 332-333.

[267] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 295.

[268] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 162-163, 477.

[269] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 119.

[270] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 250-253.

[271] Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 474-475.

[272] Там же, с. 144-145.

[273] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 692.

[274] Там же, д. 279, л. 36 об., 502 об., 602; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 397, 398.

[275] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса. – 2013, с. 122.

Вера Хлебникова, Евгений Деменок

Хлебниковы в Украине и Одессе

24 июня 2016 года в Одессе произошло знаковое событие. Состоялось открытие мемориальной доски «Председателю земного шара», великому поэту Велимиру (Виктору) Хлебникову на доме по улице Белинского, 13. В этом доме останавливался он во время своего первого визита в Одессу летом 1910 года.

Наверное, не случайно памятный знак в Одессе появился раньше, чем в Москве и Санкт-Петербурге (будем надеяться, что они там все же появятся в скором времени). Вся семья Хлебниковых была тесно связана и с Украиной, и с Одессой. Сестра поэта Вера Хлебникова писала о своей «запорожской душе». И пусть мы не знаем, преувеличивает ли поэт-футурист Дмитрий Петровский в своих воспоминаниях о Велимире Хлебникове, говоря о том, что «Хлебников по матери украинец», но «большое количество производных от украинских корней слов в его творениях» – правда.

Четыре украинских города, четыре места стали наиболее близкими для Хлебниковых в Украине – Святошино, Одесса, Киев и Харьков. Но – обо всем по порядку.

После окончания факультета биологии естественного отделения Санкт-Петербургского университета в 1882 году Владимир Алексеевич Хлебников женится на Екатерине Николаевне Вербицкой, дочери капитана гвардии, действительного статского советника Николая Иосифовича Вербицкого. Род Вербицких – выходцы из Польши, но об этом исходе сведений в семье не сохранилось.

Орнитолог по призванию, лесовед и землеустроитель, Владимир Алексеевич получает первое назначение – попечитель Малодербетовского улуса управления калмыцким народом –

Владимир Алексеевич Хлебников

Екатерина Николаевна Хлебникова

и вместе с женой уезжает на место службы, в Калмыцкую степь. Владимир Алексеевич служил по ведомству министерства земледелия и государственного имущества. Для него, родившегося в Астрахани, эти степные калмыцкие края были не внове. Но петербуржанка, смолянка Екатерина Николаевна к Малым Дербетам, селу, где родились все пятеро детей Хлебниковых – Борис, Екатерина, Виктор (Велимир), Александр и Вера, – так и не смогла привыкнуть. Она знала несколько языков, играла на пианино. До замужества учила детей-сирот русскому языку, литературе, истории. Владимир Алексеевич – страстный охотник, знаток природы, привил детям свою любовь, мечтал видеть сыновей учеными-естественниками. В доме всегда жили охотничьи собаки, то ручной заяц, то лосенок. Дети росли вольными, свободными, ценящими простор степи, лесов, моря. Но и у петербургской родни часто и подолгу гостили – там их, также по наказу отца, водили по музеям.

Вера, Екатерина Николаевна, Виктор, Владимир Алексеевич

Вскоре после рождения пятого ребенка, младшей дочери Веры, Владимир Алексеевич получил новое назначение, и Хлебниковы переехали в Волынскую губернию, село Подлужное. Затем – в село Помаево Симбирской губернии.

В 1898 году Владимир Алексеевич назначается на должность управляющего Казанским имением Алатырского удельного округа, и семья переезжает в Казань. Во Второй казанской мужской гимназии учился прежде и сам Владимир Алексеевич.

Десять лет семья Хлебниковых прожила в Казани. Весной 1908 года Хлебниковы принимают решение покинуть город – из писем главы семейства Владимира Алексеевича видно, что летом 1908-го он начинает хлопотать об отставке, параллельно с этим подыскивая новое место жительства. Хлебниковы не очень жаловали столицы – несмотря на то, что дети часто гостили у бабушки в Петербурге, они так и не полюбили городскую жизнь. Поэтому искали такое место, где рядом с городской цивилизацией было достаточно природы. Одесса и Святошино под Киевом были такими местами и рассматривались в качестве вариантов. В сентябре 1908 года Владимир Алексеевич выходит в отставку в чине статского советника, а дети подают прошения о переводе в учебные заведения в других городах.

Виктор Хлебников, окончивший в 1903 году гимназию и поступивший в том же году на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, в начале 1908 года подает прошение о переводе на пятый семестр естественного отделения Санкт-Петербургского университета – к тому времени в Казани он имел четыре зачтенных семестра. Главной причиной переезда в столицу было решение заняться литературой. В Петербурге он становится посетителем «Башни» Вячеслава Иванова, появляются и другие литературные знакомства.

Александр Хлебников, в это же время учившийся на естественном отделении Казанского университета, также решает уехать из Казани и подает прошение о переводе в Одессу, в Новороссийский университет, куда и был зачислен в августе 1908 года – на математическое отделение физико-математического факультета. 17 сентября того же года он подал прошение на имя ректора о переводе на естественное отделение того же факультета. Заявление это хранится в личном деле студента Александра Владимировича Хлебникова в Одесском областном государственном архиве.

Вера Хлебникова, проучившаяся 3 года в Казанской художественной школе, едет в Киев, где поступает вольнослушательницей в художественное училище*.

* В 1906-1909 годах в Киевском художественном училище учился и Петр Васильевич Митурич (1887-1956), который в 1924 году стал мужем Веры Владимировны. Но тогда в Киеве знакомство двух художников не состоялось.

На лето Екатерина Николаевна Хлебникова с детьми Виктором, Верой и Александром уезжают в Судак.

Болезнью и смертью весной 1908 года старшего из сыновей, Бориса, заканчивается для семьи десятилетие в Казани.

В сентябре 1908 года, по окончании дачного сезона, Виктор Хлебников уезжает в Санкт-Петербург, Александр переезжает в Одессу, сюда же на короткое время приезжают родители.

* * *

Сестра Екатерины Николаевны Хлебниковой, урожденной Вербицкой, Варвара Николаевна, была замужем за Николаем Рябчевским.* Их дети, Маруся и Коля Рябчевские, дружили с двоюродными братьями и сестрами Хлебниковыми**. Семья Рябчевских жила то под Киевом, в Святошино, то в Одессе; переезды были вызваны работой главы семьи.

Вера из Святошино ездит на занятия в Киев.***

В автобиографических записках, написанных в 1922 году, Вера пишет: «Киево-Печерская лавра. Что-то напевно-зовущее во всем ее облике, белых стенах, больших и маленьких золотых куполах, образующих в небе чарующее сочетание. Что может напомнить она только начинающему жизнь?.. Какие-то смутные бесчисленные образы возникают, исчезают, опять повторяются, не беззвучны остаются и эти темные суровые пещеры… Аскольдова могила – над обрывом – ужасно разочаровывает, но к ней опять тянет: сидишь, притаившись, – хочется подслушать какую-то тайну…

С утра до вечера тянутся к Лавре богомольцы… Со всех концов России… Идут сразу помногу… как вышли вместе из какой-нибудь лесной далекой северной деревни, так и шли большими жуткими

* Николай Юрьевич Рябчевский, глава родственной семьи, служил старшим ревизором акцизного управления Херсонской губернии.

** Дочери Варвары Николаевны, Марии Рябчевской (1893-1979), посвящено стихотворение Хлебникова «Армянское послание Марии Рябчевской». Сыну Николаю (1896-1920), талантливому скрипачу, композитору, – эссе «Коля был красивый мальчик…» (1912-1913).

*** В Святошино Хлебников написал драматическую поэму «Внучка Малуши» и рассказ «Велик-день» (см. в письме В.В. Каменскому от 8 августа 1909. НП, 357-359).

Велимир Хлебников, Александр Хлебников и Коля Рябчевский. Конец 1900-х

и желанными лесами, бесконечными полями… Густо, сурово, четко – вышитые холщовые рубахи, повойники, многоцветные рукава у богомолок. И они принесли, и верно знают ее, какую-то свою лесную дремную тайну и свою простую веру… и хочется идти с ними и верить так же… и пройти вместе в их молитвенно-суровые леса, где цветут белые влажные ландыши, как белые молитвы… Они говорят мало, они совсем не хотят говорить…

Лавра очень далеко от предместья Киева, где живем, но ходить сюда не устаешь и забываешь время, смотря на эту идущую и ищущую Русь…

В храме Святого Владимира вся роспись исполнена Нестеровым и Васнецовым, приковывают и зовут какие-то весенние, хрупкие святые Нестерова, неясно хочется их жизни, их подвига, не этих лишь святых, но всего нестеровского нежного тоскующего мира…»

И далее:

«Удается поступить в киевскую школу. Экзамен выдержан, но такой безнадежностью веет там, внутри, что… уже туда не возвращаешься. Сколько времени без любимой работы!

А окружающая жизнь вдруг начинает казаться ненужной, ненастоящей, чудится какой-то другой мир… может, он и сказочный… но хочется найти его, слиться с ним, осуществить его хотя бы в образах… Его ищет сознание, его ищут краски, начертания, – куда-то отплываешь, тоскуя и радуясь. Но куда же плыть?!! Туман не рассеивается. Хочется найти себя в творчестве, понять свои силы. То они кажутся полными возможностей, то… ничем, и это мучительно. На холсте какие-то бессвязные бои красок и очертаний, «похожесть» уже не радует.

А кругом нет никого, кто бы сказал».

* * *

О двух годах, проведенных Александром Хлебниковым в Одессе, нам могут рассказать его письма родным и архивные материалы. Дело студента Императорского Новороссийского университета Александра Владимировича Хлебникова хранится в Государственном архиве Одесской области, фонд 45, опись номер 5, спр. 14104. В деле находятся следующие документы:

– прошение на имя ректора от 17 сентября 1908 года о переводе с математического отделения физико-математического факультета на естественное отделение того же факультета;

– письмо от ректора Императорского Казанского университета ректору Императорского Новороссийского университета от 15 июля 1908 года, сопровождающее документы на перевод Александра в Новороссийский университет, в котором указаны дата его рождения (25 августа 1887 года), прослушанные им за два семестра в Казани предметы, а также отмечено его отличное поведение;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета в Казанское городское по воинской повинности присутствие от 7 ноября 1908 года, препровождающее свидетельство о приписке Александра к призывному участку № 1086;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета директору Казанского реального училища от 22 декабря 1908 года с просьбой указать, был ли выдан Александру Хлебникову аттестат от 5 июня 1906 года за № 557 и свидетельство от 7 июня 1907 года за № 458;

– ответ из Казани, подтверждающий, что Александру Хлебникову были выданы указанные выше аттестат и свидетельство об окончании курса в Казанском 1-м реальном училище;

– письмо от председателя Одесского городского по воинской повинности присутствия проректору Новороссийского университета с просьбой прислать в присутствие свидетельство об отбывании воинской повинности, выданное Александру Хлебникову в Казани;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета в Казанское городское по воинской повинности присутствие от февраля 1911 года о том, что Александр перешел в Московский университет;

– свидетельство (увольнительный билет) от ректора Казанского университета, выданное Александру Хлебникову об увольнении его в отпуск с 21 мая по 20 августа 1908 года, для свободного проезда и проживания; на оборотной стороне проставлен штамп от 6 сентября 1908 года «Явлен в управление присутствия Бульварного полицейского участка г. Одессы» из дома по Колодезному переулку, номер неразборчив; от 8 сентября 1908 года «Явлен в управление присутствия Бульварного полицейского участка г. Одессы из гостиницы «Неаполь», дом 62 по улице Нежинской»; а уже 13 сентября того же года он зарегистрирован в доме номер 14 по Авчинниковому переулку; перед этим на том же документе проставлен штамп от 3 июля 1908 года о регистрации у пристава 1 стана Феодосийского уезда;

– формуляры с предметами, прослушанными в университете, и оценками по ним;

– прошение на имя ректора от 29 мая 1910 года о переводе в Московский университет;

– запрос в канцелярию Новороссийского университета о том, удовлетворена ли просьба о переводе в Московский университет (на запросе стоит штемпель университета с датой – 6 июля 1910 года; своим адресом Александр указал так: Симбирская губерния, Курмышский уезд, Теплый Стан, село Алферово);

– письмо на имя ректора Императорского Московского университета от ректора Императорского Новороссийского университета от 8 ноября 1910 года, в котором описаны детали учебы

Александр Хлебников

Александра Хлебникова в Казанской второй гимназии, Казанском университете и Новороссийском университете.

Последнее письмо является, пожалуй, наиболее информативным – в нем подробно описаны все детали учебы Александра Хлебникова и в Казани, и в Одессе. Ну, а самым интересным является, бесспорно, увольнительный билет с адресами, по которым жил в Одессе Шура Хлебников.

От сухих и бесстрастных архивных данных перейдем к свидетельствам живым и эмоциональным – письмам родным.

В одном из писем из Одессы Шура рассказывает отцу о своих впечатлениях от посещения одного из первых сеансов воздухоплавания (от письма остался лишь фрагмент):

«Все, что я испытал – томление опасностью в обрывистых скалах, когда-то любил в бури и (*нрзб*). Все эти ощущения есть и в полете, но и по ним нельзя его представить, только птичий полет дает полную картину. Нам приятно, как сокол, трепеща пропеллером, бросаться вниз, то сигать, как чайка, из стороны в сторону над морем или землей, или, замерев, как пролетная птица, (*нрзб*) со страшной быстротой мчаться в даль. Но странно, пилот не догадался захватить меня с собой – он взял какого-то башкира, сидевшего на аэроплане как кутенок на заборе. Публики было около 50 тысяч, она кричала «ура», бросала шапками в аэроплан, я видел пилота, вблизи он скорее похож на кучера, чем на Икара.

Дядя нашел и купил у старухи скрипку «Страдивари», свою давнишнюю мечту, знаток говорит, что это редкий экземпляр лучшей эпохи этого мастера. Дядя купил ее за 9 р. Починка будет

стоить несколько сот, а сама скрипка – может быть – тысячу, или несколько*.

<...> Скоро опять иду смотреть на полет».

Были ли это полеты на аэроплане «Фарман-IV», выполненные первым русским авиатором Михаилом Ефимовым в декабре 1909 и марте 1910 года, или полет Сергея Уточкина в том же марте 1910-го? В любом случае увидеть такое можно было только в Одессе – оба первых дипломированных летчика в Российской империи жили в нашем городе.

Ну, а скрипку дядя Александра, Николай Рябчевский, купил, конечно же, для своего сына Коли, талантливого скрипача, который проявлял незаурядные музыкальные способности и учился в Киеве у композитора Р.М. Глиэра, и даже сочинял музыку – известны его марш «Вступление во Львов» и вальс «Liric».

Виктор Хлебников очень любил Колю, переписывался с ним, хотя Коля намного был моложе. В посвященном Коле эссе «Коля был красивый мальчик…» (1912-1913) есть замечательные строки об Одессе:

«В Одессе, а это было в Одессе, многие переселялись на берег моря в легкомысленных клетушках, воздвигая их вдоль тропинок, угощая в праздник<и> т<олпу> дорогим чаем и дешевыми песенками. В этой полурыбацкой жизни находили прелесть. Дети неловкой пухлой рукой подымают запутавшуюся в водорослях удочку. Другие, устав от уроков, видят ось жизни в ловле мелких рачков, толпами скользящих в воде. Волны – чувственный р<ой> от купа<льщиков>, в зеленом саду бродят еврейки и бросают жгучие и томные взгляды своего племени. Черные зрачки и белые белки их глаз удивительны, и они справедливо гордятся ими».

Однако мы забежали на несколько лет вперед. В ноябре-декабре 1908 года к Александру в Одессу приезжают родители и Катя. К ним собирается присоединиться и Виктор, между ними идет оживленная переписка.

Вот что пишет Виктор Владимиру Алексеевичу 25 ноября 1908 года из Петербурга в Одессу: «Я временно живу – у кого? У Гр. Судейкина! Они поселились в Лесном, и я, изгнанный 21-го со своей

* Велимир Хлебников упоминает эту скрипку в эссе «Коля был красивый мальчик…»: «У него было семь скрипок и скрипка Страдивариуса».

квартиры, поселился у них. Я занял у них 20 руб. В Харькове я оставил письма до востребования. «Ради воссоединения церквей» я готов переселиться к вам в Одессу, закончив свои литературные дела.

<…>

Я чувствую, что есть что-то, о чем надо написать, но не могу вспомнить.

Как здоровье Кати? И где ее адрес? Целую. Рад бы увидеться где-нибудь на юге».

Спустя три дня он отправляет в Одессу еще одно письмо – на этот раз матери Екатерине Николаевне: «Я давно не получаю писем ни от вас, ни из Харькова. «Дани» старшего поколения младшему тоже не получал по сегодня*. Посему я прожил около недели у Гр. С. Судейкина. <…> На днях опять будут хлопоты по литературным делам. Веду жизнь «богемы». Петербург действует, как добрый сквозняк, и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства.

Покончив со своими делами, я не прочь увидеться с вами. Гр. Сем. побуждает меня окончить мои записки о Павдинском крае**. У меня на душе еще несколько дел и, кончив с ними, я готов бежать от города на дно моря.

В хоре кузнечиков моя нота звучит отдельно, но недостаточно сильно и, кажется, не будет дотянута до конца. Целую вас и привет Рябчевским; тете Варе, Коле, Марусе. Как поправилась и здоровье Кати? Вере буду писать о выставке. Ждите новых оттисков. Шура продолжает ли занятия естествоведением?»***

Семья ждет Виктора в Одессе, но он так и не приезжает. Вот его письмо к матери от 28 декабря 1908 г. – из Москвы в Одессу: «Соединенной волей злого рока, меня и др., я не поехал в Одессу. Так как побывать у вас было внутренне необходимо, то, не скрою, я попал в какой-то тупик, из которого не мог найти выход. Я попал на вок-

* Речь идет о ежемесячных деньгах, которые отец семейства посылал каждому из четырех детей-учащихся. Катя тоже училась – на курсах зубных техников.

** Павдинская дача, Павдинский завод – поселок на Северном Урале. Виктор и Александр побывали там летом 1905 года, собрали коллекцию гнезд, яиц и птичьих шкурок для зоологического музея Казанского университета. Обработка братьями материалов экспедиции продолжалась еще долгое время. Велимир впечатления от поездки, записи птичьих голосов использовал в своем творчестве. Научное осмысление исследований передоверил младшему брату.

*** Александр пошел по дороге, уготованной отцом обоим сыновьям, и его научными интересами были ихтиология и биология.

зал в каком-то опьянении, чувствуя себя на пути в Одессу. Мне не пришло в голову поторопить извозчика. Извозчик подъехал к подъезду ровно в тот <момент>, когда пробило три часа. Я подбежал к перрону ровно в тот миг, когда щелкнул ключ сторожа. Так я испытал на себе власть возмездия, какую-то насмешку, но за что – не знаю. Теперь я в Москве. Сегодня осматривал Кремль. Завтра Третьяковская галерея и мн. др. Нам дали бесплатный кров, постель (в 3 студенческом общежитии) и вообще встречают с обычным московским радушием. Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва – первый город, который победил и завоевал меня. Она изменилась к лучшему с тех пор, когда я был в ней. С Новым годом!».

Из Москвы Виктор уезжает в Киев, повидаться с Верой, затем, в первых числах января 1909-го – в Святошино, на дачу Рябчевских. В Святошино в это время приехала семья Варвары Николаевны Рябчевской. С ее детьми у Виктора сложились очень близкие, дружеские отношения – совсем не такие, как с питерскими родственниками, сестрой и братьями матери Софией Николаевной, Петром и Александром Николаевичем Вербицкими. С Колей Виктор трогательно дружил, а в Марию был влюблен…

В Святошине Виктор Хлебников остается надолго – съездив в мае 1909 года в Санкт-Петербург, в июне он вновь возвращается, чтобы провести там летние каникулы вместе со всей семьей.**** Жили Хлебниковы у двоюродной сестры матери, Дидевич. Мария Николаевна, Маруся Рябчевская (в замужестве Качинская), полвека спустя вспоминала: «Вся семья Хлебниковых, кроме Кати, жила в Святошине на даче у Дидевич, на 5-й просеке. Дом стоял среди пустой усадьбы, кругом только много сосен. Папа, Коля и я жили в это время у дяди Владимира Юрьевича по Северной улице, № 2, и ежедневно ходили на 5-ю просеку, где все вместе проводили целые дни и обедали. <…> К праздникам Витя всегда писал нам на открытках с изображением лотоса. Много писем пропало, а главное, тетрадка, в которой некоторые стихи были посвящены мне, с обращением О, Мария…».

**** В Святошине Хлебников написал драматическую поэму «Внучка Малуши» и рассказ «Велик-день» (см. в письме В.В. Каменскому от 8 августа 1909. НП, 357-359).

В Марию Виктор был влюблен своей обычной, трогательной и платонической влюбленностью. Догадывалась ли она об этом? Кто знает… В 1915 году, когда она выходила замуж, Хлебников написал ей поэтическое послание «Армянское Я», или «Армянское послание Марии Рябчевской». В нем – признание в любви:

В льну белом вы,
Индуски слез воздушная божница,
‹И голос – горлинок криница,›
Уст пращура военного зарница,
И сноп тугой косы – пшеница,
Венком из киевской травы.
Го асп стоял вдали, слагал любви несмелые напевы…
Ваш стан высок, изящен, гибок,
Там радуга смеющихся ‹застенчивых› улыбок!
Снопов пшеницы струя ржаная
И этот взор – луч неба у Дуная.
И вы воскликнули: окружена ‹жена› я.
И вам привет слагают ивы,
И вам завидуют вишни,
В семье цветов и вы не лишни!
Так вы воздушны и красивы…

Го асп – так Хлебников именовал самого себя. Послание двоюродной сестре он написал от имени своего армянского «Я» – в нем действительно была частица армянской крови.

* * *

Тем временем вопрос переезда семьи Хлебниковых из Казани оставался актуальным, и Александр Хлебников в письмах, отправляемых из Одессы отцу, рассуждал о месте, где могла бы обосноваться семья*:

«<…> если Кавказ** не удовлетворит наших, то мне кажется более разумным или по крайней мере привлекательным устроиться

* Письма без датировки, отправлены, скорее всего, в 1909 году.

** Виктор ездил на экскурсию по Кавказу, в Баку и Махачкалу. Обстановка в экскурсии была довольно суровая, Виктор мок под дождем, купался в горных реках.

в Цветошах (так Александр писал о Святошино. – **Прим. авторов**). Цветоши расположены около Киева, с которым соединены трамваем (15 мин. езды и 15 коп. оплаты). Цветоши постоянно растет, теперь это дачное место и в то же время вроде интеллигентной слободки, здесь есть прогимназия и т. д. Цв. расположены в бору (масса земляники), окружено лесами (хорош. охота). Некоторые слабогрудые из Одессы туда ездят. <...> Земли там казенные сдаются на лето, если половина арендаторов изъявит желание, то казна продаст им эти участки. Там можно заняться садоводством, пчеловодством, но большинство строит дачи, что выгодно, ввиду близости города. За 2 версты есть речка, участок, который хочет нанять дядя, переуступает какая-то особа за 100 рублей. На нем есть фундамент, стоящий 300 р. Площадь, кажется, около 3 десятин. За десятину в год казна берет 58 рублей.

Ты спрашиваешь про Одессу – засухи там бывают, но они сменяются урожаями, часто большими. Приморская часть Одессы покрыта садами, парками, следовательно растительность там не гибнет. Внутри города растительность плохая, за городом, от моря – голая степь…»

Вот еще одно письмо – с характеристикой одесситов:

«Я тебе послал недавно письмо с дополнительными сведениями об Одессе и свою фотографическую карточку, по-видимому все это не застало тебя в Казани. В первом письме я описал более личные впечатления от Одессы. Как ты пишешь, она мне не понравилась, но, собственно говоря, всячески бранить можно лишь одесситов – это народ не интеллигентный, помешанный на политике и т. д. Сама же Одесса расположена на красивом месте, берег ее покрыт садами и дачами более, чем на 10 верст. Почва Одессы частью глинистая, известняковая. По словам Н. Р. (Николая Рябчевского. – **Прим. авторов**) требует удобрения. Поливка почвы, как кажется, не распространена или затруднительна, только годами Одесса страдает от засух, которые, правда, сменяются урожайными годами. На Большом Фонтане продаются участки по 60 коп. за сажень, туда скоро пройдет трамвай и тогда должно быть, земля будет цениться в рублях. Море, как говорит Николай, грязно только в порту. Можно ли нам здесь устроиться. Мне кажется – здесь приб. 500 тысяч – как устроиться, это от нас зависит. Я видал план Цветоши, и как оказалось, свободными остались

лишь несколько участков, что, конечно, затруднит наш выбор, так как остальные продаются лишь случайно (право на аренду). Здесь же со слов И. Кр. найти место хотя и не очень легко, но менее затруднительно, чем в Цвет. Пишу я это все не для восхваления Одессы, но просто мне кажется выбор места для нас очень ограничен. Нам нужно место с природой по возможности девственной, чтобы удовлетворять летом, но в то же время плодородной и около города, это бывает редко, тем более около города большого, с живой интенсивной деятельностью. Таким городом является Петербург, Москва, Киев и остальные города вроде Одессы, Харькова и т. д. Под Петербургом, говорят, можно найти дивные места, но там зимы длинны и холодны. Москва, Харьков не годятся по климату. Нам остается Киев, Одесса или перспектива жить в маленьком городе».

В следующем письме Александр описывает варианты покупки дома в Одессе:

«Я написал тебе письмо об Одессе и теперь боюсь, что в нем оказалось мое личное чувство к Одессе, очень может быть недостаточно обоснованное, так как я мало знаком с ней. Теперь я спешу поправиться и посылаю дополнительные сведения, чтобы ты сам мог составить свое мнение. <...> Точно, в городе вблизи центра растительность неважная, но и то есть деревья не менее 40 лет. Приморская же часть, тянущаяся на запад не менее 15 верст, по крайней мере под Одессой покрыта парками, садами, цветниками. Дальше, на Большом Фонтане и западнее есть тоже сады и сосредоточ. огородничеств. <...> По словам дяди, здесь некто Попов, купив 18 лет назад за 3 тыс. (?) сколько-то десятин, завел правильню и виноградарство, и теперь разбогател, получая с них около 70 тысяч в год. Разведение овощей, говорят, тоже выгодно, в особенности лука. Можно купить дом или дачу, что выгодно при высоких ценах на квартиры. Как говорят, дом в 20 тыс. можно купить, имея пять, для этого только нужно его как-то заложить. <...> Можно еще добавить, что хотя постройка дачи дорого обходится, цены на комнаты летом очень высоки, доходят до 100 р. комната, так, как это под Киевом. Погода в Одессе по большей части стоит хорошая и только недавно начался ветер и та промозглая морская сырость, заменяющая здесь наши зимние холода, но и то не совсем, так как в прошлую зиму (правда, этого не было около 40 лет), жаловались

старожилы, морозы достигали 28. Не знаю, не знаю – судьба или я не обжился, но с начала и до сих пор я болел лихорадкой, не знаю – крымской* или одесской, и насморком. <...>»

В мае 1909 года Александр пишет из Одессы родителям уже в Святошино:

«Я давно не получаю писем от вас, хотя в Одессу приходят иногда предлинные письма. По-видимому, местность Святошина действует угнетающе. Все едут туда как в землю обетованную и безвестно исчезают яко обре.** Какие у вас планы на лето и как вы их осуществляете. Что делают или думают делать Витя и Вера? <...> Я невольно становлюсь одесским одесситом, как говорят мои сограждане – гуляю по Дерибасовской и за неимением лучшей публики разговариваю или по крайней мере бранюсь вслух сам с собой. Я был на лимане, где я буду проводить лето. Место пустынное, часть берега застроена. Много роскошной земли, есть парк. Квартиры даром только если нанимать с весны. Во второй сезон с июля можно нанять дешево. Летом на лиман съезжается много народу. Многие приезжают из заграницы, так как там нет естественных грязей. По случаю я купил замерзшую водяную малую курочку и набил ее. Не помню, насколько она редка? Праздники я проводил у дяди. Был у Марьи Васильевны – у них тоже не весело. У Маруси болят глаза и она нервничает. Через Петербург я слышал о вас. Что вы «хандрите» – не правда ли? Что за выражение! <...> В Одессе уже давно весна <...>, все уже высохло. Перелетная птица проносится на север, я уже давно видел лебедей, гусей и уток. Но погода и сама весна очень не привлекательны, одесситы оправдываются, говоря, что и старожилы ничего подобного не помнят – должно быть, врут».

* * *

Александр обживался в Одессе, Вера же вскоре уехала из Киева. Рано осознав свое предназначение, понимая, чего может и чего хочет добиться в живописи, Вера не находила учителя,

* Весной 1908 года Екатерина Николаевна, Виктор, Шура и Вера были в Судаке. Там их застало известие о смерти Бориса, посланное из Казани Владимиром Алексеевичем и Катей.

** «Мы погибоша аки обре», – целиком это старославянское выражение вошло в стихотворение Велимира «И черный рак на синем блюде...».

который помог бы ей осуществить это. Киевское училище кажется ей унылым и традиционно-академическим.

Она бросает училище, проучившись всего пару месяцев, и в сентябре 1909 переезжает в Москву, чтобы продолжить учебу в студии Юона.

К осени 1909 года перемены происходят и у родителей. Скромной пенсии Владимира Алексеевича не хватало для содержания семьи и оплаты обучения четырех детей. В сентябре 1909-го он вернулся на государственную службу и получил назначение в город Лубны Полтавской губернии.

В сентябре 1909-го Александр, продолжавший учебу в Одессе, по привычке пишет родителям в Святошино:

«Я до сих пор, послав 2 письма, ждал ваших, не зная, остаетесь ли вы в Святошине или уехали в Лубны. Недавно Маруся получила от Коли письмо, где он говорит, что Витя уехал*, Вера уезжает «неизвестно куда» <...>. Вы все что-то молчите?

Я тут устроился очень хорошо. Нанял хорошую большую и светлую комнату за 10 рублей у приказчика (живорыбного) магазина. Семья хотя многочисленная, но мне не мешает; дети бледные и зеленые, несколько напоминают цыплят. Хозяин малоинтеллигентный, но простой и довольно симпатичный человек. У него есть энциклопедия, кое-какие книги, он с уважением относится к знаниям, в особенности к естествознанию. Недавно он поймал 3 клопа, посадил в герметически запирающуюся баночку и хочет узнать, когда они умрут, «проклятые». Пока сдох лишь один. Он еще неделю примерно не будет их открывать.

Ученья у нас нет. Начнется, должно быть, с 15-го. Я хожу почти каждый день на море. Но это скучно: оно пустынное и серое. Птицы еще не летят с севера. <...> Напишите, как вы устроились и, если будут сведения о Вите и Вере, и их адреса.

Пишите по адресу: Рыбная, № 15, кв. 15. Ст(уденту) Хлебникову».

В сентябре-октябре он пишет Владимиру Алексеевичу и Екатерине Николаевне уже в Лубны:

«Вы хотите моих писем, но, право же, писать нечего; живу я однообразно. Знакомств нет. Правда, в университете ко мне подходили студенты, но это были какие-то полулюди, в них чего-то недо-

* Виктор уезжает в Петербург, продолжать занятия в университете.

ставало. Зато я познакомился с сестрами-лихорадками. После бани я попал под дождь, промок и скрылся в театре. Там мне пришлось почти все время сидеть на месте, так как за мной следовали всюду предательские лужи-следы. Поболев, я думал, что выздоровел, но скоро стал замечать, что тощаю как лошадь, у которой пьяница-кучер. Я стал лечиться, и только теперь я снова здоров.

Меня больше всего раздражают мелкие неудачи. Я рассчитывал на Ихтиологическое Общ(ество), но там не знаю, выйдет ли какой толк, пока лишь пригласили бесплатно набить чучела. Ходил к Браунеру**, 2 раза не застал, теперь же он уехал и т. д.

Репетиций теперь (осень) нет, но, может быть, мне удастся держать по химии до Рождества.

Когда я приехал, я жил около недели у Рябчевских, они обижались, что я ел в ресторанах. Я стал есть у них и приносить фрукты, но они их не ели… в конце концов получилась чушь, и мне, и им неловко и неудобно. Не понимаю, для чего эти трюки добродетели. У Рябчевских я редко бываю. Маруся меня перестала совсем стесняться, как институтки солдат-истопников – это неприятно.

Одним я доволен – это своей комнатой, она большая и светлая, только немного далеко от Универс(итета). Правда, такая комната в центре стоит не меньше 20 рублей.

Витя недавно прислал очень милое письмо Коле Рябчевскому. Как мне кажется, не в факультете дело***, без здоровья ни поэзия, ни вост(очные) яз(ыки) не пойдут.

Пишите разборчивее.

А. Хлебников».

* * *

Виктор, живущий в Петербурге и вошедший там в самую гущу литературной жизни, ведет переписку с родителями и братом.

** А.А. Браунер (1857-1941) – известный зоолог, зоогеограф и палеонтолог, сотрудничал со студентами и преподавателями Новороссийского университета.

*** Виктор решил оставить естественные науки. В сентябре 1909 года он подал заявление о переводе его с третьего курса естественного отделения физико-математического факультета на факультет восточных языков в разряд санскритской словесности. Передумав, просит зачислить его на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. 15 октября он был зачислен на первый курс.

Вот что писал он матери Екатерине Николаевне 16 октября 1909 г. из Петербурга в Лубны:

«Пишу Вам уже второй раз: книга не оставалась дома, и это ошибка библиотекаря.

Я познакомился почти со всеми молодыми литераторами Петербурга – Гумилев, Ауслендер, Кузмин, Гофман, гр. Толстой и др., Гюнтер.

Мое стихотворение, вероятно, будет помещено в «Аполлоне», новом петербургском журнале, выходящем в Питере.

Дела с Университетом меня сильно утомляют и [беспокоят], отнимают много времени. Я подмастерье, и мой учитель – Кузмин (автор «Александра Македонского» и др.). Гумилев собирается ехать в Африку. Гюнтер собирается женить Кузмина на своей кузине. Гр. Толстой собирается написать <*нрзб*> и освободиться от чужих влияний. У Гумилева странные голубые глаза с черными зрачками. У Толстого вода современника Пушкина.

Некоторые пророчат мне большой успех. Но я сильно устал и постарел. (Гюнтер – надежда немецкой литературы.) Целую и обнимаю всех лубнистов и одесситов».

Под одесситами имелись в виду младший брат Александр и семья Рябчевских. Буквально через неделю, 23 октября, Велимир Хлебников отправляет Александру в Одессу письмо очень похожего содержания:

«Дорогой Шура! Как дела в Одессе? Я пишу наскоро письмо. Я буду участвовать в «Академии» поэтов. Вяч. Иванов, М. Кузмин, Брюсов, Маковский – ее руководители. Я познакомился с Гюнтером, которого я полюбил, Гумилевым, Толстым. Я поправился. И хорошо смотрю. Гумилев написал «Данте», которое тебе, я помню, понравилось. Напиши мне, что ты думаешь о поэзии. Я очень ценю за глубину, искренность и своеобразие, чего у меня бедно. Мое стихотворение в прозе будет печататься в «Аполлоне». И я делаю вид, что очень рад, хотя равнодушен. Я пришлю тебе оттиск.

Я подмастерье знаменитого Кузмина. Он мой magister. Он написал «Подвиги Александра Македонского». Я пишу дневник моих встреч с поэтами. Кланяйся Г. В. и всем».

А вот письмо Велимира к Александру, в Одессу, от 16 января 1910 года:

«С Новым годом! Дорогой Шура, извиняюсь на всех живых и мертвых наречиях, что до сих пор не выслал птиц (см. сноску о Павде. – **Прим. авторов**). Оправдаться могу только тем, что и мои вещи пролежали на вокзале около месяца. Мы собираемся, откладывая, и, как песчинка не делает разницы между горой и горстью, так и мы опаздываем из высокомерия к отдельному дню. Вот поучение. Желаю, чтобы <ты> что-нибудь сделал из птиц. Я на них махнул рукой. Может быть, можно к твоему докладу добавить хвостик, чтобы высказаться мне о происхождении видов? Мне казалось, что в этом вопросе я был глубок и нов. Передай новогодние пожелания Марии Николаевне, тете Варе, Коле старшему и младшему, если они не слишком имеют вид величеств. Твой брат до конца земных ошибок, близок он или далек.

Velimir [Виктор]».

В письме к матери от 1 февраля 1910 года Виктор спрашивает ее о Шуре и пишет о том, что будет «вспоминать Малороссию»:

<Штемпель: Петербург, 1 февраля 1910 г.>

«Я написал не очень давно два письма, но не знаю дошли ли они, так как были недостатки в адресе. От Веры получил очень неразборчивое, но из него ясно, что она очень печально настроена. Вероятно, в М<оскве> большие морозы, потому что она пишет «с весной оживем «теплом». В письме же она пишет про русалочку, которая лезла на дуб и оборвалась, упав на землю.<…> Кукла всем очень нравится, и если можно, то пришлите еще две таких куклы или одну. Я ее кому-нибудь подарю, Ремизову, например, а другую оставлю у себя. Я буду вспоминать Малороссию. Сейчас я жив, бодр, здоров. Мой адрес совсем другой: Волкова деревня, С.-П. Волковский проспект, д. № 54, Михайлова, мне. Я получил урок. Куда собирается Шура на лето? Я бы советовал бы ему побывать в имении «Ascania nova» Фальц-Фейна в Таврической губ., на берегу Черного моря и около Днепра. Там есть зебры, зубры, бизоны, дикие лошади. Этот зверинец известен всему миру, кроме России, хотя он находится в ее пределах. Там же он мог бы заняться наблюдениями с разрешения хозяина. Я не знаю, что я буду делать и где. Одно время думал о поездке в Черногорию. Теперь не знаю. Я продолжаю бывать в Академии Стиха».

К этому моменту в жизни Велимира произошли важные события. В октябре 1909 года в доме Михаила Матюшина и Елены

Гуро он познакомился с братьями Давидом и Владимиром Бурлюками. Через несколько дней после знакомства Давид Бурлюк перевез Хлебникова к себе, в петербургскую квартиру, а весной они поехали в Чернянку, имение графа Мордвинова, которым управлял Давид Федорович, отец большого семейства Бурлюков. Чернянка становится своеобразной штаб-квартирой русского футуризма. Древнее название этой местности, которое встречается у Геродота, – Гилея – становится еще одним названием группы. Многие сборники футуристов, и в том числе Хлебникова, вышли в издательстве «Гилея». Для друзей-футуристов – или будетлян, как любил говорить Хлебников, это было местом, где все еще ощущалась связь с античной культурой.

Этим же летом 1910-го в Чернянке жил и работал Михаил Ларионов. Оттуда Велимир Хлебников уехал в гости к Рябчевским, в Одессу. Вот что писал Давид Бурлюк в июле 1910 г. в письме к М.В. Матюшину: «Работаем мы это лето и много, и мало. Все лето почти у нас писал М.Ф. Ларионов. Был Хлебников, сейчас он уехал – Одесса-Люстдорф, дача Вудст'а». По воспоминаниям Марии Николаевны Рябчевской (см. статью А. Парниса «В Одессе, а это было в Одессе…» в 1-м номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»), в этом году они жили в доме № 13 по улице Белинского и на даче Вирта в Люстдорфе.

Из Одессы Велимир вновь едет в Чернянку и в Петербург возвращается поздней осенью. Туда же приезжает Вера. Решив оставить Москву и студию Юона, Вера поселяется в Петербурге у тети Сони, Софьи Николаевны. Поступает в рисовальную школу Общества поощрения художников, в класс профессора Академии художеств Я.Ф. Ционглинского. Веру Ционглинский сразу выделил среди учеников, считая ее выдающимся живописцем.

В сентябре того же 1910 года Александр Хлебников перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета – его прошение «от студента физико-математического факультета естественного отделения IV семестра» от 29 мая 1910 г. на имя ректора Новороссийского университета хранится в его личном деле в Одесском областном государственном архиве. После отъезда брата из Одессы Хлебникова связывали с нашим городом только Рябчевские.

Велимир Хлебников в Чернянке со знакомой, Бондаренко

Четверо Хлебниковых оказываются осенью 1910 года в Петербурге – Катя Хлебникова учится там же на стоматолога.

В Украину Велимир вернется через два года. С весны 1912 он живет в Чернянке, имении графа А.А. Мордвинова, управляющим в котором служил отец семейства Бурлюков Давид Федорович. В начале лета 1912 года Велимир приезжает в Одессу во второй – и последний – раз. Он недолго гостит у Рябчевских на Базарной, 10, проведя перед этим несколько месяцев в Чернянке, и туда же вновь из Одессы возвращается.

Свою первую, только что вышедшую книжку «Учитель и ученик», изданную за собственный счет, Велимир отправил в Алферово, где на лето снова собралась вся семья. О том, какое впечатление произвела книжка на родственников, можно судить по письму Велимира, отправленному им 5 июня 1912 года из Одессы:

Вера Хлебникова в неаполитанском костюме. 1913

«Я был сердечно рад получить ваше письмо (обращаюсь пока к Кате и Шуре). Оно меня порадовало неподдельно льющейся искренностью. Но в ответ на него я тоже отвечу всей полнотой откровенности: оно пропитано трусостью, желаньем прибегать к уловкам – вещи, которых я избегаю. Уверяю вас, что там решительно нет ничего такого, чтобы позволяло трепетать, подобно зайцам, за честь семьи и имени. Наоборот, я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскинутой мной. Но все же хорошо, что средина и конец понравились.

У Ивана Степ. Рождественского!! не брал. Я рад, что радую.

Я здесь читаю Шиллера, «Декамерон», Байрона, Мятлева. Но вопреки желаниям сам ничего не делаю. Каждый день купаюсь в море и делаюсь земноводным, потому что в воде совершаю столь же длинные путешествия, как и на суше. Я тронут, что Вера не присоединилась к семейной дрожи за потрясение основ и благодарю за письмо, похороненное рукой зайца. Я хочу думать, что все вы здоровы. Маруся уехала в Святошино. Коля кончает испытания, похудел и вытянулся. Я пришлю еще «Разговор».

Вера понимала и поддерживала Велимира, и он платил ей тем же. С помощью брата Вера уговорила родителей отпустить ее учиться за границу. Осенью 1912 года Вера уехала в Париж и поступила в частную студию, Академию Витти, где профессором был Кеес ван Донген. Это был первый учитель, которого Вера приняла, советам которого следовала. Профессор также выделил ее среди остальных учеников.

Но зима в Париже показалась Вере слишком темной и промозглой, а жизнь в столице – слишком дорогой. Вера снова решает

бросить учебу и снова переезжает – на этот раз в Италию. Сначала на Капри, куда в 1913 году она «прибыла без единого су».

«Здесь *очень* хорошо, несмотря что мы питаемся хлебом, лимонами и яйцами. Попав в Италию, я почувствовала себя дома, и теперь вполне понимаю, почему Гоголь так ее любил. Я сразу почувствовала какое-то родство с Украиной. Италия как бы ее прообраз, но более роскошный, более величественный и благодатный, и моя запорожская душа дома».

После Капри Вера поселилась во Флоренции, поступила в академию, бросила учебу – Флорентийская академия была скучна. Вскоре и Флоренция стала ей не по карману, денег, с трудом присланных родителями, не хватало, и Вера переселилась в пригород, сняла комнату в крестьянском доме и, обретя уверенность в своих силах, занималась живописью.

* * *

Помимо Велимира в 1912 году в Одессе побывал и Владимир Алексеевич – возможно, вспомнив рассуждения Александра. Но все же для жизни семьи им был выбран родной для него город – Астрахань.

Там, под родительским кровом, жила Катя, туда приезжали сыновья.

В 1915 году Александр поступил в артиллерийское училище, с тем чтобы попасть на фронт прапорщиком. Весной 1916 года призывают и Велимира, для которого освидетельствования, казармы, шинель и строевой шаг были мучительны.

Недолгий отпуск Велимир проводит в Красной Поляне под Харьковом, где гостит у сестер Синяковых.*

В начале сентября 1916 года Виктор пишет сестре Кате в Астрахань из Красной Поляны:

«Милая Катюша!

<…> Я около Харькова, живу в 12 верстах от железной дороги, в усадьбе среди плодового сада. Каждый день хожу за грибами, собираю белые и красные грибы, как дрова; мне очень хорошо,

* Одной из сестер Синяковых была художница Мария Михайловна Синякова-Уречина, член союза «Председателей земного шара».

Велимир Хлебников

и я отдохнул лет за 10 за эти две недели; я сильно загорел и забыл, что где-то есть война, военная повинность, доктор Романович и проч.»

Вера вынуждена была покинуть полюбившуюся ей Флоренцию – война затрудняла пересылку денег. Осенью 1916 года Вера вернулась на родину – в уверенности, что с Италией расстается ненадолго. С собой она взяла всего лишь несколько маленьких работ, тех, что помещались в чемодан. Остальное осталось на хранении в крестьянском доме, где она снимала комнату.*

В 1917 году Велимир снова проводит свой отпуск в Харькове. Там, снова получив повестку, он проходит 10-дневное освидетельствование в психиатрической лечебнице – Сабуровой Даче – и, наконец, его непригодность к военной службе подтверждена.

Он едет в Москву, Петербург, Астрахань и в апреле 1919 года вновь приезжает в Харьков, назначенный тогда столицей Украинской республики. Оттуда едет в Красную Поляну.

Шура был призван в Красную армию.

В июне армия Деникина захватила Харьков, Калмыкию, бои с Деникиным велись и на подступах к Астрахани.

Велимира пытаются мобилизовать в Добровольческую армию. Как и в 1916 году, он спасается от призыва, проходя комиссию в Сабуровой Даче.

В декабре 1919 года Красная армия снова заняла Харьков. Велимир, освобожденный от воинской службы, остался в Харькове.

* Еще в тридцатые годы приходили письма, что работы ждут ее. Потом переписка оборвалась. Судьба работ неизвестна.

В 1920 году Шура пропал без вести на польском фронте. Велимир в Харькове, болен тифом. По выздоровлении он отправляется по поручению харьковского политпросвета в Баку, затем в Персию. Больше в Украине побывать ему не довелось.

В 1922 году поэт едет в Новгородскую губернию, в село Санталово – с другом, художником Петром Митуричем. Там он заболевает и умирает.

* * *

В 1924 году Вера выходит замуж за Петра Митурича. В 1925 году рождается сын, Май Митурич-Хлебников.

«Я не могу себе простить, что я не был в Киеве», – писал Велимир Вере из Баку в 1921 году.

Вера дважды приезжала в Киев с подросшим сыном в гости к Александре Карловне Митурич, матери Петра Васильевича.

Павел Митурич с сыном Маем. 1925 год

Возможности работать у художницы в этих поездках не было, но Украина, как и Италия, вызывала эту потребность – Вера пишет Петру Митуричу: «Мне начинает хотеться рисовать, краски переживаю глазами…».

* * *

Несмотря на то, что Велимир Хлебников побывал в Одессе лишь дважды, влияние его на литературу «Юго-Запада», на литераторов «одесской школы» – безусловно. Одесский культуролог и литературовед Евгений Голубовский встречался с писателем Сергеем Бондариным, одним из одесской плеяды, другом Эдуарда Багрицкого и Семена Гехта, – и Бондарин рассказывал ему, что они осознали Хлебникова именно через Багрицкого, который читал на память множество его текстов. Сам Бондарин с подачи «птицелова» увлекся Хлебниковым и собрал с десяток его книг. Но настоящим «рыцарем» Хлебникова стал Юрий Олеша. Он вошел в созданную Алексеем Крученых «группу друзей Хлебникова», переписывавших его тексты на литографскую машину и издавших тридцать книг «Неизданного Хлебникова». Две из них и по сей день есть в коллекции Евгения Голубовского.

Московский журналист Исаак Владимирович Глан, приятель Юрия Олеши, писал о том, что Олеша считал Хлебникова гением: «Конечно, гений. Он сказал об олене: испуг, цветущий широким камнем. Его поэмы не всегда понятны. Он складывал свои рукописи в мешок, а потом их не могли собрать. Его издают? Странно».

Высоко ценил Хлебникова и Валентин Катаев, который описал в повести «Алмазный мой венец» свои встречи с ним. В квартире Ольги Николаевны Фоминой в Мыльниковом переулке, где одно время жили Катаев и Олеша, несколько дней ночевал и Хлебников. И даже спустя пятьдесят лет Катаев цитировал по памяти в своей повести строки Хлебникова, называя их гениальными.

Прошло сто тридцать лет со дня рождения Велимира Хлебникова. Отрадно заметить, что интерес к его творчеству не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. А значит, его творчество неизбежно будет вдохновлять литераторов новой одесской плеяды.

Михаил Пойзнер

Под псевдонимом Гоцман

Ну разве не смешно?

Опять эти евреи…

Наверное, опять что-то выхитрили, опять кому-то залезли в карман…

Очень похоже на очередной одесский анекдот на известную тему.

А между тем еще не так давно эти люди (а это конкретные люди!), наводя ужас на мерзавцев всех мастей, были на слуху не только всей Одессы. Может быть, кому-то это даже покажется несколько неожиданным и неправдоподобным, ломающим привычные (навязанные) стереотипы. Только трое из множества…

Иосиф Маркович Соколовский.

Давид Менделевич Курлянд.

Григорий Борисович Абрамович.

При одном их упоминании многим (очень многим!) становилось не по себе…

Но кому и о чем говорят сегодня эти имена и фамилии?

Одесские «Шерлоки Холмсы» послевоенной поры.

Люди стреляные, люди, прошедшие, как говорится, Крым и Рим. Они были и оперативниками, и следственными работниками, и воспитателями, и карающей рукой государства.

Где-где, а в Одессе хорошо знали – мимо этих евреев не проскочишь. Не прикажешь, не разжалобишь, не соблазнишь толстым конвертом, не озадачишь телефонным звонком. Не испугаешь и не запугаешь. Да и пуль они тоже не боялись…

Любой уголовник понимал – если дорожка приведет к ним, тогда конец… Никто не выручит.

Мужественные и рассудительные. Гордость и цвет Одессы. Профессионалы с большой буквы. О них не писали газеты, их не снимало телевидение. О них никогда громко не говорили. И не только потому, что служба такая…

Очень многое из того, что они делали, попадало под гриф «совершенно секретно». В лучшем случае – «секретно».

По календарю для Одессы война окончилась в апреле 44-го, хотя ее отголоски еще долго были слышны на одесских улицах. Еще долго продолжали и продолжали стрелять по своим. Да и потом в Одессе было не слаще… Изо дня в день, из года в год эти люди делали свое дело – «тралили» и вычищали город и область. Мало кто знал, что на карту порой ставилась их собственная жизнь.

Сегодня, наверное, уже можно попытаться приподнять занавес, заслонивший этих людей и реальные события тех лет от нескольких поколений одесситов.

При этом, однако, не следует ожидать описаний каких-то следственных уловок, замысловатых ходов и раскрытий, залихватских погонь, перестрелок и преследований. Все это, как говорится, уже дело техники. Так или иначе, с очень многого гриф секретности не снят до сих пор. Не секрет и то, что многие задержания и раскрытия не обходились без помощи агентуры, внедренной в различные преступные группировки. Поэтому распространяться даже через много лет о тех или иных обстоятельствах недопустимо.

Вероятно, достаточно проследить за продвижением по службе тех, о ком идет речь, вникнуть в указы и приказы, служебные характеристики, аттестационные дела и представления, поощрения и наградные листы.

Эти документы, может быть, как никакие другие, более чем красноречивы и всеобъемлющи.

«В Советской Армии не служил…» – из личного дела № 11873 (сов. секретно)

Иосиф Маркович Соколовский родился в 1906 г. в Одессе в семье рабочего. Учился во 2-м Одесском казенном училище. Так и не доучился…

Из-за тяжелого материального положения родителей с 1919 г. уже работал вязальщиком бутылок на фабрике минеральных вод, потом батрачил в Киевской области. Вернулся в Одессу в 1923 г., был чернорабочим на бисквитной фабрике.

В 1929 г. направлен на работу в органы милиции.

Начинал обычным милиционером. Вот скупой перечень его продвижения по службе. Как говорится, послужной список.

Уже в 1931 г. – помощник начальника 2-го и 3-го района милиции Одессы.

В период 1932-36 гг. – начальник отделения милиции Раздельнянского и Знаменского районов Одесской области.

С 1936 по октябрь 1939 гг. – начальник 2-го отделения милиции Одессы, начальник отделения милиции Вознесенского района Одесской области, начальник отделения уголовного розыска Управления милиции Одесской области.

В период обороны Одессы, с июля по октябрь 1941 г., – начальник отделения уголовного розыска Управления милиции Одесской области.

В эвакуации, с октября 1941 по октябрь 1943 г., – замначальника отдела милиции Ташкента. В октябре 1943 г. назначен начальником отдела борьбы с бандитизмом УМВД Николаевской области. Это сразу же после освобождения этого региона от оккупантов.

С января 1946 г. капитан Соколовский – замначальника, с ноября 1946 г. – начальник отдела уголовного розыска Управления милиции Одесской области.

23 октября 1946 г. ему присваивается звание майора милиции. Звание достаточно высокое. В то время даже Кальненко, замминистра внутренних дел УССР (!), имел звание полковника.

В мае 1948 г. в автобиографии как бы между прочим Соколовский упомянул: «За время работы в органах имею ряд поощрений и ценных подарков за хорошую постановку оперативной работы и ликвидацию ряда бандитских группировок. Кроме того, награжден орденом Отечественной войны II степени в 1944 г. за выполнение специального задания правительства, за участие в обороне Одессы я награжден медалью «За оборону Одессы»…»

Какого задания? Ничего конкретного…

И.М. Соколовский. Одесса. 50-е годы

В «Аттестационном листе» (31.12.1946 г.) отмечено: «…Имеет большой опыт оперативно-агентурной и следственной работы по линии уголовного розыска. В своих действиях решителен и настойчив…». И опять ничего конкретного…

Тем не менее, кроме медали «За оборону Одессы» и ордена Отечественной войны II степени Соколовский в мирное время был награжден орденом Красной Звезды (!), орденом Красного Знамени (!!), медалью «За боевые заслуги».

Такие высокие награды просто так «с неба не падали». Тем более в милиции. Такими наградами гордился бы любой фронтовик! На служебном кителе, однако, Иосиф Маркович носил лишь медаль «За победу над Германией». Это событие для него, очевидно, было самым значимым.

Как никто другой, Соколовский сочетал в себе качества боевого оперативника, профессионально владеющего оружием, и следователя с глубоким аналитическим умом. И это не проходило незамеченным. Его личный вклад в борьбу с бандитизмом был хорошо известен. Известен и в Москве, и в Киеве, и в Одессе. Все, что он делал, и сегодня хранится под грифом «сов. секретно».

В «Аттестационном листе» (29.09.1950 г.) сказано:

«…Работу органов милиции знает всесторонне, хорошо знает методы борьбы с уголовной преступностью. Опыт в своей работе передает подчиненному составу. Оказывает практическую помощь в работе периферийным органам милиции, часто выезжает в районы области по вскрытию уголовных проявлений.

Дисциплинирован, политически развит, работает над повышением своего идейно-теоретического уровня. Авторитетом

30083

ЗА ВЫСЛУГУ В ВОЙСКАХ, ОРГАНАХ МВД—МГБ И МИЛИЦИИ 20 ЛЕТ 11 МЕС

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

[redacted] Указа Президиума Верх. Совета СССР

1. Фамилия, имя и отчество СОКОЛОВСКИЙ Иосиф Маркович [redacted] 1950 г.
2. Звание майор милиции 3. Должность и место работы Начальник отдела Уголовного розыска Управления милиции УМГБ Одесской област
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ОРДЕНУ " КРАСНОЕ ЗНАМЯ"
(к ордену или медали)
4. Год рождения 1906 5. Национальность еврей 6. Партийность чл.ВКП/б/ с 1928г
7. Место рождения город Одесса.
8. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) не участвовал
9. Имеет ли ранения и контузии: а) в гражданской войне не имеет
(сколько, степень, когда) б) Отечественной войне не имеет
в)
10. С какого времени: а) в войсках, органах ВЧК-ОГПУ-МВД-МГБ и милиции с 4.XII.1929 года.
(год, месяц и число)
б) в Советской Армии не служил
(год, месяц и число)
11. Какими орденами, медалями награжден и когда Орден "Красная звезда" орден Отечественная война II ст. медали : "За боевые заслуги", "За оборону Одессы", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг".
(даты Указов и приказов о награждении)
№ орденской книжки
12. Домашний адрес гор. Одесса, улица Пушкинская д. 55 кв.35

А Т Т Е С Т А Ц И Я

Работу органов милиции знает всесторонне, хорошо знает методы борьбы с уголовной преступностью. Опыт в своей работе передает подчиненному составу. Оказывает практическую помощь в работе периферийным органам милиции, часто выезжает в районы области по вскрытию уголовных проявлений.

Дисциплинирован, политически развит, работает над повышением своего идейно- теоретического уровня. Авторитетом среди коллектива пользуется. Административных и партийных взысканий не имеет.

ДОСТОИН представления к правительственной награде за выслугу лет в органах милиции орденом " КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

Начальник УМГБ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ
П О Л К О В Н И К /Д.ЛЕБИН/.

31 августа 19 50г.

Заключение старших начальников:

Майор милиции СОКОЛОВСКИЙ Иосиф Маркович достоин представления к Правительственной награде за выслугу лет - ордену "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".-

13 сентября 1950 г.

Министр Госбезопасности УССР
Генерал-лейтенант
Н.КОВАЛЬЧУК.

среди коллектива пользуется. Административных и партийных взысканий не имеет…»

И все же…

Начиная с 1948 г., в СССР, приобретая крайние антисемитские формы, уже набирала обороты кампания по борьбе с космополитами. К тому же, началось следствие по так называемому «Делу о сионистском заговоре в МГБ». В органах по соответствующим указаниям «сверху» стали избавляться от евреев – невзирая на авторитеты, звания и заслуги. В результате уцелели единицы…

Негласно из года в год следили за его семьей и ближайшими родственниками. Так сказать, «в порядке спецпроверки». Однако «компрометирующих материалов на Соколовского и его родственников не установлено…». А как кому-то хотелось, чтобы были…

В марте 1952 г. над подполковником Соколовским начали сгущаться тучи. К тому же, в служебной анкете в графе «национальность, родной язык» лично Соколовским указано – «еврейский». Однако уволить из органов такого яркого и мужественного офицера, офицера думающего и опытного, руководство не решалось. А с кем тогда работать?! Началась возня вокруг его должности.

14 марта 1952 г. было подготовлено «Заключение на понижение в должности». В «Заключении…» общие штампованные формулировки, полностью противоречащие тому, что отмечалось в официальных документах на Соколовского И.М. еще год-два назад:

«…В оценке работы за 1950-1951 гг. указывалось, что тов. Соколовский недостаточно оказывает помощи в работе подчиненным, не уделяет должного внимания организации и проведению более сложных оперативных мероприятий по сыску, слабо анализирует состояние преступности в области, в результате чего проводимые отделом мероприятия малоэффективны и не всегда достигают цели.

Тов. Соколовский оказался не в состоянии организовывать подчиненный аппарат на выполнение поставленных задач и новых повышенных требований к сыскной работе. В результате в работе отдела имеют место существенные недостатки, процент раскрываемости преступлений низкий. Слабо организуются оперативные мероприятия, направленные на предупреждение уголовных проявлений и своевременную изоляцию преступников.

ф.28-8 ак в.№-2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УКРАИНСКОЙ ССР

ОТДЕЛ КАДРОВ

25. ноября 1948 г. № 4/3/20961 гор. Киев

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА "А" МГБ УССР

ПОДПОЛКОВНИКУ т.ПОДОБЕДОВУ

г.Киев

При ответах ссылаться на №, число и отдел

Просим проверить и сообщить в ОК МВД УССР не проходит-ли по Вашим учетам и не имеется-ли компрометирующих материалов на проверяемого нами в порядке спецпроверки СОКОЛОВСКОГО Иосифа Марковича 1906 года рождения и его родственников:

СОКОЛОВСКИЙ Наум Маркович 1912 г.рождения
СОКОЛОВСКАЯ Хаина Марковна 1915 г.рождения
ТРОЙМАН Соломон Исаевич 1908 г.рождения
ДОБРИНСКАЯ Мария Исаевна 1900 г.рождения
СОКОЛОВСКИЙ Мордко Мошкович 1879 г.рождения
СОКОЛОВСКАЯ Туба Янкелевна 1882 г.рождения
СОКОЛОВСКАЯ ХАРИТОС Анна Марковна 1912 г.
СОКОЛОВСКАЯ Берта Исаевна 1907 г.рождения
ТРИНКМАН Овшей Юдкович 1880 г.рождения
ТРИНКМАН Рейзя Абрамовна 1882 г.рождения

все уроженцы гор. О д е с с ы.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ МВД УССР
ПОДПОЛКОВНИК ДАЛЬКЕВИЧ

зам НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ ОК МВД УССР
КАПИТАН ВОРОНОВ

ОК МВД УССР
№ 3/625 61 9

В связи с этим ставится вопрос об освобождении его от занимаемой должности…».

При этом не забыли «упрекнуть» подполковника Соколовского:

«…Спецпроверка проведена в 1949 г., дополнительно проводилась в 1951 г., в результате которой установлено, что брат Соколовского – Соколовский Наум Маркович – начальник ОО НКВД I-й противотанковой бригады по данным 8 отдела УК МГБ СССР значится пропавшим без вести I.X.1941 г.»

Пропал без вести? Мол, это еще не совсем понятно, где он…

Сошлись, однако, на том, что: «…подполковника милиции Соколовского Иосифа Марковича от должности начальника отдела уголовного сыска Управления милиции УМГБ Одесской области освободить и назначить зам. нач. того же отдела, о чем возбудить ходатайство перед МГБ СССР…».

Так сберегли для органов, для Одессы и Одесской области Иосифа Марковича Соколовского. Сберегли, однако, ненадолго.

Унижения и лицемерие последних лет не прошли бесследно. 4 октября 1952 г. Соколовский скончался, не дожив 26 дней до 46-летия… Как писали тогда кадровики: «Исключен из личного состава за смертью…».

Получилось, что исключен не только из личного состава, но и из памяти и истории Одессы. Да и на памятной доске в здании УВД Одесской области фотография подполковника Соколовского отсутствует. Не хватило места?..

…У Иосифа Марковича было двое детей – сын Александр, 1929 г. р. (в 1948 г. – студент Одесского мукомольного техникума), и дочь Полина, 1937 г. р.

Семья Соколовских проживала на ул. Пушкинской, 55, кв. 35.

Может, кто-то из родственников и сегодня живет в Одессе?..

Еще тот Курлянд…

Может быть, о нем так бы долгое время и знал только узкий круг оперативников, если бы летом 1957 г. в одесских катакомбах не заблудилась группа детей.

Тайное мгновенно стало явным. Об этом заговорили в школах, на улицах, в трамваях, на рынках. Город буквально замер.

Поиски, в которых были задействованы значительные силы профессионалов, ничего не давали. Тут и вспомнили о Курлянде. Он-то как никто другой ориентировался в катакомбах. Бесконечное число раз именно в катакомбах ему приходилось вылавливать всякую бандитскую нечисть, обнаруживать склады с оружием, краденым и контрабандой, раскрывать насиженные притоны и явки.

За успешную операцию по розыску потерявшихся детей (другими словами, за спасение человеческих жизней) Курлянд был представлен к ордену «Знак почета». Однако вместо ордена исполком Одесского горсовета объявил ему «благодарность за активное участие, находчивость и проявленную инициативу» (решение № 251р от 13.08.1957 г. за подписью Г. Ладвищенко). К этому Курлянд уже успел привыкнуть…

Так или иначе, после нашумевшего телесериала «Ликвидация» (2007 г.) очень многие, в том числе ветераны одесской милиции, сразу узнали в образе киношного Гоцмана реального Курлянда. Однако события, показанные в «Ликвидации», лишь отдаленно перекликаются с подлинными фактами биографии Курлянда.

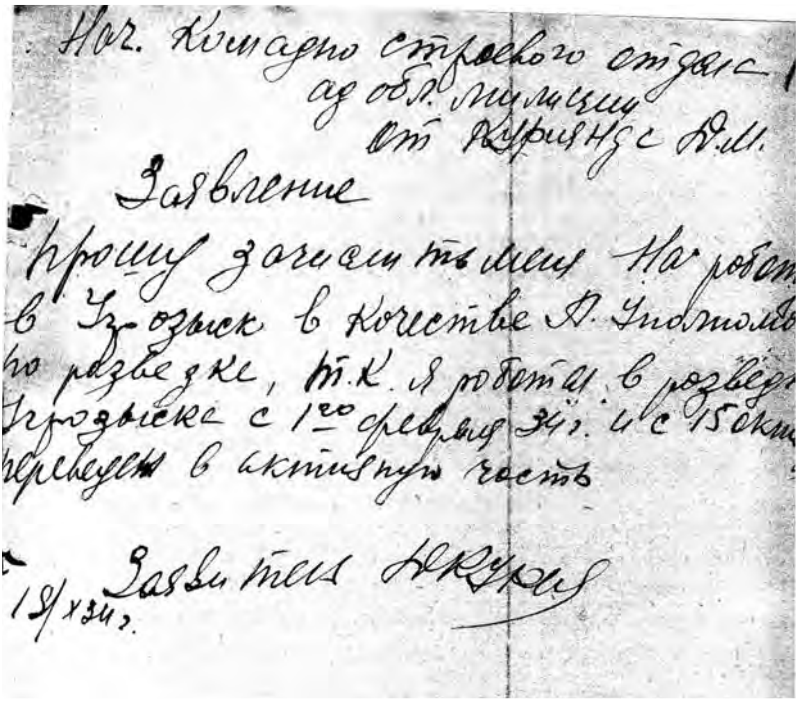
А с чего все начиналось?

Давид Менделевич (Михайлович) Курлянд родился в Одессе в 1913 г. в многодетной семье. Курлянд вспоминал: «Мне тогда было семь лет, и я оказался в одном из детских домов… В этих детских домах я находился около трех лет – 1920-1922 годы. И только после окончания Гражданской войны, когда старший брат был демобилизован из Красной Армии и вернулся домой, он забрал меня из детского дома».

Давиду пришлось работать с 13 лет – сначала учеником печника, потом печником, потом рабочим на соевом заводе и суконной фабрике.

В 1933 г. он женился, в 1934 г. по путевке обкома комсомола направлен на работу в уголовный розыск. Всего за несколько лет прошел путь от сержанта до старшего оперуполномоченного уголовного розыска Одессы. Член партии с 1940 г.

В 1941 г. активно участвовал в обороне Одессы (медаль «За оборону Одессы», № 300), ушел из города на последнем судне. Мать и сестра с детьми погибли в Одессе, в гетто.

Нач. Комсодно строевого отдела
ад обл. милиции
от Курилянд Д.М.

Заявление

Прошу зачислить меня на работу в Угрозыск в качестве Д. Уполномоченного по разведке, т.к. я работал в розыске Угрозыске с 1-го февраля 34 г. и с 15 окт. переведен в активную часть

Заявитель Курилянд

18/X 34 г.

В эвакуации, в Узбекистане, – начальник управления уголовного розыска в Фергане, затем – замначальника управления уголовного розыска Узбекистана (!). И там работы хватало – дезертиры, бандиты, спекулянты, мошенники... Кстати, в то же время вместе с Курляндом в Ташкенте работал и Иосиф Маркович Соколовский. Можно себе представить такой тандем!

10 апреля 1944 г., в день освобождения Одессы, он уже в городе (прибыл с войсками из Харькова).

Два с половинной года оккупации Одессы не могли не сказаться на криминальной ситуации. Многих молодых людей, которые в 1941 г. по возрасту еще не подлежали призыву, в 1944 г., когда город был освобожден, стали призывать в армию. Те, кто был призван, молодые, необстрелянные, практически все погибли

при Ясско-Кишиневской операции. Многие пытались уклониться от призыва. Так возникла целая армия дезертиров, некоторые из них пополняли бандитские группы. Да и возвращавшиеся с войны фронтовики зачастую не имели образования и профессии, ничего не умели делать, кроме как стрелять, и тоже порой пополняли среду уголовников, наивно думая: «Вот пару копеек отобьем, а там будет видно…». В городе оставались бывшие полицаи, негодяи, нажившиеся на еврейском горе… Кроме всего этого, хватало и «своих» уголовников. Вот с кем приходилось иметь дело сотруднику уголовного розыска Курлянду.

Грабежи и убийства в городе стали обычным явлением. Охотились за военными, отнимали оружие и документы, форменную одежду, продуктовые карточки. Грабили продовольственные склады, торговали квартирами…

В те годы под непосредственным руководством и при участии Курлянда в Одессе были уничтожены банды «Черная кошка», «Додж 3/4», «Одесский Тарзан». А это были не просто хулиганы с оружием, это были настоящие бандитские формирования с разветвленной системой конспирации и страховки, продуманной тактикой и стратегией.

Указом от 15.01.1945 г. Курлянд был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 2010 г. полковник Исай Григорьевич Бондарев, дослужившийся до командира полка патрульно-постовой службы Одессы (!), вспоминал:

«Ходить ночью по улицам не то что простые горожане боялись, даже милиционеры ходили патрулями по двое-трое, вооруженные автоматами. Ночевали, в основном, в отделениях. Были грабежи, убийства…

…Мы служили с ним (Курляндом. – **М. П.**) в одном управлении, часто общались. Сам Курлянд был великолепным оперативником, отлично подготовленным, знающим ситуацию. Если ему сообщали об убийстве, он тут же говорил, чьих это рук дело и где надо искать…»

В служебной характеристике Курлянда читаем: «…Принимал активное участие в задержании особо опасных, вооруженных преступников. Отличался высокой оперативной смекалкой и мужеством. Для выполнения порученных заданий, если этого требовала

обстановка, не уклонялся от огневого контакта с бандитами. Является образцом активного оперативника уголовного розыска».

Табельное оружие Курлянда – «Браунинг», калибр 7,62 – и сейчас хранится в музее Одесской милиции.

В дневниках Курлянда (1984 г.) перечислены многие громкие дела, которые он расследовал до и после войны, – «Оборотень», «Курортники», «Засада», «Импортный макинтош», «Яшка-китайчик», «Флегмона, или…», «Зачем мошеннику оружие», «Дубровский», «Котиковая шуба», «Губернатор», «И оружие не помогло», «Марушка+Соколов», «Неудавшаяся гастроль», «Моца и К°» и др. И это только «интересные» дела, не считая текущих и повседневных.

Коллеги называли его «гением сыска», «профессором» по борьбе с бандитами, фальшивомонетчиками и мошенниками. Среди оперативников Курлянд был непререкаемым авторитетом.

В те годы бок о бок с Курляндом работали евреи-оперативники. Вот только некоторые фамилии, встречающиеся в секретных документах: Семен Самойлович Либин, Илья Ермолаевич Гольд, Яков Григорьевич Гурфинкель, Ефим Маркович Завелион, Лев Абрамович Фэксон, Яков Львович Франк, Исай Григорьевич Бондарев, Янкель Шмелович Флиг, А.А. Гольдберг, И.И. Шапиро, Кизельман.

В 1948 г. Курлянда назначают замначальника уголовного розыска Одессы. Антисемитская волна настигла его в ноябре 1949 г. Унизительные допросы, очные ставки, откровенные издевательства и надуманные подозрения – все это длилось до декабря 1951 г. (!)

Зацепку нашли быстро.

В сентябре 1942 г., работая начальником отделения уголовного розыска Ташкента, Курлянд завербовал в качестве секретного осведомителя некого Розенблита, уроженца и жителя Одессы. Розенблит, довольно мутная личность, до войны был обычным цеховиком – нелегально изготовлял обувь, товары из кожи и др. В начале войны он эвакуировался в Ташкент, наращивая теневой бизнес («левая» торговля, казино, азартные игры, продажа спиртного).

В конце 1944 г. Курлянд способствовал его возвращению в Одессу, где тот продолжал заниматься преступной деятельностью. Розенблит был изобличен и арестован.

Тут «вспомнили», что он являлся секретным осведомителем, «работал» с Курляндом.

Д.М. Курлянд. Одесса. 1980-е годы

Курлянда стали обвинять в том, что он потакал преступнику, потакал за вознаграждение. Как водится, в ход пошли анонимки, «надежные» слухи… Доказать, однако, ничего не смогли, уж явно это никак не сочеталось с личностью самого Курлянда. Тогда начали искать любые неточности, ошибки или помарки в протоколах допросов, подготовленных Курляндом по другим делам. Конечно, таковые были… Быстро «сколотили» выводы «О безответственном отношении к исполнению служебных обязанностей» и т. п. Началась (вернее, продолжилась) слежка за его семьей. В августе 1951 г. секретный осведомитель докладывал:

«Установлено, что Курлянд на жительство в дом поселился в 1944 г., прибывши из гор. Харькова. Квартира, которую он занял, была свободная. До Отечественной войны в этой квартире проживал Берляндчик, который в начале Отечественной войны эвакуировался, а в 1945 г. возвратился в Одессу. В связи с тем, что квартира его была занята Курляндом, он, не имея к нему никаких претензий, поселился в другую. Впоследствии Берляндчик из дома выехал и больше не возвращался.

Курлянд со дня приезда в Одессу и по настоящее время работает в Горуправлении милиции, носит гражданскую одежду.

Источником характеризуется положительно. Образ жизни ведет скромный. С жильцами дома ничего общего не имеет. Живет замкнуто, больше всего находится на работе. Материально живет хорошо. Квартиру его часто посещают неизвестные мужчины и женщины.

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР-ПОЛКОВНИК
КАЛЬНЕНКО
"18" апреля 1946 года.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

58 44

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

/по спецпроверке/.

"12" апреля 1946 года, гор.Киев.-

Я, оперуполномоченный отдела кадров Министерства Внутренних Дел УССР, капитан РЫНДИН рассмотрев материалы спецпроверки на заместителя начальника Оперативного отдела Управления Милиции УМВД Одесской области, старшего лейтенанта милиции КУРЛЯНД Давида Менделеевича,-

Н А Ш Е Л :

КУРЛЯНД Давид Менделеевич 1913 года рождения, уроженец города Одессы, по происхождению из рабочих, служащий, еврей, член ВКП/б/ с 1940 года, образование низшее, женат, в органах МВД работает с 1934 года.

На проверяемого КУРЛЯНД Д.М., его жену ЧЕРВИНСКУЮ-КУРЛЯНД Н.Г. и близких родственников в процессе спецпроверки - компрометирующих материалов не поступило.

П О Л А Г А Л - Б Ы :

КУРЛЯНД Давида Менделеевича для дальнейшей работы в органах МВД оставить, спецпроверку считать законченно.-

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОК МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР - КАПИТАН Р Ы Н Д И Н

НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ ОК МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР - МАЙОР [illegible] А Л О

СОГЛАСЕН: ЗАМ НАЧ ОТДЕЛА КАДРОВ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР - ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ
К О В А Л Ь

пб.

Его жена – Курлянд Анастасия Григорьевна, 1912 г. р., уроженка гор. Одессы, русская, гр. СССР. В гор. Одессу прибыла вместе с мужем из гор. Харькова. Со дня прибытия и по настоящее время не работает, находится на иждивении мужа. В доме ведет себя замкнуто, дружбы ни с кем не поддерживает».

И с этой стороны подкопаться не смогли…

В итоге лишь в декабре 1951 г. Особая инспекция отдела кадров МГБ УССР постановила:

«…Из представленных материалов на Курлянда достаточных оснований для его увольнения из органов не имеется. Его связь с осужденным к 5 годам ИТЛ бывшим секретным осведомителем Розенблитом, использование последнего в корыстных целях полностью не исследована и основана на неправильных суждениях.

Особая инспекция МГБ УССР считает возможным за совершенный проступок Курлянда арестовать на 20 суток без использования служебных обязанностей и после отбытия наказания понизить в должности».

Замначальника уголовного розыска Одессы Курлянд оспаривал принятое решение. В своем рапорте на имя начальника областной милиции полковника Мартынова он утверждал:

«…Если имеется в виду, что я безответственно отношусь к исполнению служебных обязанностей вообще, то я имею полное основание это опровергнуть следующими фактами, хотя бы за 1951 г. не в порядке бахвальства:

а) По ориентировке УМ УМГБ Харьковской области лично мной были разработаны и установлено местонахождение двух разыскиваемых ими бандитов-террористов, которые после нашего сообщения были арестованы;

б) Таким же порядком и в результате ареста этих бандитов-террористов было раскрыто ограбление кассира скупочного цеха на ул. Садовой;

в) Раскрыто групповое мошенничество, имевшее место на территории 10 отд. милиции над группой колхозников, 3 преступника были арестованы, похищенное у них изъято полностью и возвращено потерпевшим;

г) По данным состоящего у меня на связи агента «Зверев», раскрыта кража на территории 5 отд. милиции, преступники были

Зам. Когалымского УВД по Кадрам
полковнику
т. Ищенко

Рапорт

В связи с тем, что с 1935 года
во всех документах мое отчество
не Андреевич, а Михайлович и
это отчество записано в моем
паспорте серии IX-ЕМ № 679801, выданном
Ив. отд. милиции г. Одесса 11/IX-57 г., а
так же в партийном билете № 1183187
выданном Ленинским РК КПУ, прошу
произвести соответствующее изме-
нение в моих данных.

подполковник милиции:
1 Д. Курилов

24/X-69 г.

Справка
паспорт изменено на
Михайлович
УВД 30.XI.69 г.

арестованы, похищенные вещи полностью изъяты и возвращены потерпевшим;

д) По данным моего агента «Пановой», раскрыта кража на территории 7 отд. милиции у 5-ти живущих в общежитии ТЭЦ рабочих. Вещи были полностью обнаружены и возвращены потерпевшим, а преступник арестован;

е) По данным моего агента «Русакова» установлены преступники, а затем обнаружен и изъят новый электродизельмотор, похищенный со двора базы «Главсельэлектро».

По данным этих и других агентов, состоящих у меня, было предупреждено несколько преступлений, арестованы явные уголовные преступники и привлечены к уголовной ответственности по ст. 80 УК.

Я непосредственно принимаю активное участие в разработке и аресте преступников, в их допросах, в проведении операций по большинству дел, проходящих как в отделе уголовного сыска, так и в отделениях милиции.

Прошу Вас, товарищ полковник, ознакомиться со всеми служебными характеристиками, составленными на меня, хотя бы только за время работы в отделе уголовного сыска или только за 1951 г., которые требовал отдел кадров для представления меня к награде за долголетнюю безупречную службу и присвоение очередного звания, хотя и это сделано не было, – и Вы убедитесь, насколько честно и преданно я отношусь к исполнению служебных обязанностей».

«Прошу Вас, товарищ полковник, ознакомиться со всеми служебными характеристиками…» В данном случае пояснения Курлянда никого не интересовали. Приказ «О наложении взыскания – 20 суток ареста без исполнения служебных обязанностей с переводом на должность начальника отделения» все же был подписан.

Курлянд, этот «чужой среди своих», продолжал служить Родине, надеясь, что, наверное, завтра будет лучше, чем вчера. Да еще как служил!

В 1953 г. он становится начальником 2-го, за затем 1-го отдела уголовного розыска Одессы. Указом от 25.06.1954 г. майор Курлянд награжден орденом Красной Звезды (!).

В июле 1957 г. Курлянд, будучи начальником отделения уголовного розыска Одессы, представлен к званию подполковника.

В аттестационном листе указано: «За период службы характеризуется положительно. Агентурно-оперативную и следственную работу органов милиции знает и имеет в ней большой практический опыт… Лично дисциплинирован, при решении служебных вопросов настойчив и принципиален».

В июле 1957 г. Курлянд представлен к ордену Красного Знамени. В итоге награжден медалью «За безупречную службу» I-й степени. И это притом, что только «…за 1957 г. в целом отделением завербовано 22 агента. Состоит на связи 36 агентов.

С помощью агентуры раскрыто 77 преступлений, в том числе 30 мошенничеств, совершенных в Одессе и других городах. За этот период завербовано 5 агентов, на связи состоит 8 агентов, с помощью которых раскрыто 16 преступлений».

В 1960 г. Курлянд – замначальника уголовного розыска Одессы.

За время службы не было такого дела, которое бы Курлянд не смог раскрыть…

И везде в его служебных характеристиках отмечено: «В работе конспиративен…».

…19 ноября 1963 г. Курлянд уволен в запас.

В телефонном разговоре его несправедливо упрекнул начальник Управления городской милиции: «Вы знаете, что ограбили сберкассу?». На тот момент эта информация до Курлянда еще не дошла. «Зачем же вы тогда там сидите?» – грубо оборвал его начальник.

Этого было достаточно, чтобы Курлянд сам написал заявление об увольнении. Такого обращения он не заслуживал.

На 18 ноября 1963 г. Курлянд отдал уголовному розыску в календарном исчислении 29 лет, 9 месяцев и 17 дней, с учетом льготной службы – 30 лет, 1 месяц, 25 дней.

В.Г. Гайдамака – начальник милиции Одесской области, комиссар милиции II-го ранга, докладывал в Киев: «В дальнейшем в органах милиции работать не желает и возбудил ходатайство о своем увольнении…».

Так Курлянда никто и не понял…

Из воспоминаний родной племянницы Марии Либерман (Курлянд), проживающей в США:

«…Когда Давид был уже на пенсии, его часто вызывали на бывшую работу, там он разбирался со старыми уголовниками, они

не желали разговаривать с молодежью. Его оперуполномоченный Павлик Кученский говорил о нем с восхищением: «Так, как Давид Михайлович умеет разговаривать со своими «подопечными», – никто у нас не может…».

…Мне лично были знакомы несколько бывших уголовников, которые выполнили свое обещание и «завязали» с прошлым только потому, что дали слово Давиду…».

…Личное дело бывшего заместителя начальника Одесского уголовного розыска Д.М. Курлянда до сих пор засекречено. И это понятно. Он был классным специалистом по агентуре, в городе у него было множество явочных квартир. А большие и малые секреты требуют тишины…

Между тем гроза бандитов всю жизнь прожил с женой и двумя детьми в обычной одесской коммуналке – на Соборной площади, 1, квартира 63.

А чем занимался на пенсии?

Читал лекции в Одесской школе милиции.

Создавал музей Одесской милиции.

Консультировал.

С 1963 по 1973 гг. был начальником отдела кадров таксопарка, что находился на 4-й станции Фонтана, был секретарем парторганизации одного из ЖЭКов Центрального района Одессы (ул. Толстого, 5).

Умер Давид Михайлович Курлянд 28 июля 1993 г., похоронен рядом с женой в Одессе, на Троицком кладбище.

Валентина (1941 г. р.), дочь Давида Михайловича, педагог, умерла в 2003 г.

Сын Анатолий (1933 г. р.) – полковник Советской Армии, умер в 2015 г.

В Одессе живет внук Давида Михайловича – Владимир, майор в отставке, который бережно хранит традиции семьи Курлянд.

…В знак признательности оперативным работникам Одесского уголовного розыска послевоенных лет у входа в здание Управления Одесской областной милиции (полиции) установлен памятник Гоцману из «Ликвидации». Проходя мимо, я всегда повторяю про себя: «Здравствуйте, Давид Михайлович! Как Вас не хватает сегодня!».

Смершник с медалью «За отвагу»

Г.Б. Абрамович. Одесса. 1960-е годы

…В конце февраля 1996 г. хоронили Дмитрия Дмитриевича Трофименко – бывшего начальника милиции Центрального района Одессы, полковника милиции, ветерана уголовного розыска, человека порядочнейшего и достойнейшего.

Как водится, собрались сослуживцы – люди, много повидавшие на своем веку. На поминках вспоминали то одного, то другого. Вдруг, осмотревшись, один внезапно спохватился: «А где Гришка Абрамович?!». Общее молчание нарушил седой человек с орденскими планками на пиджаке: «Тà в Америке он. Как жинка умерла, так пару лет назад и уехал…». Задавший вопрос затушил сигарету, хитро улыбнулся и произнес: «Лихой был хлопец! Лихой! Под пули, в огонь и в воду! А жил как на одной ноге… Хай хоть там поживет как человек…».

Григорий Борисович Абрамович родился в 1922 г. в Одессе. Его родители – коренные одесситы. Отец всю жизнь отработал в Одесском трамвайном тресте. В семье воспитывалось трое детей – сын и две дочери. В 1941 г. он окончил два курса географического факультета Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. Потом вместе с университетом эвакуировался в Майкоп. Потом – Ташкент, куда была эвакуирована вся семья.

С ноября 1942 г. – в действующей армии, в составе пулеметного батальона стрелкового полка 18-й армии 1-го Украинского фронта. В октябре 1943 г. Абрамович в числе первых форсировал реку Днепр. За проявленные смелость и героизм награжден медалью «За отвагу».

В автобиографии, написанной в августе 1949 г., как и во всех других документах личного дела № 1494/арх. № 30207 (под грифом «секретно»), об этом говорится скороговоркой. А за какой, собственно, поступок он был представлен к такой высокой солдатской награде?..

Передо мной «Наградной лист» на красноармейца пулеметного батальона 239-го армейского запасного стрелкового полка Абрамовича Григория Борисовича, с представлением в октябре 1943 г. на орден Красной Звезды (!):

«…В бою за освобождение правобережья Украины, в районе юго-зап. ст. Войсковое, тов. Абрамович проявил доблесть и мужество. Он вместе с пульбатом 27 сентября 1943 г. форсировал р. Днепр. Будучи писарем батальона, тов. Абрамович точно и в срок составлял все боевые донесения и документы, когда связь с ротами была порвана, днем, по-пластунски, пробирался к командирам рот и брал у них сведения о состоянии подразделений, одновременно передавая приказы командования.

Тов. Абрамович в бою ведет себя храбро и отважно, за что представляется к правительственной награде…»

Представляли Григория Борисовича к ордену Красной Звезды – награжден медалью «За отвагу»… Очевидно и потому, что это была его первая награда.

В особом отделе 18-й армии сразу же подметили смекалистого и мужественного парня, в июне 1944 г. по рекомендации штаба армии он был направлен в 1-ю Московскую школу Главного управления контрразведки СМЕРШ (!), которую окончил в июле 1945 г. А это чего-то стоило!

В СМЕРШе на слово никому не верили. Абрамовича, члена партии с 1944 г., и его семью с ближайшими родственниками многократно проверяли на уровне контрразведки (!). Подкопаться, однако, не было к чему… Абрамович был направлен оперативным уполномоченным СМЕРШа в различные артиллерийские соединения. Здесь младший лейтенант Абрамович занимался не только своим делом, а непосредственно участвовал в боевых действиях. За это и военные награды – медали «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Берлина». Считай, что и эти награды – боевые…

После окончания войны Григория Абрамовича направили в одесскую милицию – по месту рождения и прежней жизни.

С 30 ноября 1946 г. – Абрамович оперуполномоченный отдела уголовного розыска Одесской области. В 1950 г. поступает во Всесоюзный юридический заочный институт, который окончил в 1955 г.

Уже в августе 1947 г. старшему оперуполномоченному Абрамовичу присваивается звание лейтенанта милиции. В «Аттестационном листе» указано: «…Оперативно-агентурную, а также следственную работу знает хорошо. В окружающей обстановке ориентируется свободно. Энергичен. В работе проявляет личную инициативу. Имеет достаточную общеобразовательную подготовку. Технически грамотен».

Чрезвычайно редко в личном деле (дело-то все-таки «секретное») можно прочесть что-то конкретное о расследованиях, проведенных Абрамовичем, хотя отдельные вещи все-таки улавливаются. Так, с июня 1948 г. по июль 1950 г. раскрыты крупные групповые преступления – хищения в Одесском мединституте и в конторе «Заготзерно», дела по обвинению в масштабных грабежах на различных предприятиях города и др. И это тогда, когда страна, еле-еле сводя концы с концами, только-только оправилась после карточной системы на продукты.

В январе 1951 г. старшему следователю отдела УМВД Одесской области Абрамовичу присваивается звание старшего лейтенанта милиции. При этом особо отмечено, что он находился на должности, соответствующей званию майора (!). За расследование ряда хозяйственных преступлений Абрамович получает благодарность министра внутренних дел УССР с вручением именных часов.

В пору чистки органов от «еврейского элемента» министерские чиновники не посмели замахнуться на него. Все-таки Абрамович не просто так оказался в Одессе, а был направлен Главным управлением контрразведки СМЕРШ (!).

Несмотря ни на что, за его семьей ведется заинтересованное негласное наблюдение. В марте 1953 г. отдельным рапортом сообщается об итогах одной из таких спецпроверок:

«…По ул. Петра Великого, дом 33, кв. 7, проживает Абрамович Григорий Борисович… Вместе с ним проживает жена, Старик Клара Абрамовна, их дочь 2,5 летнего возраста.

Все графы заполнить полностью

28
108

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Абрамович Григорий Борисович
2. Звание красноармеец 3. Должность, часть ст. инкарб 1 стрелкового батальона 239 АБСП
Представляется к Ордену „Красная Звезда"
4. Год рождения 1922 5. Национальность Еврей 6. Партийность Канд. в ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Отечественная война с 1942
8. Имеется ранения и контузия в отечественной войне не имеет ранений
9. С какого времени в Красной Армии с 1942 10. Какими РВК призван Ленинградским РВК г. Ташкента Узсср
11. Чем ранее награждался (за какие отличия)
12. Подробный домашний адрес награждаемого и адрес его семьи [redacted]

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В бою за освобождения Правобережной Украины в районе ю.-зап. г. Вознесенск т. Абрамович Г.Б. проявил доблесть и мужество. Он вместе с батальоном 27 сент. 1943 года с боем форсировал р. Днепр. Будучи писарем б-на т. Абрамович помимо этого в бою составлял все боевые донесения и документы. Когда связь с ротами была порвана, т. Абрамович под огнем противника, днем, по-пластунски пробирался к командирам рот и получал от них сведения о состоянии подразделений, одновременно передавал приказания командира батальона.

Тов. Абрамович в бою ведет себя храбро и отважно, за что представляется к правительственной награде.

Командир (начальник) О.Д.М.Б. ст. лейт. (звание) (подпись)

3-10 1943 г.

4-мк

НКО

Главное Управление
Контрразведки
„СМЕРШ"

19 ноября 1944 г.
№ 25545

Сов.секретно

НАЧАЛЬНИКУ I СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
г.Москва.

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА "А" НКГБ СССР
г.Москва.

В порядке спецпроверки просим сообщить, не располагает ли компроматериалами на слушателя I-й Московской школы ГУК НКО "СМЕРШ" АБРАМОВИЧА Григория Борисовича, 1922 г. рожд. урож. гор.Одессы, ул.Кирова, 110 и его родственников:

Отца- АБРАМОВИЧА Бориса Осиповича, 1894 г.рожд., прожив. гор.Ташкент, ул.Куйбышевское шоссе, 148, урож. гор. Одессы, ул.Кирова, 110.

Мать- АБРАМОВИЧ Елизавету Осиповну, 1896 г.рожд., урож. гор.Одессы, ул.Дегтярная, 113. В настоящее время проживает в гор.Ташкенте, ул.Куйбышевское шоссе 148.

Сестру-АБРАМОВИЧ Анну Борисовну, 1923 г. рожд. урож. гор.Одессы, ул.Кирова 110, проживающую в гор. Ташкенте, ул.Куйбышевское шоссе, 148.

Сестру-АБРАМОВИЧ Дору Борисовну, 1926г.рожд., урож. гор.Одессы, ул.Кирова, 110, в настоящее время проживает в гор.Ташкенте, ул.Куйбышевское шоссе, 148.

Дядю- АБРАМОВИЧ Якова Марковича, 1900 г. рожд., проживающего в гор.Ташкенте, ул.М.Горького, тупик 19, кв. 20.

Тетю- АБРАМОВИЧ Ольгу Осиповну, 1904 г. рожд., проживающую в гор.Ташкенте, ул. М.Горького, тупик 19, кв. 20.

Тетю- ПЛУТ Софью Осиповну, 1917 г. рожд., проживающую в гор. Ташкенте, ул.М.Горького, тупик 19, кв. 20

246194
22/XI

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ
НКО" СМЕРШ"
ПОЛКОВНИК- / ВОЛЧАНСКИЙ/

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ КАДРОВ

(Гаврин)

Занимает одну комнату в мало-коммунальной квартире на 3-м этаже дома…

Материально живет хорошо, но по средствам. Образ жизни ведет семейный, по отношению к окружающим обособленный.

Дома бывает мало. Дни проводит на работе, обедает у родителей жены. Вечером поздно бывает дома. С соседями по квартире не ладит…

Родственную связь имеет с родными жены. Других данных и компрометирующих сведений не добыто…»

Опять зацепиться не за что…

С декабря 1960 г. по февраль 1965 г. Абрамович – начальник отдела отделения уголовного розыска Одесского облисполкома, затем, с февраля 1965 г. по январь 1975 г., – замначальника отдела уголовного розыска УВД Одесского горисполкома.

То и дело в личном деле Абрамовича встречаются записи – «за успешное проведение агентурно-оперативных и следственных мероприятий…» отмечен, награжден, является примером и т. п.

Абрамович глубоко разбирался в криминалистике, экономических и бухгалтерских схемах, досконально изучил «технологию» воровства и махинаций с материальными ценностями. Перечень раскрытых им к середине 50-х годов хозяйственных преступлений (в особо крупных размерах!) просто оглушающий:

– хищение железа с базы «Металлосбыт» – на сумму более чем 800 тыс. руб.;

– хищение из конторы «Заготскот» и Одесского мясокомбината – на сумму более чем 250 тыс. руб.;

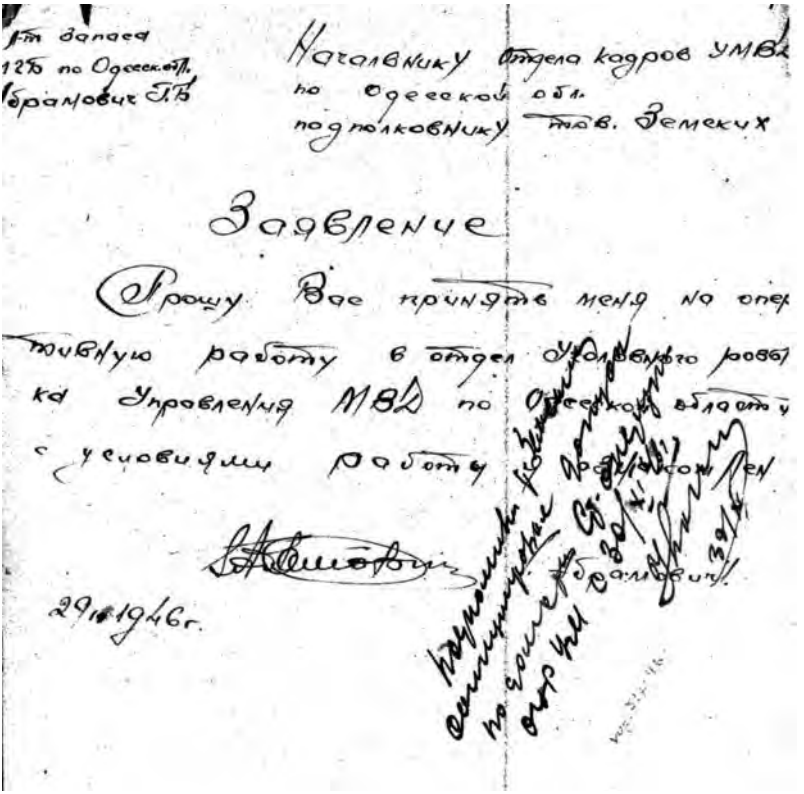
– хищения вина из совхоза «Правда» – на сумму более чем 400 тыс. руб.;

– хищения кооперативных средств из кооператива и совхоза «Бородинский» – на сумму более чем 145 тыс. руб.

Хищения, хищения, хищения…

Для сравнения – «престижный» автомобиль «Победа» стоил тогда 16 тыс. рублей!

При этом особо отмечается, что наряду с раскрытием серьезных хозяйственных преступлений Абрамович «…принимал

Ст. запаса
125 по Одесской
Абрамович ПВ

Начальнику отдела кадров УМВД
по Одесской обл.
подполковнику тов. Земских

Заявление

Прошу Вас принять меня на опер
тивную работу в отдел уголовного розы
ка Управления МВД по Одесской области
с условиями работы

29.8.1946г.

личное участие в раскрытии совершенных преступлений и в первую очередь убийств». Рассказывали, если того требовала оперативная обстановка, он мог запросто выдать себя и за бывшего штрафника, и за еврея-цеховика, и за пройдоху бухгалтера… Все тонкости профессии и характеры этих «специалистов» он изучил, как никто другой…

Мало кто знал, что Абрамович, когда «шел на дело», по старой фронтовой привычке всегда носил в ботинке запасную обойму. И это в критические моменты выручало. Одним словом, школа СМЕРШа…

В марте 1961 г. майор Абрамович получает звание подполковника (!). В его «Аттестационном листе» указано: «…Правильно ориентируется в обстановке в области, умело использовал все силы и средства в борьбе с уголовной преступностью. По наиболее сложным преступлениям принимал личное участие в раскрытиях по «горячим следам».

Абрамович мастерски владел не только оружием и приемами защиты, он мог, как классный шахматист, предвидеть, рассчитать, опередить… Ошибался Абрамович крайне редко.

В январе 1975 г. он назначается начальником отдела Управления уголовного розыска УВД Одесского облисполкома. В апреле 1975 г. ему присваивается звание полковника милиции с формулировкой «на одну ступень выше звания, предусмотренного штатами по занимаемой должности». Известно, что по соответствующему распоряжению «сверху», к 30-летию Победы участников войны – работников милиции и прокуратуры, повысили в звании. Сомневаюсь, стал бы Абрамович в противном случае полковником…

В представлении на это звание, как обычно, сухо, говорится о процентах раскрываемости, числе предотвращенных преступлений, тенденции к их снижению… За всем этим все же четко и рельефно не просматривается собственно личность Григория Борисовича Абрамовича. Личность человека, как никто другой в милиции, отмеченного наградами за добросовестное и высокопрофессиональное исполнение служебного долга – медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За безупречную службу» III, II, I ступеней (!), «За отличную службу по охране общественного порядка», наградным знаком «Заслуженный работник МВД».

Таких Абрамовичей, таких полных кавалеров «милицейской Славы», в Советском Союзе можно было посчитать по пальцам.

…20 июня 1977 г. Григорий Борисович Абрамович по собственному желанию уволен из органов с должности начальника отдела розыска Управления уголовного розыска УВД Одесской области. В его заявлении читаем: «В связи с ухудшением состояния моего здоровья прошу оформить меня на пенсию по выслуге лет». Ему-то еще не исполнилось и 55…

Д.М. Курлянд и Г.Б. Абрамович. 1985 г.

Формулировка стандартная – «по выслуге лет», но что стояло за этой «выслугой»?! Работа без праздников и выходных, зачастую по 15 часов в сутки, тревожные ночи, нервные перенапряжения, коммунальные квартиры, неустроенный быт…

Когда чувствуешь себя белой еврейской вороной.

Когда свои же следят за каждым твоим шагом.

Когда подсматривают за твоей семьей и ближайшими родственниками.

Когда не знаешь, что будет с твоей жизнью завтра…

После увольнения какое-то время Григорий Борисович занимался общественной работой, участвовал в создании музея милиции (вместе с полковниками В.Г. Давиденко и И.Г. Бондаревым), консультировал. Его изредка приглашали на различные торжества – по случаю Дня милиции, Дня Победы, на октябрьские праздники.

Потом «закончился» Советский Союз. «Закончилась» страна, которой он служил верой и правдой. В сентябре 1992 г. умерла жена. Григорий Борисович оказался здесь никому не нужен. Сказывались и старые болячки. В июне 1994 г. дочери забрали его в Америку.

17 октября 2004 г. Григорий Борисович Абрамович скончался, похоронен в Лос-Анджелесе, на Мемориальном кладбище Голливуда (Hollywood Forever Cemetery).

Наверное, даже в страшном сне ему не могло присниться, что когда-нибудь на могильной плите его фамилия будет набрана английскими буквами…

Не оглядываясь назад, этот Абрамович прошел через все – под ураганным огнем форсировал Днепр, не боялся бандитских пуль, вывел на чистую воду тысячи мерзавцев, дорожил одесскими

Лос-Анджелес. Могила Г.Б. Абрамовича

улицами, перелетел через океан, любил и был любим.

Воистину, зигзаги большой и светлой жизни.

В Лос-Анджелесе сейчас много одесситов. У кого есть такая возможность, поклонитесь праху этого человека.

Поразительно, но факт. Соколовский, Курлянд, Абрамович работали в одесском уголовном розыске в одно и то же время – в тяжелейшее для страны. В период с 1946 по 1952 гг. пересекались их жизненные и служебные пути. А у Курлянда и Абрамовича – еще и в 60-е годы.

Они шли по следам одних и тех же преступников, обсуждали планы совместных расследований, находили выходы в опасной оперативной обстановке.

Они выстояли и уцелели после «еврейских чисток»…

А что после них?

Кто еще оставил значимый след, работая в правоохранительных органах?

Сорок лет в прокуратуре

В 1986 г. в газете «Вечерняя Одесса» была опубликована небольшая заметка:

Информацию эту очень ждали в городе.

В одном из самых больших районов Одессы сложилась аховая ситуация. Объявившийся насильник вел себя нагло и изощренно.

ПРЕСТУПНИК ПОЙМАН?

Нас, родителей, чьи дети занимаются в школе № 26, предупреждали на собрании о том, что в районе неблагополучная обстановка, показывали даже приблизительно составленную фотографию насильника. Но мы так и не знаем, пойман ли он? Ведь мы стараемся не выпускать ребят из дому вечером.

Александр БЕЛЕЦКИЙ.

Ответить на письмо нашего читателя мы попросили прокурора Киевского района, советника юстиции Валерия Григорьевича ИЩЕНКО:

— Действительно, преступник задержан. Ведётся следствие. Поэтому никаких подробностей пока сообщить не могу. После первого же преступления была создана специальная группа при райотделе милиции, но учитывая общественную значимость преступления, дело было взято в прокуратуру. При этом принималась во внимание сложность расследования. Поручено оно было старшему следователю Киевской прокуратуры О. Б. Пойзнеру, который с помощью сотрудников милиции, общественности и задержал преступника.

Район с почти 300-тысячным населением насторожился. Родители не работали, дожидаясь весь день детей возле школ. Активно работала и милиция, но случаи насилия продолжались. Продолжались до тех пор, пока не взялся за дело Пойзнер. В кратчайшее время насильник был не только задержан, но и понес справедливое наказание.

Олег Борисович Пойзнер родился в 1950 г. в обычной семье в Одессе на Молдаванке. Школу окончил с медалью. В 1968 г. поступил, а в 1974 г. окончил юридический факультет Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. После окончания университета занимал должности стажера, следователя районных прокуратур Одесской области, следователя и старшего следователя прокуратур районов Одессы, старшего следователя и следователя по особо важным делам прокуратуры Одессы, начальника следственного отдела прокуратуры Одессы, начальника следственного отдела прокуратуры Одесской области, замначальника и начальника следственного управления прокуратуры Одесской области.

Ему поручалось расследование наиболее сложных уголовных дел, в том числе хищений в особо крупных размерах, взяточни-

чества, умышленных убийств, изнасилований, особых случаев нарушения правил техники безопасности и др.

На его долю выпало расследование значительного количества умышленных убийств, совершенных в Одессе и Одесской области. И всегда он с успехом справлялся с их расследованием.

Дела, завершенные Олегом Борисовичем, на дополнительные расследования не направлялись, оправдательные приговоры не выносились.

Для возможности расследования преступлений в экономической сфере, не прибегая к помощи консультантов и советников, в 1994 г. окончил Одесский институт народного хозяйства.

Из служебных характеристик старшего советника юстиции О.Б. Пойзнера:

«…Зарекомендовал себя позитивно, высоко квалифицирован, теоретически хорошо подготовлен. Предан делу, обладает необходимыми организаторскими способностями. Ему присущи ответственность за порученное дело, принципиальность и настойчивость в решении служебных вопросов…»

«…В составе следственно-оперативных групп, которые он возглавлял, так и самостоятельно, расследовал особо сложные многоэпизодные уголовные дела по резонансным преступлениям – умышленным убийствам при отягчающих обстоятельствах, хищениям имущества в особо крупных размерах, взяткам должностных лиц…»

«…Работая на следственной работе, приобрел значительный опыт расследования уголовных дел по преступлениям различных категорий, особенно преступлений в сфере экономики»

«…Хорошие организаторские способности, высочайшая профессиональная подготовка, умение правильно сориентироваться в сложной обстановке и выбрать принципиальные направления позволяют ему должным образом организовать свою работу…»

В приказах и распоряжениях, касающихся О.Б. Пойзнера, то и дело наталкиваешься на формулировки:

«…за проявленный профессионализм…»;

«…за квалифицированные расследования уголовных дел и добросовестное отношение к исполнению служебного долга…»

Олег Борисович Пойзнер

«…за инициативу, оперативность и профессиональное мастерство…».

…Как-то в прокуратуру в качестве свидетелей по делу об убийстве были вызваны муж и жена – пожилые одесские евреи. Допросив их, Олег Борисович в шутку попрощался словами… на идиш. Старики онемели. Они и представить себе не могли, что в такой организации (!!!) еще могут работать евреи. Подталкивая мужа к выходу, жена проворчала: «Иди уже! Их здесь всему учат!». Так и не поверили…

Не верили и не верят многие.

Поощрения и награды не обошли его стороной.

За безупречную службу и примерное исполнение служебных обязанностей он неоднократно поощрялся Генеральными прокурорами СССР и Украины.

Награжден нагрудными знаками «Благодарность за безупречную службу в органах прокуратуры I степени», «Почетный работник прокуратуры Украины», «Ветеран прокуратуры Украины».

Он – кандидат юридических наук.

Указом Президента Украины № 894/2014 от 28.11.2014 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Украины». Эта награда получена лично из рук Президента Украины.

Олег Борисович освобожден от занимаемой должности 27.02.2015 г. по собственному желанию в связи с выходом на пенсию. По «Закону Украины про Прокуратуру» полномочия работника прокуратуры заканчиваются на следующий день после достижения им 65-летнего возраста.

День в день он прослужил в прокуратуре, на следственной работе, 40 лет и 6 месяцев (!). Таких примеров, наверное, больше

не найти ни в прокуратуре, ни в милиции, ни в судебных инстанциях. Не только в Украине…

Менялись генеральные прокуроры, их замы, прокуроры Одесской области и города, он же неизменно продолжал заниматься своим делом.

Сегодня более развернуто рассказать об участии Олега Борисовича Пойзнера в расследованиях различных уголовных дел время еще не пришло…

… Ушли годы, ушли люди.

Но жизнь не заканчивается.

Однако новых «сложных» имен и фамилий в правоохранительных органах не появляется. И, наверное, уже никогда не появится.

Осталось только помнить и запомнить.

Осталось только не забыть тех, кто «несмотря и вопреки всему» все же двигались вперед, оставаясь принципиальными и непреклонными.

Евреи не стояли в стороне, не ожидали, пока другие наведут порядок в стране. Они не прятались за чужие широкие спины. На видимых и невидимых участках этого фронта они были всегда одними из первых – и аналитики, и криминалисты, и оперативники-боевики, и даже постовые милиционеры.

Замолчать их не смогли…

Может, их было меньше, чем кому-то хотелось.

Может быть, в сравнении с другими они были не так уже заметны. Но ведь и по отношению ко всему населению их тоже не густо. Особенно теперь…

На гражданке под любыми предлогами в правоохранительные органы не брали даже военных следователей и военных прокуроров из евреев, опытнейших специалистов, отслуживших свое в армии. Не брали, пренебрежительно называя таких: «Эти скрипачи…».

«Этим скрипачам» активно не давали получать юридическое образование. Их пытались и близко не подпустить к юриспруденции. Ну а тем, которые все-таки пробились, государство строго указывало, куда двигаться дальше. А дальше – только в адвокатуру,

в юридический консалтинг, в педагогику, реже – в науку. Только не туда, где должно говорить от имени государства.

В правоохранительные органы просочились единицы, но эти единицы зачастую стоили десятков других. Таковы реалии…

Эти единицы и запомнились делами своими, безупречным отношением к служебному долгу, самоотверженностью и высоким профессионализмом.

Обратной стороны этой медали не было.

Владимир Каткевич

Врачебная тайна судового доктора Сасского

Главы из романа

Владимир Каткевич – давний автор нашего альманаха, которого мы отличаем и за то, что он, увы, один из нынче не многих, продолжает морскую тематику и традицию в одесской литературе. Володя пишет о том, что знает и что его волнует. Если о далеком прошлом, то изучив историю предмета повествования, а если о вчерашнем или сегодняшнем, то наверняка пережил то, что сопутствует персонажам его книг. Каткевич – мореман: плавал на судах разного типа, класса и предназначения, причем ходил в «духах» – так называют тех, кто несет вахту в машине и редко показывается на палубах круизных лайнеров. Именно на одном из них и разворачиваются события романа. Он разноплановый и по сюжету, и по стилю, посвящен удивительной истории возникновения в СССР дальнего (даже кругосветного) круизного мореплавания, что было по тем послевоенным временам серьезным прорывом и страны, и ЧМП в мировую экономику, да и в политику.

Уверен, многие, даже осведомленные в морских делах читатели удивятся, узнав, что инициировала и пробила это не группа влиятельных членов Политбюро и не верхушка нашего пароходства, а уроженка Молдаванки французская подданная, человек удивительной и неоднозначной судьбы, выведенная в романе как Ирина Филипповна Гоппнер. Впрочем, эти ФИО не особенно отличаются от настоящих, как и у многих персонажей этой книги – членов экипажа круизного лайнера, среди которых был и автор повествования.

Феликс Кохрихт

Когда пароход благословляли в пробный круизный рейс к Вест-Индии, помполит Тупиков объявил на общем сборе экипажа:

– После Дакара лайнер идет столбить круизные линии в Вест-Индию, – Тупиков выдержал паузу, чтоб обомлели. – Будем шесть месяцев работать в Бермудском треугольнике: Барбадос, Гренада, Ямайка, Тринидад и Тобаго…

Линии там застолблены «Кунардами» лет сто пятьдесят назад, а мы все равно норовим столбить.

– …Наши бизнес-интересы неминуемо пересекутся с интересами западных компаний, – обреченно предупредил первый помощник.

То есть вернутся не все. Как с передовой.

Морской круизный бизнес в Отечестве – явление исключительно советское. С его бесспорными достижениями, размахом и странностями. Как известно, хозяева «карманных» пароходств Шая Капивницкий и Фальц-Фейн на Тринидад не замахивались.

Первой иностранной ласточкой, затеявшей круизный бизнес на «России», старой «Грузии» и некоторых других трофейных пассажирах-рысачках еще в начале 60-х, была выпестованная Изой Филимоновной Гоппнер парижская компания «Трансконт». По сути дела, с этой энергичной дамы начинался весь советский круизный бизнес, принимавший порой довольно затейливые формы.

Благословили вокруг Европы трофейный рысачок с советской элитой, Паустовскому почему-то достался 3-й класс, вплотную с машиной: вой, перестук, жарища, мазутом зашибает, ложечка в стакане дребезжит. Даешь духовку астматику!

Поскольку публика ехала состоятельная по совдеповским меркам: панификсовые шубы, велюровые шляпы, золотые коронки, на борт просочились гастролеры. Стармех Валерий Павлович Смирнов вспоминает, что, получив ориентировку, плавающий милиционер Олейник (из китобойных раздельщиков) вызывал

по трансляции гастролера в каюту № … (номера менялись) «для вручения выигрыша в судовой лотерее», потом опрокидывал гранчак водки, снимал табельный «ТТ» с предохранителя и накрывал фуражкой… Вот в какое лихое времечко оседлала рынок советского круизного бизнеса «Трансконт»!

Решающая доля активов «Трансконта» принадлежала компартии Франции. Морис Торез на советских судах тогда зачастил в Ялту лечиться. Или отдыхать от партийных дел. Или младшенького сынка навестить, Пьер Торез учился в одесской мореходке. Специально для Тореза Хрущев распорядился организовать экспрессную Марсельскую линию на «Латвии».

Минуя начальника пароходства, Иза названивала в Кремль, выбивая для пароходов туалетную бумагу, которая была тогда диковинкой даже для членов Политбюро.

– Что мне, пассажирам на гвоздик в сортире «Правду» цеплять? – озадачивала Иза президиум Политбюро по вертушке.

Газеты на гвоздике были санитарной нормой, но всех переплюнули на Одесском судоремонтном заводе имени Андре Марти («ни заработать, ни уйти»), где на гвоздик простодушно нанизали годовую подшивку заводской многотиражки «Вперед» («газета «Вперед» годится только на зад»).

Изу вывезли из Одессы в Париж в младенческом возрасте. Она была комиссаром республиканцев в 36-м. В молодости Иза была хороша. Даже с тифозным «ежиком». Когда угодила в плен к франкистам, у деникинского офицера, воевавшего на стороне путчистов, были все основания потерять голову. Он и помог бежать. Беднягу расстреляли.

По Одессе пассионария с Молдаванки носилась, как ведьма, на кремовом «пежо». Говорили, что она выразительно материлась с гаишниками. Это преуменьшение. Изольда Филимоновна с ними дралась. Когда она карабкалась на мостик, капитаны, прошедшие войну и испанский плен в крепости Санта-Мария на Майорке, бледнели.

В тумане скрылась от меня Одесса,
Гляжу я вдаль без интереса…
Письмо матроса 2-го класса Р. К-го
в газету «Моряк». Архив А. Мусти

1.

Не всех больных война убила

Пусть от бурь в них темно, –
Доплывут все равно
Моряки, моряки, моряки-и-и…
И. Дунаевский. «Вольный ветер»

– Ы-ы-ы-ух, ку-у-рва! – с таким эмоциональным накалом Дите Войны в соседнем отсеке машины вымакивает лужицу масла под стабилизаторами качки. Более квалифицированную работу ему доверять просто опасно. Производственные проклятья сквозь кряхтенье для Каминского фоном, он перед сдачей вахты в смежном рефрижераторном отделении пишет в нужных строчках журнала: «Т/х «Петр Стаднюк» на переходе из п. Ресифи в п. Дакар… Вахта с 00 до 04».

– Опа-на, ы-ы-э, е…ать не хлебать!

Такие натужные звуки издают, когда корчуют подпиленный на тяп-ляп пень, подваживают бревно в сомнительную дыру, надрываются, выбиваются из сил, пень шевелится, но не лезет.

– У-у-ы-э, сучье вымя!

Остается еще убедительно пукнуть. Что, кстати, уже имело место. Кажется, за переборкой борются с взвывающим разъяренным драконом. Или с табуном чудовищ. Поединок сопровождает мессершмитный вой, зудит из умного ящика, где мозг английских успокоителей качки. Лайнер ломится сквозь шторм из Бразилии в Африку, вроде дорога наезженная, можно сказать, оживленный большак. Штурмана до рези в глазах вглядываются в мигающие звездочки на экранах локаторов, разминуться не просто, в сезон зимних норд-остов большак ухабист.

Выдвинутые из ниш в корпусе крылья-стабилизаторы должны чутко реагировать и гасить равномерную качку, бортовую и килевую, как заявлено в рекламных буклетах. Пароход для страховых агентств обещают держать на ровном киле. Чтобы у пассажиров не случилось бе-бе-бе. Но рекламщики лукавят. Крылышек только одна пара по носу, а на корме не установили, поэтому пароход беспощадно кивает валам. Во-первых, как принято в Отечестве, экономили на валюте. Во-вторых, пароход сработан на верфи в Висмаре (ГДР), не предназначенной для строительства судов седьмой группы. И потому из-за короткого стапеля лайнер получился куцым, но высоким. Чтобы диспропорция не колола глаза, капитан Рындин предложил выкрасить корпус в строгий черный цвет и провести по нему две желтые полосы. Пожилой чудаковатый капитан ночами лепил из папье-маше надстройку, по его рекомендациям немцы изменили конфигурацию мачты и трубы, силуэт уродца действительно стал стремительнее. Рындин малюет маслом наивные полотна: хищные стервятники с крестами бомбят пароходы: фонтаны воды, взрывы, из высоких макаронных труб валит черный дым – «портянки жгут», так детям не терпится вместить все в одну картинку. Развесил было батальные лубки в музыкальном салоне, но дирекция круизов и французская компания «Трансконт» в лице мадам Изольды Филимоновны Гоппнер категорически отказалась от военной темы: на борту как-никак иностранцы в ассортименте, и немцы в том числе. Не исключено, кто-то из пассажиров даже бомбил «Фабрициус» Рындина, а сам Рындин поливал стервятника из пулемета «мэдсон». Картины сбагрили в морской музей. Чтобы Рындин не обижался. Через сорок с лишним лет музей сгорит в ночь на страстную пятницу вместе с картинами, а маленький «Фабрициус» обуглится и из игрушечного парохода превратится в головешковое полено.

О Рындине даже тиснули статью в «Юности»: «Капитан, который нарисовал свой пароход». Романтично, но не профессионально. Нарисованный пароход угодил в эмблему пароходства, и его объявили флагманом взамен развенчанной, невыездной к тому времени трофейной «России» («Патрии»), у «Патрии» объявился заокеанский владелец или акционер. В судовой архитектуре уже господствовал кубизм, логотип устарел, подоопоздали, прогавили,

как всегда, но рындинский силуэт так и не исключили, возможно, руки не дошли, и он остался на воротах номинального пароходства, помещения которого раздали в аренду госфлотинспекции, регистру, редакции «Моряка», еще каким-то шарагам с морским фоном.

Качает по-взрослому. Значит, шторм зашкаливает за четыре градуса. Пассажирский пароход сидит не глубоко, всего до восьми метров, осадка несерьезная, потому его раскачивает беспощаднее, чем, скажем, супертанкеры. А у «Пети» еще и неоправданная парусность.

Тональность воя заостряется до писка, писк обрывается на высокой ноте, будто гироскопы поперхнулись. В звуковой паузе слышно, как шлепает под настилом волна стоков. Кажется, за испарителями кто-то бродит, какой-то квак. Один подверженный клаустофобии юный мотормен от одиночества и фантомных страхов покидал рефотделение и стремился в смежное дизельное к людям. Пока компрессор не развалился на куски. Каминский потом его ремонтировал. Перепуганного, конечно, списали.

– Как минимум должно было быть два трупа! – подытожит аварию на командирском совещании главный механик Мао.

Почему сразу два? Ведь на холодильной вахте один шульц, так в морской среде обозначают мотористов.

Каминский не чувствовал себя стесненно ни в лабиринтах парохода, ни в катакомбах, где приходилось горбатиться, ведь при росте 185 приходилось протирать своды штреков капюшоном штормовки. А чего бояться в подземных лабиринтах? Рядом жизнь, сливные трубы пронзили выработки, по трубам канализация из частного сектора простатитно журчит, крыски пищат. Тепло зимой и не жарко летом.

Производственное отшельничество во флоте Каминского устраивает, оно даже ему необходимо. В катакомбах нашел на стене с маркшейдерской меткой рисунок углем пузатого, бушпритного еще броненосца, уродливый симбиоз паровой мощи и парусной романтики. Может, какие-то беглые матросы с «Очакова» «пиляли» ракушняк-казанчик. Или отставной боцманат добывал известняк для хаты на Слободке. Там же в штреках, тесных, скособоченных, присыпанных желтой ракушечной пылью, тленом десятилетий, видел наскальную сцену спаривания отчаявшейся девицы с чертом. Копыта, рога, а все остальное вполне пропорционально, даже искусно.

Под рифлеными плитами настила перекатывается колпак от баллона. Лень искать. Как снялись из Бразилии, штывает без передышки, и он все тюкает. Пароход посередке Атлантики, в любую сторону чапать пять суток. А при свежей погоде, как сейчас, все шесть.

– Бля-я-а! А где же дружба моряков?

Укор уже в его адрес. Или хочет поболтать, или кувалдой-«понедельником» угодил по пальчику. Ручки у него из жо растут, обе левые. Но сильные. В промежутках между вахтами Дите тренирует молодежь, шутя, держит в своей лапище кожаный щиток, а желающие молотят по нему, выбиваясь из сил. Дитя – кандидат в мастера, если не врет, конечно. На пароходе зачастую береговые достижения преувеличивают. А если списываются, то на берегу тоже лапшу вешают на свободные уши. Экс-мотормен повышает себя до механика, да непременно второго.

– И-эх! Встретились мы в баре рэсторана… – поет. Его репертуар почему-то не мелодичен. В целом Дитя человек хоть и не рукастый, но неунывающий, позитивный.

Матюк, который стоит вахту перед Каминским, написал в журнале: «…из п. Рисифи в п. Дакар… вахта с 20 до 00…». Выразительным сержантским почерком, но с ошибкой, «Ресифи» через «и». Матюк служил три года в стратегических войсках, сгубил в сапогах ноги, запах от его носок убойный. Правда, старается стирать караси прямо на вахте, потом вялит на конденсаторе. После дембеля два года учился в ШМОне. Школу морского обучения, что на Таможенной, ШМО, с издевкой обозначают школой морских офицеров. Заставляют здоровых парней, которые уже начинают лысеть, ходить строем под пионерский барабан. Им стыдно, но что поделаешь? Потом, чтобы замолить военные допуски и получить визу, Матюк три года кочегарил на «Петре Великом», который ходил с постоянным старческим креном на правый борт. За границу попал только в 26. Они с Каминским ровесники, но ничего общего. Общее у Матюка с такими же экс-сержантами, их тут полпарохода, с ними он пьет шмурдяк. Каминский, кстати, тоже младший сержант, командир отделения бетонщиков, но с изъяном, у него высшее образование. Иногда Каминскому кажется, что Матюк хочет что-то сказать, открыться, но пока присматривается и откладывает откровения до более подходящего момента.

Каминский покидает стоячую конторку. Кажется, на пути из Ресифи в Дакар прервалась связь с «Сент-Экзюпери». В Ресифи возвращались к пароходу в волшебных розовых сумерках под заливистый пересвист волнистых попугаев, не какаду, а именно волнистых. В сумеречном безлюдье разлито ожидание встречи, это ожидание в глазах бразильских девчонок. Креолки или очень худые, или сдобные, склонные к полноте, третьего не дано. В птичьем магазине у клеток микрофоны, так что рулады с мостов слышно. Ресифи на островах, и все городские шумы замешаны еще и на умиротворенном ворковании океана. Не зря в существенном атрибуте морского фона в самом названии диковинных птиц присутствует слово «волна». Откуда волнистые говорливые? Один кричал: «Венсеремос!». Экспорт революции с помощью пернатых. Наши моряки меняют на Кубе одеколон «Кармен» на революционно ориентированных попугаев, а потом продают их в еврейских магазинах Торонто.

В порту на песчаном терриконе, как птицы, сидят разновозрастные молодые бродяги, «генералы песчаных карьеров».

Фильм в этот год вышел на экраны.

– Плакала Маша, как лес вырубали!

Тема корчевания пней в развитии. Угадывается связь между богатырской возней, натужными криками Дитяти и поведением парохода, лайнер явно взбрыкивает в унисон с судорожными действиям Дитяти. И крен на правый борт стал глубже. Значит, стабилизаторы уже не гасят его.

– Вован, рысачь сюда!

Дите Войны, как Лаокоон, переплетен липкими мохнатыми лианами. Атлант, который не просто подпер балкон, а норовит сбросить тяжесть и швырнуть, как Крючков посылает диван на проклятых французов в «Гусарской балладе». Дите вполне сформировавшийся атлант в расцвете дурных сил. Атлант в Атлантике. Атлантов никогда не ваяют юными и поджарыми. Дите 41-го года рождения, на пять лет старше Каминского. У Каминского не было такого калиброванного старшего товарища. Пропорционального и полноценного. Правда, исключительно внешне. Еще целеустремленного до ломовитости. Дите не одессит и не из морской династии. Приехал из Никополя, по лимиту,

мантулил в порту сцепщиком вагонов, до докера не опускался. Правда, недолго, пока не женился на дочери известного капитана. Для разгону. Ввиду полного отсутствия способностей к производным устроили лаборантом кафедры математики в мореходке. Бурсу осилил заочно. Измором. За семь лет. Дите никогда с Каминским не заносился и не примерял убедительный кулак к его лицу, как к другим, уважал. С таким приятно спуститься в престижный питейный полуподвал «Аист» на Садовой.

– Киса, два в одном! – заказывает Дите, и все понимают, что моряки. – Мы рассчитались…

Сдачу не ждет, хотя за время плавания по Крымско-Калымской поиздержался и пользовал в Сухуми «аптечку», пил залпом из фунфырика настойку календулы. У каждого поколения водоплавающих – свои приоритеты. Послевоенные каботажники по бедности травились кукурузной настойкой.

Однажды походы в «Аист», питейный подвальчик «Два Карла», что на углу Карла Маркса и Карла Либкнехта, закончились глубоко за полночь, когда троллейбусы не ходили. Дите остановил карету «скорой помощи». Прилег на носилки и заснул. Прибыли к капитанскому дому, где Дите жил с капитанской дочкой. Каминский с санитаром тащили носилки на третий этаж. Чешский портфель положили Дитяте на грудь, а сверху он по-покойницки переплел руки размером с лопаты. Носилки поставили на площадку и позвонили. Теща сначала увидела людей в белых халатах. А потом уже на полу тело. Ей стало хорошо, санитар развел в стакане порошок. Семейная жизнь Дитяти не сложилась, он развелся и ушел в море. Но визу почему-то не закрыли, может, протабанили. С тех пор каждый очередной круиз он воспринимал последним, но визу ему почему-то так и не закрывали.

Дите всучивает Каминскому промасленную волосню со шпуньками. Подержать. Вместе с лоскутной ветошью служба МТО, материально-технического обеспечения пароходства, присылает на пароход бороды ниток, отходы каких-то текстильно-прядильно-швейных производств. Дите Войны протирал трикотажной лианой вращающийся вал успокоителей и, естественно, намотал мохнатость. Пробует отверткой срезать кокон на ходу, пучок становится больше и туже. Тогда тянут вдвоем, Каминский понимает,

что хлипкий вал они просто вырвут с мясом. Или погнут. Или уже Дите его изуродовал. Каминский пробегает глазами инструкцию в рамочке на английском и ставит штекер в положение «реверс».

– Ты что, белого хлеба обожрался? – Дите отталкивает его от дорогостоящей аглицкой техники, но поздно.

Послушное устройство неумолимо начинает вращаться в обратную сторону… И нитяную бороду стягивают с вала. Вахте категорически прохибитид экспериментировать с мудреными заморскими цацками, которыми оснастили пароход год назад в Ливерпуле на верфи «Кунард». «Кунард» была оператором «Титаника».

Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье к далеким берегам.
Плывут они в Бразилию, Бразилию, Бразилию…

Он видел четыре порта Бразилии: Сантос – родину Пеле, Сальвадор – старинную столицу колониальной еще Бразилии, был на карнавале в Рио, на стадионе Маракана, где памятник в честь пережитого триумфа, капитан сборной Роландо стоит на громадном каменном мяче. Или глобусе. Фигуру сгоряча принимают за Пеле. На карнавале в Рио даже танцевал в колонне с какой-то школой самбы. И поцеловал смуглявенькую. И она была не против. Было! И Ресифи, конечно.

Но не сейчас, по крайней мере. Даже Ресифи. Пусть воспоминания и впечатления отфильтруются, муть осядет. Вот когда Сантос попадет в полюс недоступности, а это неминуемо, он снова станет желанным и привлекательным.

– Хорошо, что ты язык знаешь, – Дите моментально успокаивается. – Как ты думаешь, меня выгонят? – умиротворенно, даже деловито, без отчаяния и поз.

– Думаю, да.

Из дизельного в отсек проникает второй механик Бабуин реликтового возраста, возмущенно вырывает у Дитя отвертку и рывком злобно опускает рубильник. Успокоители успокоились, пароход валяет глубже. Апофеоз. Принц Драже танцует па-де-де!

– Принеси тестер! – бросает Бабуин старшему мотормену Жиже. – Что ты ковыляешь, как раненный бабуин?

– Конец цитаты, – злобно цедит Жижа.

Жижа не такой старый, но изношенный, у него язва желудка.

Дежурной хохмой Бабуин, наверное, злоупотребляет на судах лет тридцать пять. С парамарибных времен.

Парамарибо, Парамарибо – город утренней зари…
Парамарибо, Парамарибо, – матрос матросу, улыбаясь, говорит…
Идет советский пароход к берегам Гвианы!

– Да, не всех больных войной убило! – язвит в адрес Дитяти Бабуин. Дитя в этот момент на морских горизонтах не просматривается, иначе бы и Бабуину досталось.

– Дедушку свистнули? – напоминает с электрощита третий электромеханик Николайчик, страхует жо. – Вражий голос передал, с «Менделеева» лаборант нарезал, попросил убежища. В Кюрасао или Мартинике…

– Будет в рыгаловках посуду мыть, – реагирует Бабуин, как учили.

Все-таки он ископаемый, но сейчас не до перебежчиков, и новость не мусолят.

Включать и выключать чуткие заморские успокоители имеет право только главный механик Мао. По международной классификации Мао чиф-инженер, но в действительности он не является даже рядовым инженером. Бабуин старинный корефан Мао, оба из кочегаров, курсовики без верхнего образования, когда-то закончили годичные курсы механиков при пароходстве.

Наперебой начинают трезвонить: с моста, ходового мостика, старпом Ложный-Сложный доводит до сведения машины неудовольствие капитана Рындина. Рындин из-за контузии у мыса Утриш (смотри авторские батальные полотна) приседает на уши. Потом звонит сервизница, у нее сервизы кокнулись, потом, зевая, сонная мяфа из пассажирской службы, потом начальник стаффа.

На девятом поверху, где обитает старший комсостав, Мао почувствовал, что валяет размашистее, и сам позвонил в машину,

матерые механики даже во сне или в состоянии опьянения прислушиваются к тональности шумов двигателей. Оттого и становятся чайками в пятьдесят пять. Бывает прямо в рейсе. Говорят, собаки за несколько минут до землетрясения начинают гавкать. Особо чуткие механики за несколько часов или даже суток (!) предчувствуют аварию. Некоторые, уставшие от предчувствий, никак не реагируют.

Мао пришлепал в шортах, нелепых белых гетрах с помпонами и белых тряпочных тапочках. В таких шлепках любят шлепать в деревне, чтобы дать отдых ногам после одеревеневших кирзачей. На одном колене Мао наколот Сталин, тоже почему-то с раскосыми глазами, как на китайских марках, на другом Ленин, вождя не видно из-за жгута крупной вязки от расширения вен и артрита. По причине деформации коленного сустава главный и прихрамывает. Как пожилой бабуин. Говорят, глаза у самого главного механика тоже слегка раскосые. При пристальном изучении в течение четырнадцати месяцев Каминский азиатского следа не обнаруживает, может, дед примелькался. Так при ежедневной мельтешне привыкают к странностям или психическим отклонениям.

6.

Пассионария с Молдаванки

Поднимая вонь и срань,
Появилась «Березань».
Из сокровенного

Мао снял Дитятю с вахты.

Новый начальник Дитяти системный механик Кудрик был самобытным тружеником, схемами и чертежами не пользовался вообще, держал их в голове, начальство в свои трудности не посвящал, до трудовой жертвенности, как Леха Все Плохо, никогда не опускался, и техническое руководство его самодостаточность ценило. Он носил берет до бровей внатяжку, никто не знал, есть ли у старшего ассенизатора волосы вообще, и какого цвета

их остатки. Будучи офицером, Кудрик крайне редко посещал кают-компанию, от публичных сборищ отлынивал. Исключением были командирские совещания, на которые Кудрик надевал погоны и парадный берет. Публичности Кудрик избегал не без оснований.

Среди людей, которые всех развеселили на последнем командирском, оказался Мао.

– Я не позволю тебе, Кудрик, причинять пассажирам вонь! – самобытно выразился Мао.

– Поднимая вонь и срань, появилась «Березань», – мечтательно продекламировал Николайчик.

Народ соскучился по родине. «Березань» – реликтовый буксир Одесского порта, который при кантовке, тыкаясь грязными крацами-скатами в белоснежные корпуса «рысачков-пассажиров», оставлял грязные печати с клеймом Белорусского автомобильного завода.

Вонь же ассенизаторная команда причинила на палубе «Орион», где каютное биде использовали не по назначению и затамповали памперсами. Кудрик подтянул к биде пожарный гидрант, укрепил его тряпками, щедро дал давление, все содержимое дамской вазы разлетелось веером по каюте и налипло к подволоку.

Кудрик не оправдывался, а, как обычно, молчал. Многие на пароходе, даже машинисты, вообще не слышали никогда его голоса. Получив в лице Дитяти новую головную боль, Кудрик из мудреного набора инструментов в виде «ежей», ершей, мотка проволоки-катанки для прочистки фекальных труб и клещей-«жабок» доверил новичку не созидательные функции, а исключительно разрушительные. И то с опаской. Дитяте выдали лом, кувалду-«понедельник» и благословили с глаз вон на палубу «Нептуна», где затеяли масштабную реконструкцию силами экипажа. Саморемонт на судах поощрялся руководством пароходства и провозглашен был одним из починов сухогруза «Славута», который газета «Моряк» по недосмотру корректора окрестила «Сволотой». Другим тиражируемым почином стал откорм объедками поросят на борту теплохода «Металлург Васечкин». В конце рейса боровов с оркестром определяли в подсобное пароходское хозяйство в селе Благое-

во. А вот во внедрении самореконструкции «Стаднюк» стал первопроходцем с легкой руки помполита Тупикова, никогда не опускавшего с оттяжкой «понедельник».

Крушить надстройку Дитятя, разумеется, начал с бара, алкогольный форпост так и не вывели из эксплуатации. В баре крутилась Изольда Филимоновна Гоппнер, как-никак работодатель, человек влиятельный, и его это не смутило.

– Бригитта Шлютке? – переспросил бармен Барский (!) туристку, возможно, отпускал ей что-то на запись, как широко принято в отечественных «рыгаловках».

– Гребите в шлюпке! – пробурчал Дитятя и воткнул лом в калорифер. Кудрик поручил ему выкорчевать отопительный агрегат. Но демонтировать можно по-разному. Можно аккуратно, а можно варварски с последствиями. Аварийно. Аварии чаще случаются с атлантами.

Гоппнерша вытряхнула из надорванной пачки папиросу, лихо закурила, чтоб насладиться зрелищем разрушения. Дитятя почувствовал убойный запах ленинградского «Беломора» фабрики Урицкого, который курят на китобойной флотилии «Слава», отпустил лом и сел. Изе на хвост.

– Изольда Филимоновна, не угостите?

От Дитяти повanивало, до этого он прочищал с Кудриком канализацию.

– Свистнешь в хрен! Запоешь соловьем! – Иза измерила наглеца взглядом, однако бросила ему пачку, не попросив возвратить.

Иза составляла списки членов экипажа, которым в Дакаре под конец круиза грозил презент. В список попала прислуга, работающая по верхам, массажист, мозолист, портной, почему-то шифровальщик, а также команды мотоботов, возивших пассажиров на рейдовых стоянках, и матросы, переносившие багаж пассажиров, когда портовые несуны ушли в отказ ввиду страйка.

– Только «левых» людей не дописывайте, я вас всех знаю в лицо! – предупредила Гоппнерша.

– Я не левый, – нашелся Дитятя, – включите меня.

– Ты кто?

– Системный слесарь.

– Фамилия?

– Гавриш.

– Ты еврей?

– По маме, – соврал Дитятя и ополчился на бармена: – Барский, вы еврей? А почему у вас производственная фамилия?

– То есть…

– Кузнец Кузнецов кует монету. Много наковал? Пора уже тебя, бармен Барский, списывать. Тем более что ты не еврей.

Так Дитятя стал единственным системный слесарюгой, претендовавшим на презент, даже Кудрика не поощрили. Дитятя на радостях рванул лом, переборка затрещала, обнажилась решетка из простодушной дранки, как в деревне, и публика кинулась спасаться на палубу. На месте осталась только Иза, привыкшая еще с Испании к шанцевому инструменту и военным действиям.

Когда пыль улеглась, атлант крикнул:

– Блядь! Ведро!

– Вика, ведро! – продублировал Барский.

Принесли шутовское коническое ведро, которое не украдут, и на палубу его не поставишь, его только можно вонзить в дыру (господа гусары молчат), скажем, в шпигат или в пасть унитаза. Но диковинное ведро уже было не нужно, ржавая вода вытекла на ковровое покрытие.

Пока бармен метался и сокрушался (он планировал умыкнуть ковролин для собственного бара на берегу), Дитятя успел заметить заховку под трубой, свернутую в трубочку ассигнацию. За эту стодолларовую бумажку Дитяте нужно было горбатиться в море четыре месяца. Он заслонил находку фигурой, незаметно выковырял из щели свободно конвертируемую валюту и спрятал в носке.

К Каминскому Дитятя пришел похвастаться добычей, тот лежал в изнеможении, не спал от утомления, шел второй или третий день Ивана Денисовича.

Дитятя снял мокрый носок, и в каюте стало трудно дышать. Он раскрутил трубочку, и половинка стодолларовой бумажки рассыпались в прах. На Дитятю было жалко смотреть.

– Не переживай, – пытался неубедительно утешить его Каминский. – Что деньги для моряка? Пыль.

– Пересохла за батареей, – поставил диагноз Дитятя. – Может, Шиманский, предшественник Барского, спрятал, а его в Союз турнули.

– Тем более. Его списали с подозрением на сифилис, так что бумага пересохла вместе с бактериями. Но все равно вымой руки.

– А может, и не сифилис. Они хоть и стукачи, но им все равно через год закрывают светофоры. Автоматом. Чтоб не зарывались. А представляешь, сколько левых марок в комбинезоне у Кудрика? Он на самые выгодные вызова сам ходит, никого не допускает.

– Еще кораллы сдает в комиссионку в Ялте.

– На подставки для кораллов, курва, всю бакелизированную фанеру извел.

– А вообще, ты как кандидат в кандидаты партии Сталина должен мантулить за идею.

– Но пока я – народ, а народ и партия – едины. Ничего, скоро в Дакаре круиз закончится, и мы свое наверстаем.

– Кораллы умыкнешь?

– Я сейчас работаю по верхам, то есть в статусе прислуги, и потому мне в Дакаре выдадут бонус. Как думаешь, Гоппнерша не кинет?

– Думаю, что нет, меня в Норвегии не кинула.

В июле, когда Дитя был в отпуске, «Стаднюк», приняв в Гавре французских туристов, отправился в заполярный круиз под флагом «Трансконта».

По прибытии в тупик Главного фьорда Норвегии стали на якоря. Пассажиров доставляли на берег мотоботами и везли дальше автобусами по тундре 5 километров к символической северной точке Европы мысу Норд-Кап – кульминации месячного путешествия.

Команды мотоботов ждали возвращения французов на берегу. У дощатого причала рядом с оленем скучал самоед в кухлянке, украшенной орнаментом и побрякушками. И икал. Было заманчиво сфотографироваться рядом с норвежским саами, и Каминский предложил жителю Севера пачку болгарского «Опала». Сигареты самоеда не вдохновили, он хотел накатить стопарик. Из подъехавшего катера выпрыгнула Иза и, сразу взяв ситуацию за рога:

– Его участие в экскурсии вместе с оленем оплачено фирмой, – предупредила. – Так что фотографируйтесь.

Цивилизованный самоед послал Изу по-саамски. Быть бы драке, но подкатил двухъярусный автобус, и Иза полезла в него вместе с французами.

– Если хотите на Норд-Кап, то вперед! – распорядилась.

Каминский с мотористом Жижей безоглядно присоединились.

– За перевозку пассажиров команды мотоботов получат отдельный презент, – пообещала Иза.

Им налили в серебряные стопки. Когда Жижа стал трезветь, то забеспокоился, пора было заступать на вахту, а они продолжали околачиваться в домике на высоком обрыве Северного моря, где французы томились в очереди за марками со спецгашением.

Командам мотоботов, как и обещала Иза, выдали фирменную сумку «Трансконта».

И на подходе к Дакару осчастливили такой же торбой, похожей на переметную суму. Перед этим Мао провел работу с отличившимися.

– В сумке журнал мод «Неккерманн» и конверт, – предупредил. – Конверт отнесете помполиту. Валюта будет истрачена на улучшение рациона питания экипажа.

В конверте Дитятя накопал 150 долларов. Сотенную купюру надежно спрятал в машинном отделении. Сначала оставил в конверте 50 зеленых. Но потом Дитятю одолела жадность, и он заменил их пересохшим клочком. Тупиков раскрыл конверт, копнул, выудил фрагмент пересохшей банкноты и побледнел.

Дитятя простодушно заглянул через плечо помполита в конверт и возмутился:

– И здесь накололи!

Проделка Дитяти была похожа на кураж. Так изголяются воры-домушники, которые после ограбления квартиры норовят напоследок нагадить на ковре в гостиной. Ждали Голгофы. Дитятя же не предавался отчаянию, тень вины в этом случае неминуемо накрыла бы Изу, и эта его дерзость еще больше пугала старший комсостав, от него шарахались.

Между тем Дитятя продолжал набирать жменями штрафные очки. Слесари-ассенизаторы поздно вечером за рюмкой чая мусо-

лили извечные моряцкие темы, их всего шесть: кто хороший специалист, как грамотно отовариться и куда заховать излишки, еще о бабах, разумеется, о стукачах, как грамотно осесть на берегу и что такое брокер. Массивная железная дверь мастерской была закрыта изнутри на засов, но Дитятя услышал дыхание. Он прижал указательный палец к губам и честно врезал кувалдой-понедельником по железной двери. Дверь перекосило, ее сразу распахнуть не удалось. Снаружи лежало тело в форме. Оказалось, пожарный матрос, которому положено ходить по пароходу в поисках дыма, прижался щекой к двери, чтобы лучше слышать. Хотели освежить водой, но стукач, немолодой отставной офицер КГБ, оправился от контузии, вскочил и убежал. Как заяц. Историю с кувалдометром замолчали.

Об экспроприации, естественно, кто-то пожаловался Изе, потому что пароход – это впечатлительная деревня. И про тлен в конверте наверняка донесли. Случилась сцена, как в третьем акте, где бывшая комиссарша, увы, не эскадры, прошлась в адрес министра морского флота СССР товарища Тимофея Гуженко, начальника пассажирской службы ЧМП товарища Петухова и президиума Политбюро.

– Теперь тебе не видать кандидатской в партию Ленина-Сталина, как ученику радиста Лютому своих отрезанных пальцев, – сказал Каминский.

Пальцы Лютый, тогда матрос, потерял, когда во время учебной тревоги по сигналу с мостика закрывали клинкетные двери в водонепроницаемых переборках. Как он засунул клешню в гильотину – загадка. Увечного пожалели и оставили формально учеником радиста, он разносил радиограммы по каютам.

– Твой пессимизм исторически не обоснован, – возразил Дитятя. – Товарищ Сталин тоже ведь злоупотреблял экспроприацией, где и повредил клешню.

Какой-то валютной кармой Дитятя безусловно был отмечен. Через четыре года Дитятя будет лететь в Саутхемптон на приемку нового парохода и в Ленинграде потеряет сумочку-«педерасточку» с зарплатой в паундах для 85-ти морских душ, целой приемной команды. Но об этом ниже.

В Дакаре перекрыли шлагбаумом зловонный канал, и Каминский с Дитятей и Сергеем Сергеевичем Степановым, писателем,

пребывающем в творческом плавании, ждали на жаре, когда поднимут шлагбаум.

К берегу канала подъехал кремовый «пежо». Из него выскочила Гоппнерша и закричала долговязому негру-машинисту в галапии:

– Почему мост подняли на десять минут раньше? Я подам на вас в суд!

Разводчик мостов попросил на приличном французском отъехать от шлагбаума, машина мешала.

– А, иди в жопу! – пожелала мадам Гоппнер с расстановкой на манер Раневской. Каминскому показалось, что тень смущения пробежала по ее подвижному лицу, правда, только тень, все-таки писатель Степанов стал очевидцем конфликта, ровесник, фронтовик, лауреат, мужчина, в конце концов. Разумеется, она знала, кто такой Степанов и по чьей протекции он поощрен творческой командировкой в Бермудский треугольник, она обязана это знать как представитель фрахтователя. Получалось, что за него хлопотало первое лицо государства. Но только тень пробежала по лицу Изы. Она плюнула в канал, нажала на стартер… и заметила Дитятю.

– Так это ты шматок обгоревшей американской банкноты в конверт запхал? – спросила она и… расхохоталась. – Молодец! Хрен им на могилу, дармоедам! Пусть товарищ писатель извинит нас за грубость мысли. Если прессовать начнут – сразу ко мне!

– Понял! – нашелся Дитятя.

Прошло много лет. Ложный-Сложный, теперь уже капитан «Аджарии», стоявшей на Марсельской линии, был поощрен поездкой из Марселя в Париж. Вместе с особистом и старшим пассажирским помощником. Гоппнерша со вторым секретарем компартии Франции ждали их в тротуарном ресторанчике. Деликатесные устрицы у морских скитальцев вызвали замешательство.

– Что вы пялитесь на ракушки? – пришла на помощь Иза. – Берете эти пассатижи и разчиняете створки.

Она раскрыла для гостя створки специальными щипцами и закурила ленинградский «Беломор».

– Головотяпые, кич и эксцентричность! – негромко резюмировал особист.

Изольда прожила долго и нервно и покинула этот мир совсем недавно, чуть не дотянув до столетнего юбилея.

Бизнес «Трансконта» унаследовала племянница. Однако в связи с известными обстоятельствами мы перестали быть диковинкой, западный турист потерял интерес к деревянному, но сердечному советскому сервису, да и сам клиент уже не такой любознательный и сентиментальный. Полную загрузку дают трехдневные рейсы в никуда, без заходов, когда в океане работает судовое казино, запрещенное на берегу. «Трансконт», по морским слухам, перепродали в Португалию.

Владимир Тайх

Проклятие

Я ненавижу дирижеров.

Я завидую им черной завистью.

Я сам дирижер.

Я завидую им потому, что я не дирижер. Хотя я дирижер!

Моя зависть более похожа на белую. Она легка, как белое облачко. Это даже не зависть, а недоумение. Быть может, ревность. Скорее досада. В такие минуты я изображаю «недоумение»: я поджимаю губы, поднимаю плечи, развожу руки. «Почему? Why? Warum?» Думаю, думаю… Хорошо, что никто не видит сейчас моего лица. Думаю еще и прихожу в состояние покоя и удовлетворения, затем какого-то облегчения, даже радости. «Хорошо, как хорошо! – говорю я себе с закрытыми глазами. – Sehr gut» (мне зэр гут, дорогие господа!).

А им? Перед лицом полсотни суетящихся – скрипки, флейты, валторны, тромбоны, гобои, эти дикие литавры и челеста. Ударные, духовые, медные, деревянные. А чего стоят струнные?! А контрабасы, виолончели, альты, арфы! И надо знать, где каждый, помнить, как настроен каждый, когда вступает и чем вступает. Старт хоть одного инструмента полсекундой раньше или полсекундой позже – катастрофа. Не концерта, всей жизни.

А за спиной? Тысяча замерших в ожидании наслаждения. Они не простят ни триумфа, ни поражения. Их две тысячи глаз заранее горят восторгом. Сегодня они, каждый из них, главный герой, главный судья, господь бог! Оркестр пусть играет, им заплачено, но только нам дано право выставить большой палец ногтем вверх или вниз. Мы должны получить дивиденды на свои рублики, доллары, шекели хотя бы один к пяти. Мы покупаем лучших музы-

кантов мира, чтобы поднять свой внутренний эгоцентрофактор, по горло, по макушку наполниться сознанием высшей полноценности, укрепляющей право на вежливое презрение.

Это было вчера, позавчера… Сегодня другой концерт и другая тысяча в зале, тысяча доброжелателей, тысяча врагов. Стоит только повернуться к ним спиной, и чувствуешь, как они сереют, темнеют и сливаются в одну большую вязкую массу. Она холодит мне спину, она дырявит взглядами мой затылок, плечи, фрак. Она неподвижна, бездыханна, безмолвна. Она дышит, шепчет, кашляет, прочищает горло. Ее запах может лишить меня чувств. Я хочу оглянуться. *Я хочу оглянуться*. Но нельзя.

И это все мне тому.

Хорошо, что не мне.

С молодых лет и до седин (а я разменял уже восьмой десяток) я болен, я ранен, я постоянно терзаем музыкой. Сколько раз бывало – вдруг – на улице, в сквере неожиданно цепенею от холода, возникшего меж лопаток, или от чего-то невообразимого в солнечном сплетении, а еще хуже – от тягучей, почти ревматической нудной боли в паху или ощущения, что попал в воздушную яму в самолете тех лет. Но я уже знаю, что это! Застываю, кручу головой, как локатором. Вот он. Сквозь уличные шумы, вскрики клаксонов, лязг тормозов из висящего на столбе репродуктора (когда-то были такие) 3-й концерт Рахманинова, или из чьего-то окна 40-я симфония Моцарта, рапсодия на тему Паганини! Я научился глушить в себе все постороннее и в полустолбняке наслаждаться, получая отчасти мазохистское удовольствие истязанием.

Родители не учили меня музыке, хотя я каждый день канючил, говорили, что спрашивали и в районных школах, и у Столярского, – «поздно!». «Война закончилась, когда тебе пошел десятый, потом, дай бог, какую-нибудь еду зацепить, Какая музыка?! Пианино? На какие шиши, и где его ставить? Ты бы лучше уроки готовил и меньше шлялся с дружками по Привозу. Надоело махорку вытряхивать из твоих карманов».

Мы жили тогда на Пролетарском бульваре, против стены военного госпиталя. Дом наш № 11-а, четырехэтажный, был несколько отдален от улицы квадратным двориком и пристроен к торцу почерневшего, какого-то странно неопрятного длинного дома № 11.

В нем было 4 или 5 парадных, во втором вход в женскую школу. Девочек, выходящих после уроков, по доброй традиции полагалось «врезать» снежком (зимой) или облить из раздутой водой соски. Это был наш двор, и это было наше право, незыблемое, как право суверена. Вдоль всего дома от улицы, по которой гремел, скрежетал, цокал педальным звонком один раз в час трамвай № 17 (Аркадия – Куликово поле), шла довольно широкая асфальтовая дорога, упирающаяся в глухую стену трехметрового забора войсковой части. Эта дорога и была нашим Двором. На ней мы играли в футбол, «штендер», салки, поздним вечером в казаки-разбойники, прятки. Здесь же запускали «катюши», жгли фигуры, сложенные из крупного пороха, а горящие пороховые трубочки, летящие, как ракеты, наши умельцы запускали в открытые форточки девичьих классов.

Против входа в школу располагалась наша гордость – полукруглая колоннада, в торцах которой на двух каменных постаментах лежали два роскошных льва. Под ними сидели, стояли, топтались торговки (школьный буфет) с фанерными лотками, висящими на шее с помощью веревочек. Торговали самодельными ирисками (главный товар), плоскими кусочками халвы и белой липкой косхалвы. Мороженое доставали длинными ложками из цилиндрических баков, погруженных в корзины со льдом, в жестяную изложницу, на дно которой укладывалась вафельная пластинка. Поверх мороженого клалась вторая вафля, и брикет выталкивался поршнем в руки вожделеющему покупателю. Особо ценный товар – петушки на палочках – они держали в широких нагрудных карманах. И были правы.

С торговками у нас были особые отношения. Мы их презирали, третировали и обирали. И не из корысти, а из врожденного чисто классового неприятия. Геройством (по современному пошлому выражению, «высшим пилотажем») считалось, стоя за спинами тесно обступивших в два, а то и в три ряда торговку девочек, мгновенно «усечь» возникший узкий промежуток между их бедрами и молниеносным выбросом ноги, не задев (не дай бог) ни одной покупательницы, подбить высоко в воздух фанерку с ирисками. Рев, крики. Ириски ловили, поднимали, сдували пыль. Сам же герой должен был скромно отступить на шаг и индифферентно, даже грустно наблюдать за происходящим.

Зимой (легкий поклон автора идеи читателю) за колоннадой скатывали снежный шар, как для снежной бабы, подавали на колоннаду, передавали метателю, оседлавшему льва, – тот прицельно сверху бросал его на лоток. Снежный шар катился по площадке весь в ирисках. Кто бросил? Ни на льве, ни на колоннаде ни души. Это (последнее) было моим далеко не последним изобретением. Я опускаю описание визга, криков и проклятий торговки, украшенных отдельными словами нормативной лексики, пробивавшимися сквозь непроходимые джунгли мата. Она бросалась на снег, собирая ириски и отталкивая руки и ноги ребят, которым доставалась добрая половина ее добра. Я был ловким и шустрым мальчишкой и дважды успешно выступил с этим удивительным номером.

Но случилось и третье мое выступление. Первый акт я провел безукоризненно, и снежный ком катился, облепленный ирисками, а ребятки с визгом и дикими криками бросились собирать добычу. Через полмгновения я уже не на льве и даже не сзади, а перед лицом торговки, притом позади ребят, ползающих по снегу. И тут я получил сполна и за все! Торговка не бросилась спасать свое добро, она стояла и смотрела на диких, жадных, толкающих друг друга, жрущих. Что было в глазах усталой женщины? Смертная тоска, мысли о своих голодных детях, горечь и обида? И я не поверил глазам и ушам своим. Ее взгляд остановился на мне. И я на всю жизнь запомнил ее голос, упавший уже будто из другого мира:

– Хорошо, хоть один человек есть среди нелюдей. Эти сейчас сжирают свою совесть.

Я долго совершенно испуганно смотрел на нее, так долго, что у меня свело скулы. «Не горюй, парень», – взгляд ее потеплел, и она ушла. Я пошел к морю и клялся себе «больше никогда, никогда, никогда», на этом моя способность формулировать истощалась, да этого и не надо было.

После этого я, постоянно мечтающий поесть, дома без ужина забился в свою лежанку в узкой прихожей под вешалкой, и тут меня прорвало – я рыдал, кусал губы, руки, говорил «идиот, сволочь, скотина», подвывал, скулил, боялся и хотел, чтобы услышала мамочка и пришла, и я бы ей покаялся, уткнувшись в коленки. Но она не услышала и не пришла. И слава богу.

С тех пор я честно покупал ириски – по 3 рубля маленькие, по 5 большие (да, да – так они стоили – не раки!), и помнил о той женщине. Ее звали Вера, Вера с Пироговской. Спасибо ей. Я зарекся обижать торговок, а главное – изобретать методы артистичного грабежа. Я дал себе слово. И слово это нарушил! А возможно, и нет. Будьте судьей, читатель.

Брат мой, учащийся ремесленного училища, принес мне два подшипника для самоката. Я зашел к дружку Юрику Напреенко похвастать, и зря! У него загорелись глаза, и он ни за что не хотел расставаться с ними, предлагал поменять на кучу всяких других железок. Однако неписаный кодекс Двора не допускал между нами ни купли-продажи, ни мены, и я, пожалев о своей глупости, подарил ему колеса, он, провожая, сунул мне маникюрные кусачки, их привез с войны его отец. Иду через двор, разглядываю – кусачки хромированные, блестят на солнце. Клянусь, я ничего не задумывал. Проходя сквозь толпу торговок и школьниц, увидел широкую спину самой голосистой и наглой огромной Риммы, предводительницы этой мафии. И как-то само собой я легким движением перекусил веревочку ее лотка и резко присел. Ребята ничего не знали, но были начеку. Гигантская Римма лишилась дара речи. Она оглянулась – никого. Мыча, взвизгивая, в какой-то неестественной заторможенной позе с руками в стороны она рухнула на колени, чтобы собрать то, что еще было возможно.

Мы пошли в малый двор, там ребята мне «выдали», то есть дали мою долю ирисок, восторгов, смеха. Я купался в волнах славы среди этих оболтусов, чудных друзей детства. Где они сейчас? Живы ли?

Я шел домой и думал. Зачем я это сделал? Что толкает взрослого десятилетнего человека на подобные выходки? Наверное, есть что-то сильнее меня. Да и нельзя артиста долго держать в узде, ему нужен воздух сцены, глаза зрителей и хоть неслышные, но аплодисменты.

На следующее утро слышу тяжелые шлепающие шаги на лестнице – и на наш четвертый этаж вползла Римма, пыхтя, хрипя и булькая. Остановилась перед дверью, из которой торчала моя невинная мордочка, и «О-оо-ооо-я-оо-зна-ю-это-ооо-ты. Счас… Счас…». Она отдышалась и неожиданно резко за шиворот выкинула меня на лестницу. Зашла в квартиру.

Родители на работе, дома дед с бабушкой и дядя, брат мамы, недавно демобилизованный, после госпиталя, красавец капитан-лейтенант в белом морском кителе при всех орденах, колодок он не носил. Думаю: «Ну все, теперь держись, получишь сполна от всех и по очереди».

Буквально через минуту дверь распахнулась, тучная Римма ловко выскочила и через две ступеньки помчалась вниз. Вдогонку мой дорогой дядя кричал, заикался, мычал. Общий смысл его речи: «Пошла ты, сволочь, спекулянтка, подлая сука и…» – ни одного слова непечатной лексики.

В тот день Римма собрала совет.

И с этого дня всем появившимся в прямой видимости от колоннады выдавали по ириске, отсутствующим передавали. Они нас знали всех в лицо и по имени.

Такой порядок просуществовал долго.

Итак, наша героическая идейная борьба за правое дело против мира чистогана, обмана и спекуляции превратилась в элементарный рэкет.

Но! Мы пионеры, дети рабочих!

И! Клич пионеров: «Всегда будь готов!».

* * *

В какой-то из благословенных дней отец пришел с работы с ящиком. Я подбежал во дворе: «Что это?» – «Музыка, ты же хотел».

«Музыка» оказалась радиоприемником «Рекорд», первым послевоенным с диапазоном коротких волн, таким сжатым, что на миллиметре шкалы было по пять-шесть станций. Станции эти говорили по-иностранному, мелодии дворовые спецы определили как турецкие. Сосед Юры самолетный радист Сергей Сергеевич приемник не одобрил, спросил: «Голос Америки хотите?». Я на всякий случай кивнул. По его рекомендации мы изготовили три антенны из провода, который смотали с огромной бесхозной катушки, прислоненной к забору киностудии. Накрутили две рамки на гвозди, вбитые в углы рам двух окон на смежных стенах, и одну – провод с чердака на балкон. Отводы с трех антенн сходились у тумбочки, где стоял «Рекорд». Приемник ожил, появился внятный уверенный прием на длинных

и средних волнах, короткие я слушал редко. Иногда, пробегая, видел отца с его другом Леонидом или Яшей, склонивших головы к бубнящему радио, слышал «как у вас хорошо ловит». Яша не раз расспрашивал о рамочных антеннах.

Мне нравился джаз поздними вечерами, но только как отдых после музыки. Совсем не признавались популярные «хороши весной в саду цветочки» и всякие «креолки» от Шульженко, и «если можешь, прости» Изабеллы Юрьевой. Не знаю, почему, но в двенадцатилетнем нежном возрасте я слушал часами, открыв рот, то, что впоследствии оказалось Бетховеном, Моцартом, Глинкой, Рахманиновым. То, что я называл *музыка*.

Через год я узнавал десятка два из шедевров мировой классики, больше, думаю, из так называемой популярной. А еще через два я уже многое помнил наизусть и мурлыкал себе под нос фрагменты из великих концертов, сонат, симфоний и опер. Попробуйте, дорогой читатель, мысленно пропеть 1-й клавирный концерт Чайковского. Чувствуете? Ваши руки, пальцы начинают бить, как по клавишам рояля. А если пятую симфонию Бетховена? Вы непроизвольно начинаете дирижировать. Все это при условии, что музыка захватила вас. А когда вы дирижируете, слушая радиоприемник или пластинку, музыка все больше и больше захватывает вас, и вы все больше и больше энергии и чувств вкладываете в движение рук и души. Вы движетесь навстречу, раскрываетесь музыке, а она все глубже, интенсивнее входит в вас, заполняя всего – сначала душу, затем голову, грудь. Эту музыку рождает не Голованов, не Файер, не Гаук, даже не Бетховен! Вы! Только вы источник, автор, создатель этого чуда, настоящей страсти, рождающей наивысшее наслаждение, катарсис.

Детский анекдот тех дней. Притча. Детки играют в школу, распределяют роли. Оля хорошо считает, решили – будет учительницей арифметики, Катя поет – будет учительницей пения, Женя только приехала из Крыма, отдыхала в Артеке, готовая географичка. А маленький Боря глупый, да и ничего, совсем ничего не умеет. Подумали. Будет директором. И становились неудавшиеся литераторы литературными критиками, плохие актеры – импресарио, бездарные журналисты, инженеры – большими начальниками, определявшими стратегию инженерной мысли.

Не знаю, были ли случаи, когда музыканты-неудачники становились дирижерами, но есть феноменальный пример, когда за дирижерский пульт встал человек, не только не играющий ни на одном инструменте, но и не знающий нот. Нет, это не Костя из «Веселых ребят», тот играл на рожке или свирели. Это я.

К двадцати годам я значительно расширил круг любимых произведений, многие помнил наизусть или почти наизусть, то есть мог дирижировать, вспоминая упущенные детали, когда звучала музыка. К этому времени я был обладателем неплохого проигрывателя и не менее двух сотен долгоиграющих пластинок-гигантов. Начинал чувствовать особенности исполнительской манеры, узнавал игру великих исполнителей, конечно же, и дирижеров. Я не пропускал интересных вечеров в филармонии, особенно концертов великих гастролеров. И все чаще и чаще, придя домой после концерта, ставил на проигрыватель ту же сонату Франка или третий концерт Рахманинова, бывало, даже в том же исполнении, и играл себе сам. Боже, совсем другая музыка, настоящее наслаждение, не прерываемое кашлем, локтями соседей, ужимками спины дирижера, бешеным паркинсоном смычков, цирковой эквилибристикой ударника, томными пассами арфистки. Я творю для себя, я щупаю каждый звук чувствительными подушечками пальцев, как щупают тончайший шелк, как слепые, а глаза мои часто прикрыты, ощупывают мраморные античные изваяния. Эта картина поразила меня в нью-йоркском Метрополитен-музее. Слепые стояли в очереди, работники музея подводили их по одному и клали их руки на амфоры, расписные древние вазы, небольшие скульптуры, барельефы. По совершенно непонятной причине многие, подходя к антикам, снимали темные очки, пугая зрячих посетителей пустыми глазницами или выразительными белыми бельмами, страшными, как в голливудских фильмах-ужасах. В глазах с интересом наблюдавших эту сцену посетителей стояли слезы. Они резко вздрагивали, когда резко, как от ожога, слепые отдергивали руки, натыкавшиеся на трещины, склейки и выбоины.

Шли годы, рос и мой репертуар. Процесс этот нескорый и нелегкий. Приобретя новую запись, слушаю многократно, иногда принуждая себя, пока не пойму, полюблю, как-то запомню, сделаю частью себя (эта последняя фаза внутренней работы

проявляется в непроизвольном звучании мелодии где-то в лобной части, прямо над глазами, причем начало и конец звучания не требуют моего участия).

Как вы успели понять, я наслаждался своей музыкой, однако временами стал чувствовать некий душевный дискомфорт, что-то смущало меня, какая-то легкая тучка заслоняла яркий свет, горящий в моем темени, иногда даже нарушая вожделенный музыкальный оргазм финала. Аутопсихоанализ с раскладыванием на чистом столе (мысленно, конечно) всех свитков на грани сознательного и бессознательного дал простейший и точный результат – меня смущает некий «нетрудовой доход», плагиат, что ли, а проще – хищение «интеллектуальной собственности».

Из своих невиртуальных коллег я знаю только великих. Только им доверяют оркестры, они гастролируют по миру, послушать их набиваются залы и стадионы, именно их приглашают на запись пластинок и компакт-дисков. Им не позавидуешь, живут в поездах и самолетах. Прибыв, бросают вещи в отель – и на репетиции, на бой со своими любимцами оркестрантами. Через несколько дней концерт, и опять самолет. А ведь когда-то нужно накапливать профессиональные интеллектуальные ценности, расти, так сказать, нужно обновлять репертуар, обновляться самому. Нужно быть на уровне конкурентоспособности.

И вот, потратив месяцы, а то и годы на создание своих программ, они демонстрируют гениальную музыку. Но! Великий Рахлин играет только как Натан Рахлин, Хайкин – только как Борис Хайкин, то же и у Орлова, Пазовского, Файера. Я же играю ту же гениальную музыку сегодня как Рахлин, завтра как Кондрашин или Светланов. Даже прощенный ныне бывший наци мне по плечу, стали появляться его записи. У меня не мокнет рубаха под фраком, не сбивается набок бабочка, я дирижирую в трусах летом или в спортивном костюме зимой. Если проголодаюсь, иду на кухню и обедаю или ужинаю, оркестр продолжает играть, я лишь легкими движениями левой руки поддерживаю его ритмы, одновременно и ритм своего жевания.

В конце восьмидесятых я познакомился с девушкой вдвое моложе меня, очень близкой мне по духу. Она привлекала беззаветной любовью к музыке и прекрасными формами. Поставив

ей на первоклассном сбалансированном проигрывателе любимую пятую симфонию Бетховена, я ждал, когда она вся растворится в божественных громах и молниях. После чего она не понимала, что с нее снимают одежду, ласкают… вообще ничего не чувствовала, кроме великой музыки. Изучив ее телодвижения, я отчетливо понял, дирижирует она телом! Мы с ней одной крови! Я открылся ей, единственной. Она была способной ученицей, и вскоре мы вдвоем дирижировали вторым концертом Паганини. Дорогой читатель, вы, конечно, видели дуэт и трио, даже квартет скрипок, фортепианный дуэт, да что перечислять зря! А это был первый и единственный пока в истории мирового искусства дуэт дирижеров. И какой дуэт! Попробовали бы фон Караян с Мелик-Пашаевым вместе поднять дирижерские палочки и помахать ими вдвоем перед оркестром. Вот была бы потеха! Мы же с блеском довели концерт до финала. И как Ева с Адамом, отведавшие от древа познания, вдруг увидели, что мы наги. Мы не бросились к своим одеждам, было бы это не оригинально, повторением общеизвестного. Проснулись блаженным утром. «Ну, как, Маргарита? Поверила, что я дирижер?» – «Поверила, милый. Только дирижер ты вторичный». Это мне что-то напомнило из недавно прочитанного. Нахмурил брови: «Это, как у Войновича, вторичный продукт?!». Но ведь это обидно и оскорбительно. Оторвав от сердца ее роскошные формы, я изгнал ее, и тем, сожалею, сломал ее судьбу. Она вышла замуж за молодого электромонтажника, в тот момент торговавшего привозными сигаретами и владевшего четырьмя киосками. Собрав значительный капитал, они купили усадьбу на Кипре, переехали туда, и там коллективно тоскуют по родине, купаясь в теплом море и колеся по острову на своем джипе в поисках развлечений.

Люди! Молодые, средних лет и более чем средних! Любящие музыку и жаждущие наслаждаться ею! Не слушайте снобов, занимающих первые ряды в большом зале консерватории. «Мы слушаем только «вживую». Нет в родном языке такого слова, это от безграмотности. А попробуйте по-моему, интерактивно! Закройте плотно двери комнаты, поставьте диск. Слушайте, двигайтесь, впускайте звуки в себя. Будьте сами этими звуками!

Пришло время, когда мне захотелось чего-то большего. Я дирижер! Мне нужен праздник!

Вот уже почти двадцать лет в моем шкафу висят всегда тщательно почищенные и отглаженные два черных фрака и две накрахмаленные белоснежные сорочки со стоячими воротниками и отогнутыми углами, к ним два галстука-бабочки. В нижнем отделении остроносые черные лаковые туфли, белые носки к ним. В правильности последнего я не уверен, но уже много лет все проходит на самом высоком уровне, без единого замечания о нарушении этикета.

За час до концерта горячий душ, пятнадцать минут отдыха. Никогда никакой еды, никакого кофе. Я медленно и тщательно одеваюсь перед большим трюмо, отключаю телефон и дверной звонок. Я знаю, что я буду играть в этот день, и приступаю к соответствующей рассадке оркестра. Конечно, я придерживаюсь принятых канонов, но иногда их приходится корректировать. Дирижерский пульт в центре на авансцене. Слева, ближе к рампе, первые скрипки, их восемь-десять, максимально я рассаживал одиннадцать, за ними вторые скрипки, их у меня пять-семь. За ними и левее неповоротливая челеста, если она нужна, а уж за нею ударные. Подбор ударных – это особая работа. Ударных несчетное количество. Не верите? Перечислить? Объем рассказа удвоится. Считайте: треугольник, бубен, тарелки, малый барабан, кастаньеты, бубенчики, трещотка, ветряная машина, хлопушки, бруски, наковальня, цепи, сирены, клаксоны… Вам мало? Пожалуйста: свистки, флексатон, ластра, маракасы, клавес, гуиро, бонги, гонги, тимбалес, том-томы. Вижу, хотите еще – большой барабан, тамтам, темпл-блоки, костур, ксилофон, вибрафон, антильские тарелочки, тубафон, колокольчики, колокола, маримбафон. Продолжить? Достаточно? Слава богу! Из этого огромного списка надо выбрать три-шесть, редко семь-восемь. Подбор ударных – это как соль и специи в роскошных яствах, это подбор аромата, некоего оберколорита, придающего основным звукам особый оттенок.

По мою правую руку располагаю виолончели, до пяти инструментов, за ними такое же количество альтов, правее только два-три контрабаса. Теперь самое время заняться духовыми. Три флейты в центре оркестра прижаты к ареалу вторых скрипок, из них одна флейта-пикколо, правее, между флейтами и альтами, –

гобои, их тоже три, хотя один может быть заменен на английский рожок. Некая киприотка поставила на мне клеймо «вторичный»! Да, я не смотрю в партитуру, не читаю ремарок композиторов, где авторы указуют, для каких инструментов написан тот или иной фрагмент. До всего дохожу сам, а это тройная трудность.

За флейтами – кларнеты, обычно три. И кто подскажет, ставить кларнет-пикколо второй или бас-кларнет? Ставить ли контрафагот к фаготам, правее кларнетов? А сколько раз нужно прослушать запись, чтобы понять, участвует ли туба, та, что правее фаготов?

Мы завершаем рассадку оркестра, любимый мною творческий акт. Я вижу лица всех оркестрантов, они рассаживаются, поправляют пюпитры, выкладывают из хозяйственных сумок потрепанные ноты, перешептываются. Осталось рассадить медь. Это просто. За кларнетами и фаготами – валторны, за ними слева трубы, справа тромбоны. На сегодня все. Ни арфы, ни рояля! Мои оркестранты инструменты не настраивают.

Я поднимаю обе руки, полсотни глаз смотрят в мои глаза, наступает тишина… я подвожу адаптер к началу записи, нажимаю микролифт и вскидываю символ моей власти – сандаловую дирижерскую палочку!

* * *

Упругие волны подхватывают меня, раскачивают, как раскачивают шаланду те, морские, я плыву, проваливаюсь в пропасть, взмываю в небо.

Я обожаю дирижеров!

Я им не завидую!

Я сам дирижер!

Германия

Элла Леус

Сто сорок справок

Рассказ-шутка с элементами черного юмора

Игорю Антоновичу Божко

Утром, как водится, затрезвонил мой подлый будильник. Противно так затрезвонил – явно чтобы разбудить. «Где я?» – промелькнуло в голове, все еще затуманенной сном.

Я спокойно стал ждать ответа на этот простой вопрос. Не дождался.

– Где я? – терпеливо повторил я, не торопясь окончательно просыпаться.

Ответа не последовало. Тогда я решил открыть глаза, а там видно будет. Глаза открывались сложно. Светобоязнь у меня, что ли, внезапно началась, или мой друг-враг будильник сбился со счета времени и зазвонил прямо среди ночи. Только глаза упрямо оставались закрытыми.

Махнуть на все рукой и продолжать дрыхнуть дальше? Но это в том случае, если я дома. Увы, мне никак не удавалось определить, где я.

Решение выплыло откуда-то из подсознания: «Нужно действовать методом исключения: исключить все иные варианты. Итак, я лежу. Это факт. Где обычно лежат, если не в собственной постели?».

На этот раз ответ последовал скоропостижно – разумеется, на больничной койке. Сердце похолодело всего лишь на мгновение: я быстро успокоился, не почувствовав никаких характерных больничных запахов типа лекарственного или хлорочного. И не услышав пиканий монитора сердечной деятельности. К тому же, у меня ничего не болело. Но все-таки хотелось быть уверенным на все сто процентов, что я не в больнице.

– Что поможет удостовериться в этом? – опять спросил я у самого себя.

– Пожалуй, справка с печатью, – подсказал мой внутренний голос.

А дадут ли мне в больнице справку в том, что я там не лежу? Пожалуй, дадут. Что же еще полезного могут в больнице сделать?

Выхода не было, подался я за справкой в больницу. Получать справки – для каждого совершеннолетнего гражданина дело знакомое, хотя и муторное. Зато от результата получаешь ни с чем не сравнимое чувство победы. Иногда большее, чем от золотой медали.

Справку в лечебном учреждении дали на удивление быстро. Правда, от такой поспешности осадочек неприятный остался. Вот ведь гады – отделаться от меня поскорей захотели. На что угодно готовы, лишь бы человеком не заниматься. А старшая медсестра, ведьма в халате, даже на меня не взглянула, словно я прозрачный. Пустила бумажный лист лететь по сквозняку коридора, а сама исчезла. Изловчившись, как вратарь, я справку поймал.

Бережно положив ее в кожаную папку, я снова задумался. «Где еще лежат?» – задал я себе отнюдь не риторический вопрос.

И сразу представил себе тюремную камеру с нарами.

– Нет, на нарах жестко, – резонно запротестовала моя сомневающаяся душа, а разум тут же потребовал документальных подтверждений.

В СИЗО справку выдали не так быстро, как в больнице. В отличие от коновалов, копы были, наверное, не прочь мною вплотную заняться. Я сильно рисковал. Справку могли не выдать по причине моего нахождения на этих самых жестких нарах! Я не мог сдержать нервную дрожь. Захотелось сбежать, но справка была необходима. Слава богу, прокатило – мне выдали документ. Унося ноги из угрюмого учреждения за колючей проволокой, я слышал тоскливые вздохи вертухая по улизнувшему клиенту.

Еще одна справка (красивая, на зеленоватом гербовом бланке) заняла свое законное место в папке.

Чувство покоя никак не желало возвращаться ко мне. Где же я все-таки лежу? Вспомнилось о морге. Бррр! Меня сковал холод, будто я и вправду окоченел на ледяном столе прозектора. Чтобы меня не заставили долго ждать в мертвецкой, я сунул степенному

красноносому санитару мелкую взятку. Никогда прежде я не получал желаемого с такой молниеносной скоростью. Кто-то мне уже говорил, что самое четкое место на земле – это морг. И люди там работают душевные. Наверное, оттого, что знают – все без исключения рано или поздно станут их пациентами.

В моей папке лежало уже три справки. Однако меня продолжали терзать смутные сомнения. Я гадал, сколько похожих справок мне придется добыть. Во мне проснулся бюрократ-коллекционер. Я боялся превратиться в неизлечимого справкомана. Разноцветные печати и размашистые подписи начальников непреодолимо влекли меня. Новая страсть пугала. Но я не из тех, кто останавливается на полпути.

Справка из морга ничто без справки с городского кладбища. Вот уж где пришлось попотеть. Кладбищенское начальство реагировало на внешние раздражители так вяло, словно было давно мертво, похоронено, эксгумировано и поставлено на должность, чтобы своим тупым бездействием охранять покой усопших от их чересчур живых родичей. На кладбище оказалось сто тридцать четыре участка и колумбарий.

Директор одарил меня долгим печальным взглядом мутных судачьих глаз и принялся методично выписывать 135 справок с поименным перечислением всех захороненных. Только теперь я понял, что такое сквозной метод исключения! Главное, мне и возразить было нечего – сам напросился и имел право только нервно барабанить пальцами по своей папке. Тем не менее тягомотный процесс привел к неожиданно хорошему результату. Примерно на сто тридцатой справке во мне созрела уверенность, что я лежу где угодно, но не на кладбище. Я был близок к экстазу.

Но это, поверьте, совсем не конец охоты за справками. Думаю, мои пререкания с жадной проводницей купейного вагона поезда «Черноморец» можно опустить. К моменту получения справки, в которой значилось, что я не лежу на верхней полке в храпящем и звенящем ложечками в стаканах купе, мои нервы закалились как сталь. И попытки проводницы отказать в моем законном требовании потерпели фиаско. Я торжествовал, умножив свое собрание справок.

Но оно было бы неполным без письменного свидетельства от спасателя коммунального пляжа «Аркадия» в том, что я не лежу

на топчане под желто-зеленым зонтом. Детина спасатель, нужно отдать ему должное, оформил документ так по-спортивному резво, что я даже не заметил, как очутился в дребезжащем стареньком трамвайчике с драгоценной папкой под мышкой.

Теперь мне оставалось лишь обзавестись справкой от бывшей любовницы с подтверждением, что я лежу не в ее порочной постели, где мог оказаться чисто гипотетически.

Неожиданно я нашел себя перед громадной облезлой дверью, показавшейся мне очень знакомой. Дверь открыла растрепанная толстая пенсионерка с аптечным флакончиком в руке. В нос ударил запах валерианы, а в голову – обрывки давних воспоминаний. Грязные обои с розовыми бабочками, громко капающий кран, пластмассовый рожок для обуви с головой Мефистофеля.

– Явился, не запылился, – буркнула пенсионерка и втащила меня за руку в коридор.

Так и есть: и бабочки, и кран, и Мефистофель – все на своих местах. Показалось, что ловушка захлопнулась, и мне никогда не выбраться из этого узкого душного коридора.

– Ты ли это, милая? – пробормотал я.

– Кого еще ты ожидал увидеть в этой дыре? Шерон Стоун? Это я здесь, вечно я и вечно одна. Заходи уж, раз приперся.

– Я, собственно, за справкой…

– А где цветы, тортик, бутылка? По дороге потерял?

– Потерял, – зачем-то соврал я.

– Серьезно? А подарок тоже потерял? За столько лет мог бы принести хоть что-нибудь ценное.

– За сколько лет?

– Тридцать один год и три месяца ты где-то шлялся, голубчик, – фальшиво захныкала она. А глаза ее загорелись прежним, хорошо мне знакомым огнем. – Подарка, значит, не будет? Ну да ладно. Всегда ты был жмотом.

– По поводу справки… – напомнил я робко.

– Какой справки?

– В том, что я не в твоей постели…

– О моей постели вспомнил? – закричала она, подбоченясь, как базарная торговка.

Ее похожие на сдобное тесто щеки затряслись.

– Пышечка моя! – попытался я подольститься.

– Снова ты за свое. Придумал невесть что, лишь бы попасть в мою постель на шару. Не выйдет! – толстый палец замаячил перед моим носом.

– Порадуй справочкой! – заскулил я.

– Неужели до такой степени захотелось? – опешила она. – В нашем-то возрасте? Да и худенький ты стал какой-то…

До меня дошло – жалеет.

– Все возрасты покорны… справкам, – сморозил я.

– Ладно, раздевайся, полезай под одеяло, у меня прохладно, того и гляди ревматизм подцепишь, – она казалась чуточку растерянной. – Тряхнем стариной, чтобы было что вспомнить, когда Безносая явится. Подружки не поверят! В мои годы и с моей комплекцией мужик случился! Еще и мой бывший! – она захохотала молодым заливистым смехом и, к моему ужасу, сама начала раздеваться.

Неимоверных усилий мне стоило уговорить ее надеть обратно фартук и отпустить меня восвояси. Справки, конечно, от престарелой гарпии я не добился. Но тут и без справки было ясно, насколько я далек от аморальных похождений юности. Друзья! Никогда не ищите встреч с забытыми пассиями! Это может быть опасней контакта с шаровой молнией!

Потом я, кажется, брел по слегка смоченной дождиком кривенькой улочке, размышлял о странностях судьбы и прижимал к груди папку, полную справок. Вопрос о том, где я лежу, как-то потускнел, что принесло мне несомненное облегчение. Я ощущал блаженную невесомость…

Как вы думаете, что произошло дальше? Не ломайте голову – затрезвонил будильник! Всегда ставлю на повторный контрольный звонок через десять минут. Подумать только – сто сорок справок за такой короткий срок! Вот на какие подвиги способен человек-сова ради дополнительных десяти минут сладкого утреннего сна!

Анатолий Горбатюк

Письмо из 43-го, или Хроники сестер Дорфман

Над моим столом висит несколько старых фотографий. Вот одна из них – 3 девчушки в одинаковых платьицах. На обороте бабушкиным четким почерком сделана надпись: «Полине 8 лет, Кате 7 лет, Лизе 6 лет». Получается, фотография сделана в 1909 году…

* * *

…На это письмо я наткнулся, разбирая мамины документы после ее кончины. Сначала меня поразил сам конверт, в котором письмо пролежало много лет. Склеенный из грубой серой бумаги, своим видом он вступал в явное противоречие с четким, очень красивым каллиграфическим почерком, которым был надписан. На обратной стороне конверта – штамп «Просмотрен Военной Цензурой», где каждое слово почему-то написано с заглавной буквы. Из Ворошиловоградской (уже давно – опять Луганской) области, только что освобожденной от немецко-фашистских оккупантов, в Петропавловск (Северный Казахстан), куда занесла нас шальная волна эвакуации, письмо, судя по почтовым штемпелям, пришло всего через 20 дней, что по нормам военного 1943-го года – достаточно быстро.

Автор письма – начальник почтового отделения поселка Брянский Рудник Григорий Митрофанович Бузак. Уделим несколько строк этому неведомому читателю географическому пункту, благо сейчас мы в состоянии это сделать.

…Целых четыре года поселок Брянский Рудник обладал одной (зато живой!) достопримечательностью – именно столько

времени в самом конце XIX века служил на руднике конторщиком известный писатель, драматург и сатирик Аркадий Тимофеевич Аверченко, умерший впоследствии в Праге совсем молодым в 1925 году, не дожив нескольких дней до собственного сорокапятилетия. Совершенно очевидно, знаменитому юмористу во время пребывания в поселке Брянский Рудник было совсем не до шуток, о чем свидетельствует его следующие воспоминания: «Это был самый грязный и глухой рудник в свете. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь в том, что осенью грязь была там выше колен, а в другое время – ниже. И все обитатели этого места пили, как сапожники, и я пил не хуже других… Когда правление рудников было переведено в Харьков, туда забрали и меня, и я ожил душой и окреп телом». Впрочем, история с письмом, которую мы хотим поведать, тоже далека от юмора.

…Адресованное моей маме тогда, более семидесяти лет назад, письмо написано на каком-то разграфленном бланке желтосерой бумаги тем же изысканным почерком, каким сегодня уже никто не обладает. Оно стоит того, чтобы привести его, – если не полностью, то хоть в сокращенном варианте:

«На Ваше письмо, адресованное Вами на Аптеку № 25, которая пока не существует, я нашел нужным Вам сообщить следующее. Ваша сестра, Полина Яковлевна Дорфман, в зиму 1942-1943 гг. проживала в здании Аптеки и умерла от холода и голода, похоронена возле Аптеки в погребе, где хранились медикаменты (подвал под сараем). В зиму голод и захватчики… (несколько слов неразборчиво. – **А. Г.**) хуже зверей, очень много в «Брянке» и вообще в Донбассе погибло людей… Полину Яковлевну «добрые люди» обокрали (почти все вещи), и она сильно нуждалась. Я ей помогал, пока была возможность, чем мог – и хлебом, и деньгами, а потом я сам ушел в деревню и там кое-как спасся от голодной смерти, а когда возвратился, ее уже не было в живых… История жизни на «Брянке» при этих зверях – страшная и жуткая, большинство людей разбежалось по селам, а над остальными творили произвол и издевательства полицаи под командой немцев…

Пока будьте здоровы, уважающий Вас Начальник почты «Брянский Рудник» Григорий Митрофанович Бузак»...

…Мамина сестра (моя тетя Полина, которую я, к сожалению, не помню) перед войной служила заведующей аптекой в шахтерском поселке Донбасса. По рассказам бабушки и мамы, была человеком добрым, очень любила детей, но своей семьи не имела. Когда началась война, она позвонила в Одессу и сказала, что будет эвакуироваться вместе с аптекой. Больше никаких контактов с ней не было…

Только в 1943 году на запрос моей мамы, сделанный на адрес аптеки поселка, пришел приведенный выше ответ. В 1945 году, когда война закончилась, в этом самом поселке Брянский Рудник побывал мой дядя, которому Григорий Митрофанович (автор письма) и другие местные жители рассказали, что произошло с его сестрой и моей тетей Полей…

…Эта местность дважды переходила от наших к фашистам и обратно. Перед тем как в первый раз спешно оставить поселок, председатель поселкового совета сказал заведующей аптекой: «Даю тебе, Полина, три часа на сборы. Возьми только самые главные лекарства, йод, бинты и вату. Я заеду в 5 часов». Ни в 5, ни в 6 часов председатель не появился (видимо, забыл в суматохе – столько дел в поселке, а все решает он), а в 8 часов на окраине появился первый отряд немецких мотоциклистов.

Заведующая аптекой быстренько перетаскала в глубокий подвал все, что собиралась увезти с собой, захватила имеющуюся скудную провизию и затаилась в погребе. Она слышала, как на следующий день в помещении аптеки загромыхали сапоги, как на немецком языке интересовались ее судьбой (немецкий она учила в гимназии), переводчик переводил, и сосед (она сразу узнала голос этого симпатичного русоволосого мужика) ответил: «Та втікла з ліками жидівка!»…

…Через неделю немцев выбили из поселка. Это было спасением, потому что продукты, как она их ни экономила, кончились еще позавчера, а последний глоток воды она выпила прошедшей ночью. Заведующая слышала взрывы и выстрелы совсем близко от своего убежища и очень боялась, так как всегда была страшной трусихой, но вскоре все стихло. Выбравшись осторожно из подвала, она увидела возле аптеки советских солдат, успокоилась и пошла искать начальство.

Какой-то усатый офицер ее рассеянно выслушал и сказал: «Того и гляди, поселок мы снова оставим. Никакого транспорта, тетка, я дать не могу – нужно раненых вывозить, поэтому бери ноги в руки и дуй отсюда подальше в тыл, тебе здесь оставаться никак нельзя». При этом офицер сделал ударение на слове «тебе». Заведующая аптекой неподдельно разволновалась, что-то говорила о хранимых ею лекарствах, а напоследок заявила, что она материально ответственная за них, и без этих лекарств никуда не уедет, на что усач только махнул рукой и очень понятно покрутил у виска указательным пальцем. Правда, в просьбе выделить немного продуктов не отказал, и заведующая поплелась в свою аптеку, неся в мешке несколько банок тушенки и две буханки хлеба…

На следующий день в поселок снова вошли фашисты. К заведующей местные жители относились очень тепло, помня ее доброту, особенно по отношению к детям, а потому не выдали, даже жалели, посчитав, что бедняжка тронулась умом: остаться на верную смерть из-за каких-то «зеленок и йодов». Только русоволосый сосед отобрал у нее все съестное и кое-что из вещей – совсем новое пальто, шерстяную вязанку, боты… Мелочь, в общем. Напрасно узнавший об этом начальник почты, который, хоть и не был ни коммунистом, ни евреем, чувствовал себя не очень уверенно, решил заступиться за аптекаршу. Русоволосый ничего той не вернул, а начальнику почты пригрозил огромным кулаком.

Какое-то время Григорий Митрофанович помогал заведующей, чем мог, а потом сам подался в бега – и от голода, и от угроз поступившего на работу в полицию ее симпатичного соседа. Как и сколько «охраняла» материальные аптечные ценности «божевільна» заведующая – никто сказать не смог.

Когда поселок был освобожден, в радостной суете о ней и не вспомнили сразу, а кинулись лишь приблизительно через месяц, по возвращении начальника почтового отделения. Вот тогда и нашли ее совершенно истлевшее тело, которое там же, в подвале, наспех и похоронили.

Созданная комиссия отметила, что все лекарства хорошо сохранились и точно соответствуют описи, оказавшейся при них. Они по акту были переданы новой заведующей. Через какое-то

время Полину Яковлевну Дорфман благодаря хлопотам Григория Митрофановича перезахоронили на кладбище за поселком.

Уже много лет Брянский Рудник, объединенный с одним или несколькими такими же поселками, носит гордое название Брянка и является городом областного значения Луганской области. На месте же давно канувшего в историческую бездну старого поселкового кладбища красуются величественные хрущевки. Вот такие дела…

* * *

Полина Яковлевна Дорфман, герой этого очерка, имела двух младших сестер-погодков: Августину (мою маму, которую в нашей семье называли Катей) и Елизавету.

Елизавета Яковлевна всегда жила с нами. Как и Полина, своей семьи она не имела и всю свою нерастраченную нежность отдавала мне и моей старшей сестре. Я так и называл ее всегда – «моя вторая мама», и настоящая мама никогда не обижалась.

Елизавета Яковлевна много десятков лет (и до войны, и после приезда из эвакуации) служила до выхода на пенсию в облисполкоме старшей машинисткой и отличалась безукоризненной грамотностью и сумасшедшей скоростью печатания. Сам товарищ Никифоров, долгие годы – председатель Одесского облисполкома, все свои доклады и письма «наверх» доверял печатать только ей, говоря своим подчиненным: «Если Елизавета печатала, то и проверять нет нужды».

Августина Яковлевна, моя мама, успела до Октябрьского переворота окончить по процентной норме* в неполных шестнадцать лет женскую гимназию Масловой и Градской, которая располагалась в сохранившемся до наших дней двухэтажном здании на углу улиц Маразлиевской и Успенской, да не просто окончить, а с золотой медалью. Во как! Между прочим, классной дамой в мамином классе была будущая замечательная украинская актриса Лидия Владимировна Мациевская, народная артистка УССР. Мама

* Процентная норма для поступления в учебные заведения в царской России официально существовала для евреев.

поддерживала с ней очень теплые отношения вплоть до смерти Лидии Владимировны, последовавшей в декабре 1955 года.

Окончив инженерно-строительный институт, она работала начальником проектной конторы Облдоротдела, приблизительно такую же должность занимала в Петропавловске и Кокчетаве (Северный Казахстан), где мы находились в эвакуации, а по возвращении в Одессу оказалась на своем рабочем месте. Тогда, как и до войны, проектная контора размещалась в одноэтажном здании на Канатной, где сейчас находится какой-то «крутой» банк, напротив знаменитой «Свердловки».

В середине 50-х, когда проектная контора была расформирована, мама перешла в Облпроект, где проработала главным инженером проекта до выхода на пенсию. Дважды награждалась знаком «Почетный дорожник СССР». Одной из ее последних работ был проект облагораживания склонов в районе Ланжерона со знаменитыми теперь двумя шарами при входе на пляж.

Тогда я позволил себе выразить недоумение по поводу появления этих шаров, на что моя мудрая мамочка сказала с улыбкой: «Может быть, я до этого не доживу, но ты, сынок, обязательно застанешь время, когда возле этих шаров будут назначать свидания».

Будучи на пляже и слыша объявления типа «Мама, потерявшая ребенка! Ваш Сема ждет вас возле «двух шаров», я всегда мысленно произношу: «Спасибо, мама!»…

Эти сестры-погодки всегда были вместе, обе ушли из жизни на 84-м году, обе – весной, обе – в ночь с пятницы на субботу…

Александр Топилов

Только гибель делает прекрасное еще более совершенным

На конкурсе «Одесса 56» для печати в альманахе мы отобрали этот рассказ Александра Топилова. У него два достоинства. Во-первых, он короткий. Во-вторых, как антиутопия он поучителен. Если мы и дальше будем бороться с памятью и памятниками, мы потеряем Одессу.

– Господа! Нам дали Дюка! Я прошу всех собраться и сосредоточиться, это очень важный проект для нашей компании… Да и, что там говорить – для всего города, пожалуй, да… – Артем гордо поправил идеально сидевшие очки, деланно поискал бутылку воды, взял ее, тут же поставил на место и в каком-то снисходительно-победном жесте слегка развел руками. – В общем, я поздравляю всех нас! И запомните, мы должны выдать свою лучшую работу!

Артем с ленивой элегантностью приподнялся и негромко и неспешно зааплодировал собственной речи, тут же снова с облегчением погрузившись в директорское кресло. На совещании присутствовал основной костяк его небольшого, но известного в городе рекламного агентства. Всего 5 человек. Включая его, Артема, директора компании. Так что никаких оваций он не сорвал, не было бури аплодисментов. Только арт-директор Костя и ведущий менеджер проектов Викуля лениво похлопали, но, быстро осознав неуместность, тут же и прекратили. Остальные участники совещания, Богдан и Сергей, посмотрели на них с циничным снисхождением.

– Мне не понравилась твоя речь, Артем, так что давай к делу. Тебе дали визуализацию? Мы увидим наконец этот ужас, о котором мы должны всем рассказать, насколько он чертовски хорош? – копирайтер Богдан был настроен, как всегда, предельно осуждающе.

Ему не нравилось. Ему все не нравилось. Ему не нравилась вся эта идея с Новым Дюком, ему не нравилось, что произошло со старым Дюком, ему не нравилась его профессия, его работа, его рекламное агентство. Директор Артем ему тоже не нравился. И тот метод, которым он получает все крутые заказы. Кстати, заказы эти Богдану не нравились еще больше. А их воплощение он, как правило, вообще считал абсолютным провалом. Но при этом Богдан был блестящим профессионалом, к тому же, его цинизм порой невольно помогал выйти из креативного тупика. Богдан знал Артема еще со студенческих времен, и он был прекрасно осведомлен о том, что их директор был одноклассником нынешнего вице-мэра Одессы, который сплавлял ему все крупные рекламные кампании города. Разумеется, Богдану это очень не нравилось. Он справедливо полагал, что кумовство в Одессе неизлечимо: оно всегда есть и будет. На этом город и стоит. И Богдану это не нравилось.

– Богданчик, родной ты мой, ну а зачем я вас сегодня всех позвал, как ты думаешь? – Артем деланно рассмеялся собственной шутке, пусть даже и не смешной. Вика снова его подхватила, снова быстро осеклась и снова была удостоена уничижающих взглядов от своих коллег – уже от троих.

Артем на самом деле был очень приятным парнем. В коллективе его все любили. Даже Богдан. Несмотря на то, что он ему не нравился. Он был молод, красив, интеллигентен и элегантен. Его манеры были безупречны, а нелепости и некоторый абсурд столкновения его личности с реальностью были предельно симпатичны и обаятельны. Наконец, у Артема были связи, что для рекламного бизнеса весьма немаловажно.

– Итак, господа, и, конечно же, ты, Богданчик, тоже, прошу всех: внимание на центр комнаты!

У Артема по старой привычке работы с клиентами появился необычайный пафос во всем его виде. Он встал из-за стола и медленно, но ритмично прошел к центру кабинета, в котором проходило совещание. Свет стал постепенно затухать. И вместе с этим из абсолютной тишины в помещении вдруг послышались начальные фанфары из «Так говорил Заратустра» Штрауса. И вот уже комната погрузилась в темноту, Штраус только начал свою безупречную потаенность, и прямо в центре кабинета начала

проявляться визуализация-голограмма. Артем, постепенно входя в раж докладчика, приступил к презентации:

– Одесса без Дюка – это не улыбка Бога, а скорее насмешка и какое-то форменное издевательство. С тех пор, как эти идиоты взорвали наш старый… Так, сейчас, секундочку… – Артем замешкался, засуетился, в комнате резко включился свет и замолчала музыка. – Жена на связи… Дайте мне 2 минуты.

Артем просто подошел к своему столу, отрешенно отвернулся от всех и включил связь с супругой. Со стороны это выглядело, будто он просто подошел к окну и с ним же и разговаривает. Вопрос с гаджетами был закрыт уже лет 10 назад, с приходом многофункционального чипирования. Теперь у тебя компьютер, телефон, интернет и всякое такое было просто в голове.

– Да, любимая, привет. Что? Кто? Клещ? Какой клещ? Наташа, ну о чем ты говоришь? Так, тихо, прекрати истерику. Откуда ты вообще знаешь, что это клещ? Я в жизни никогда не встречал клещей. А, бабушка сказала… Ясно… Ну, ты это… Я, кстати, это… Подожди, Наташ, я, кстати, всегда ставил под сомнение энциклопедичность знаний твоей бабушки… Алло. Алло? Наташа? Есть кто на связи? Аллоооо?

Постояв еще секунду у окна, Артем наконец развернулся к коллективу и задумчиво проронил:

– Гм, только мою Наташу в середине 21 века может укусить клещ. Откуда она вообще знает, как он выглядит?

– Артем, давай к делу, и так работы невпроворот!

Это уже арт-директор Костя не выдержал. Ему не терпелось посмотреть на визуальное воплощение Нового Дюка, проекта, который наделал немало шума в городе. Костя был агрессивным приверженцем всего нового. Он был настоящим сыном своей эпохи, просто не умеющим жить без технологических новинок. Костя даже специально переехал из экологически чистого, очищенного от автомобилей и полностью велосипедно-пешеходного центра города, где он жил в старой бабушкиной квартире, в район Новых Черемушек, ставшим центром инновационных технологических усовершенствований, где все дома были предельно компьютеризированы и связаны в одну сеть. В центре города активисты так и не дали сделать все это.

– Да-да-да, ребята, простите… Итак, Одесса!

Снова стал затухать свет, снова вступили фанфары «Заратустры». Богдан закрыл глаза руками и пробормотал как бы про себя:

– Господи, ну можно хоть одну презентацию провести без этого Заратустры, а?

Одной Викуле все нравилось. Ей, в отличие от Богдана, всегда и все нравилось, о чем она не замедлила сообщить:

– Знаете, а мне все нравится! Да!

– Что, Викуля, тебе нравится? – Богдан был, как обычно, предельно саркастичен.

– То, что тебе не нравится.

– То есть – все?

– Да – все.

– Так, хватит. Прошу тех, кому это неинтересно, покинуть мой кабинет, – Артем как руководитель компании мог включить максимального строгача. – Все? Успокоились? Ладно, продолжим.

Композиция Штрауса уже вошла в фазу активного развития, в темноте комнаты медленно вращалась постоянно меняющаяся скульптура Дюка. Артем, забыв о нужном ритме презентационной речи, начал быстрой скороговоркой:

– Итак, одним из важнейших и масштабных событий на праздничных мероприятиях, посвященных Дню города, будет открытие Нового Дюка. Это амбициозный высокотехнологичный проект, призванный показать важность преемственности архитектурных форм и новых строительных возможностей. Цифровая архитектура, оперирующая идеями совмещения реальной и виртуальной действительности, уже давно покорила мировые городские пространства. Однако проект Нового Дюка интересен прежде всего тем, что это первая попытка восстановления старых академических архитектурных форм с помощью новейших технологий. Дюк будет предельно функциональным: на протяжении дня его форма будет меняться, он будет чувствителен к окружающим факторам, будет заранее оповещать об изменениях погоды, будет интерактивным и общительным. Он будет усиленно взаимодействовать с виртуальной плоскостью городских реалий. Таким образом, Новый Дюк должен продемонстриро-

вать гибридные прототипы, связанные с архитектурой, наукой и технологией, став настоящей жемчужиной инновационного проектирования.

– Жемчужиной?

Никто не удивился реплике креативного директора Сергея. Богдан снова деланно прикрыл глаза руками, пробормотав про себя: «Начинается». Викуля нервно заерзала в своем кресле, физически чувствуя приближение неприятностей. Костя, равнодушно вытянувший ноги на длину всего своего тела прямо в кресле, решил высказаться с некоторым вызовом:

– Да, Сергей, жемчужиной. Это отсылка к «жемчужине у моря». Это правильный лексический выбор в метафорике презентационного текста. Жемчужина инновационного проектирования – в этом уже слышится непрямая ассоциация с Одессой!

Сергей был в прямой оппозиции с Костей. Он был ярый ретроград и сторонник некомпьютерного развития цивилизации. Он был активистом всех движений – от экологов до спасения моноколеса как удобного городского транспорта.

– Артем, убери это слово, – Сергей ни на секунду не обратил внимания на Костю, как будто его там не было вовсе.

– Сергей, ну прекрати, пожалуйста. Все тебя понимают, все считаются с твоим мнением и с твоими… Ммммм… Просьбами, да… Но… Это уже слишком, Серега, родной ты мой…

– Слишком? Ты считаешь, что если я прошу убрать одно слово из презентации – это слишком? Знаешь, что такое слишком? В этом году в Одессе с невероятным шумом прошло открытие одного из высочайших небоскребов Европы «Жемчужина тысячи и одной ночи». И знаешь, почему у нее такое вопиюще поэтическое имя? Потому что это 1001-й небоскреб от этой строительной компании, построенный в Одессе. Вот что такое слишком!

– Мне с самого начала это не нравилось…

– Что тебе не нравилось, Богданчик? – Вика вызывающе блестела глазами. Она становилась очень выразительной и харизматичной, когда пыталась отстоять свою точку зрения. – Что нашему агентству поручили сделать правильную презентацию важнейшего мультикультурного памятника?

– Так, ребята, хватит! *Хватит*! Ну я же попросил – соберитесь! Засуньте вашу личную субъективочку куда подальше и давайте работать!

Артем не на шутку вышел из себя. Никто не заметил, когда прекратила играть музыка. Темноту ненавязчиво, но довольно ярко подсвечивала вращающаяся в центре кабинета визуализация памятника.

– Вы видите. Вы сами все видите. Поймите – общество расколото, как никогда. И это наша главная задача – создать концепцию примирения с помощью некой единой художественной формы. Мы должны в полной мере раскрыть и подчеркнуть историческую значимость и художественную преемственность Нового Дюка. Памятник слишком смелый и современный, и нам… Сейчас… Секундочку… Жена на связи…

На этот раз свет не включился, проекция Нового Дюка продолжала свое неспешное вращение в середине темной комнаты. Артем просто отошел в сторону и, стараясь говорить потише, принял связь.

– Да, любимая, что такое? А, клещ, ну да… Слушай, Наташ, у меня сейчас важное… Ну перестань, пожалуйста. Слушай, да я тебя прошу, знаешь, сколько раз меня клещ кусал? Когда я тебе говорил, что я клещей никогда не видел? А, 10 минут назад… Так то когда было… Знаешь, сколько раз с тех пор меня клещ кусал? Ладно, любовь моя, у меня важное совещание. Ну вызови врача в конце концов, если тебе интернет не помог. Все, любимая, мне пора, ага, да, конечно, да, давай…

Артем устало вернулся.

– Да, так вот… На чем мы там остановились? А, ну да… Дюк… Новый Дюк… Кстати, кто что о нем думает?

Вопрос Артема утонул в общей тишине. Только Новый Дюк равнодушно вращался на одном месте. Он действительно был необычен: формы незаметно менялись, менялось выражение лица Дюка, менялась эмоция. Причем эмоция не только памятника, но и зрителя. И вместе с этим менялось ощущение, сама реальность, в конце концов. От Дюка было невозможно оторвать взгляд. Первым отреагировал Богдан:

– Мне не нравится. Мне не нравится Новый Дюк. Почему нельзя было старый восстановить? И что здесь будет от старого?

Обещали, будто Дюк будет состоять из фрагментов того самого Дюка – единственно настоящего. Где они? И почему он все время меняется?

– Я все узнаю. Пока в подробности не вдавался. Времени, конечно, мало, но оно есть – до Дня города еще полгода. Сколько там, кстати, нам исполняется?

– 262 года вроде.

– 641, во-первых.

– Сергей, ну перестань!

– Да чего переставать-то? Я согласен с Богданом! Посмотрите на этот ужас! Где наши традиции? Где наша история? Где наша известная атмосфера? У нас Французский бульвар уже официально переименовали во Французское шоссе! Вы хотите, чтобы вскоре после этого Дюка Приморский бульвар тоже превратилось в Приморское шоссе? Почему просто нельзя было сделать один в один со старым Дюком? Зачем эта высокотехнологичная безвкусица, которой и так заполнен наш город?

Тут уже не выдержала Вика, она даже привстала, но ее быстро опередил Костя:

– Послушай, Сергей. Город должен быть удобным для людей. Одесса наконец стала компьютеризированным городом, объединенным сетью и базами данных в единый организм. Мы стали по-настоящему современными и ассимилировались с миром. Революционные технологии цифровой эры расширили возможности человека, электронное мироощущение постепенно вытеснило традиционные и сформулировало новые смыслы и потребности. Город не может игнорировать новые слои информации. Город – живой объект, и он должен быть предельно чувствительным к рельефу современности.

– Та да, слышали, знаем, читали… Только вот никакой технологический прогресс не является оправданием градостроительному беспределу. Город, конечно, живой. Но развитие нового не должно уничтожать старого. Это как если ты себе купил новую навороченную машину, но при этом продал ради этого почку.

– Вы, ретрограды, всегда были против нового. Даже тогда, в 1828 году, когда памятник Дюку установили, вы, ретрограды, облачили его в римскую тогу, чтоб все было по железобетонной

классике еще с древних времен. А классическое эстетическое восприятие скульптуры уже давно подменяется современной гибридной композицией, направленной на решение функциональных, информационных и развлекательных задач. И Новый Дюк как никто другой претендует на роль образа не столько Новой Одессы, сколько Нового Мира вообще! Это отличный архитектурный объект, я считаю: современный, неожиданный, спорный!

– Мне кажется, или ты как-то даже рад, что старого Дюка взорвали?

– Ну я не то что бы рад, конечно же… Но я очень понимаю этих ребят! Кстати, никто не знает, их так и не нашли?

– Арт-террористов? Вроде нет, так и не нашли.

– А вот скажи мне, Костя, – Сергей все никак не мог успокоиться, – вот если ты их понимаешь, значит ли это, что ты их оправдываешь?

– Да не оправдываю я их! Но согласись – они все обставили очень красиво! Заложить взрывчатку прямо в неразорвавшееся ядро на постаменте – это предельно концептуально! Они как бы замкнули исторический цикл, ловко разыграв беспроигрышную карту божественного замысла. Это гениально, я считаю! А вот это: «Только гибель делает прекрасное еще более совершенным». Это же поэзия!

– Ну да, Мисима, «Золотой храм», – Артем уже давно понял, что сегодня ему от своей креативной группы добиться каких бы то ни было результатов вряд ли удастся, и просто сидел, с апатией наблюдая за происходящим.

– Какой Мисима?

– Ну, был такой древний японский автор, который ровно 100 лет назад, в 1956 году, выпустил свое программное произведение – «Золотой храм». В нем речь идет о сумасшедшем монахе, который сжег главную японскую буддийскую реликвию – Золотой Храм. Ну и как бы главная идея этого романа выражена именно в этой фразе – только гибель делает прекрасное совершенным. Ну, так нам на филологическом рассказывали, во всяком случае… Это не я придумал…

– О, вот, нашел! Зацените, ребята, мрачную апокалиптичную красоту их манифеста! – Костя неожиданно открыл глаза и, чуть

щурясь, начал зачитывать статью, всматриваясь просто в пространство перед собой. А так как перед ним был Новый Дюк, прозвучало все это довольно угрожающе и многосмысленно:

– Памятник Дюку слишком цельно вписан в Одессу. Это один из центральных символов города, узнаваемый и культурологически обоснованный. И сейчас, когда Одесса перестала существовать, Дюк стал символом Ничего. Он утратил связь с контекстом и историческими процессами и как следствие – утратил связь с реальностью. Возможна ли жизнь без Прекрасного? Что станет с городом, лишившимся своих символов? Мы всего лишь приближаем будущее. Без Дюка этот город уже никто не сможет назвать Одессой. Это будет новый город. И новая жизнь. Без Прекрасного. Это вы уничтожили Одессу. Мы лишь добавили последний штрих. Потому что только гибель делает прекрасное еще более совершенным.

– Гм… Я, конечно, не согласен, но… – начал было Богдан, но Артем эмоционально его перебил:

– А ведь эти придурки таки правы! Одесса планомерно убивается будущим, наступающим на пятки. Вся эта новая застройка, уничтожение памятников старины, переформатирование старого уютного европейского города в безликий цифровой населенный пункт, лишенный своей харизмы и незабываемой атмосферы. Тот город, в котором мы сейчас живем, – это не Одесса. Одесса давно закончилась. И вот этот Новый Дюк – это уже символ не Одессы, это символ конца Одессы! Символ поражения.

– И… Что?.. Что теперь? Одессы нет? А что же вместо нее? Для кого мы все это делаем? – голос Вики даже немного дрожал от волнения.

– Люди. Остались одни люди. Вот для них мы все это и делаем.

– Люди? Те самые, которые все уничтожили?

Дюк уже давно остановился в одной позе. Удивительно, но все мутации скульптуры закончились ровно на его классическом положении – с вытянутой в сторону Артема одной рукой и со свитком в лениво опущенной другой. Только на лице его читалась мимолетная смена эмоций. Он как будто следил за разговором. И сейчас было полное ощущение, что необычайной глубины грусть и печаль торжественно застыли на его лице.

Тишину неожиданно разорвал слегка деформированный голос Наташи. Она плакала:

– Артемчик, я умираю… Я все прочитала – оказывается, укус энцефалитного клеща смертельно опасен! Артем, у меня уже кружится голова, и давление поднялось. А врачи мне сказали, чтоб точно понять, что это энцефалитный клещ, мне его надо принести в баночке на обследование. А как я его принесу? Я же его выкинула сраааааазуууууууу…

У Артема, видимо, соскочили какие-то настройки внутренней связи, и Наташа орала на весь кабинет. Артему, впрочем, было безразлично. Он был предельно погружен в мрачные сомнения.

– Артем, почему ты молчишь? Ты можешь что-то мне сказать? Успокой меня уже! Ведь я же не погибну от клеща в середине 21 века, да, Артем? Ведь это же было бы так глупо! Артем? Я же не погибну?

Наташа постепенно сама успокаивалась и переставала плакать. Все присутствующие окаменели в своих позах. С одной стороны, было некорректно проявлять эмоции по поводу чужого разговора, с другой стороны, все ловили каждое слово этой странной бытовой сцены. Артем сидел, прикрыв глаза руками. Было непонятно, о чем он сейчас думает. И тут в комнате неожиданно прозвучал голос Дюка. Он был мягок, приятен и потусторонен.

– Только гибель делает прекрасное еще более совершенным, Наталья.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Петя и суккубы

Ничего страшного не происходило. Грачи по-прежнему дежурили у форточки на ветке, провожали Петю по городу и важно расхаживали перед дверью какого-нибудь магазина, пока Петя делал покупки. Попытки выйти из магазина через другой выход успеха не имели ни днем, ни ночью. Эксперимент показал, что у этих гадов прекрасное ночное зрение. По крайней мере, на работу они его сопровождали каждую ночь, но, не доходя квартал до подъезда, куда-то исчезали.

Вот и сейчас вся компания сидела на небольшом кустике напротив Петиного дома, тонкие веточки гнулись под их непомерным весом. Петя поднял с дорожки кусок кирпича, который уютно устроился у бордюра, и запустил в ближайшего грача.

Кирпич, не долетев до птицы с полметра, остановился в воздухе, подумал и упал на газон.

– Чтоб не расслаблялись! – сказал Петя грачам и тут услышал рядом с собой голосок:

– Дядя, ты зачем в грачей камнем кидаешь, они же хорошие, красивые и червяков едят, а червяки скользкие и противные.

Рядом стояло беленькое существо лет пяти с двумя хвостиками на голове и с рюкзачком в виде сиреневого медведя за плечами.

– Вовсе они не птицы, мышка, – начал было объяснять Петя, понимая, что начинает оправдываться.

Но тут к ним подошла толстая мамочка, взяла ребенка за руку и быстро повела по улице, приговаривая:

* Продолжение. Начало в кн. 64-66.

– Не разговаривай с незнакомыми дядями! Развелось тут сумасшедших и наркоманов полный город. Сегодня он в грача камнем кинул, а завтра кто знает, что ему в голову взбредет?

– Мама, а наркоманы в птичек камнями кидают? – услышал Петя удаляющийся голосок.

– Вот гады, от вас одни неприятности! – сказал Петя грачам. – Вот теперь меня за маньяка приняли.

Грач с омерзением выплюнул червяка и демонстративно пожал крыльями, словно говоря:

– А кто тебе доктор? – и, не раскрывая крыльев, плавно опустился с ветки на траву.

Петя плюнул с досады на тротуар и зашагал прочь. Грачи выждали минутку и начали сопровождать его, перелетая с ветки на ветку.

«Человек ко всему может привыкнуть, – думал Петя, стараясь не замечать преследователей. – Вот совершенно очевидно, что это совсем не птицы, а какая-то сволочь, может, даже и неземная вовсе. А меня она волнует меньше, чем мнение посторонней мамаши на улице с не в меру гринписнутым ребенком. Хотя со страху когда-то молились, а теперь вот сигареты прикуриваем – и ничего».

Эта мысль имела конкретное продолжение. Петя остановился, достал пачку «Мальборо», посмотрел на огонек зажигалки и закурил.

– Вот теперь еще чашечку кофе – и можно подумать о делах.

Петя зашел в новенькую кафе-кондитерскую, взял чашечку кофе и присел к столику у окна. Кафе после ремонта пахло свежей покраской. Шкодливая рука буфетчиц еще не успела «обжить» интерьер синтетическими цветочками и флуоресцентными пейзажами в золоченых рамочках.

В кафе вошли две девчонки в том прекрасном возрасте, когда правильно оголенный пупок и марка мобильного телефона значат гораздо больше в жизни, чем рассуждения о ее смысле. Если последние вообще посещают хорошенькие головки. Девицы отличались яркостью раскраски, очень малым количеством одежды и множественным пирсингом в разных частях тела и лица.

Петя проводил их взглядом до стойки и опять уставился в окно, прихлебывая из чашки. Девушки заказали кофе и пирожные, заняв столик в углу за спиной у Петра. Начиналась жара, в кафе работал кондиционер, и выходить на улицу не хотелось.

И вдруг Петя понял, что в его голове кроме его собственных мыслей звучат еще какие-то голоса. Причем говорят на неизвестном восточном языке, которого он никогда раньше не слышал, но почему-то понимает.

Один голос приветствовал какого-то Меджида, которого наконец-то нашли, и заверял, что они и есть его настоящие друзья, и на их помощь можно рассчитывать. Хотя они сейчас тоже скрываются не самым лучшим образом, но слежки за ними нет.

Тот, к кому обращался голос на неизвестном языке, упорно молчал. Выслушав заверения, он, видимо, что-то решив, сказал: «Покажись!».

Девицы, сидящие за спиной у Пети, оживились. Одна из них замахала рукой над головой и закричала: «Мы здесь!».

Петя обернулся и посмотрел на нее, потом проследил за ее взглядом и увидел, как в кафе входит рослый накачанный юноша в цветастых шортах и с хвостиком волос на затылке.

Чмокнув девчонок в щечку, молодой человек заказал кофе без сахара и уселся к ним за столик. Поболтав, как показалось Пете, ни о чем, молодой человек выпил кофе, опять чмокнул своих подружек и вышел на улицу.

Петя тоже допил свой кофе, встал и направился к выходу. В стекле двери он увидел отражение все той же парочки, одна из девушек махала ему рукой, но Петя не обернулся.

«А это теперь что за дела?» – думал он. Ну, распущенные девицы – это еще понятно, но он сам хорош – все принимает на свой счет. Это еще было бы понятно, если б у него давно не было женщины, но сутки назад он провел ночь и часть дня с женщиной, превосходящей этих сопливых телок по всем статьям. И опять же эти голоса в голове. Тут он вспомнил заметку, в которой описывался человек, у которого в голове все время играла музыка и возникали разные слова. И все из-за того, что материалы в его пломбе образовали полупроводниковый диод, и он этим зубом принимал радиопередачи.

Нет, этот случай не годился. У дантиста Петя был давно и все никак не мог собраться сходить опять. Все дела, дела. Это все вредности работы. Недаром Галка все время ноет: «Бросай эти свои лампы – добром это не кончится. Зря, что ли, они тебе такие деньги платят – что-то тут не чисто!».

«Ну и что? Вон, морякам много больше платят, и вроде ничего – почти все живы. И радиоактивности там никакой нет – брал он на работу дозиметр, у друга одолжил. Конечно, в этом масле что-то есть такое, а может быть, даже и сякое, но в данном случае меньше знаешь – крепче спишь. Бросать это дело надо – тут Галка права! Вот немного денег накоплю – и брошу. Прямо с ближайшей получки и начну копить. Накопить нужно штук десять, и тогда, положив их в кредитное общество, можно получать до двухсот долларов в месяц. А десять штук… если копить по пятьсот в месяц – можно за двадцать месяцев. Однако попробуй там столько проработай, когда за тобой грачи везде и голоса в голове – то ли еще будет!»

Если бы Петя взялся перечислять все свои опасения и возможные варианты странных событий, и делал бы это достаточно долго, то и тогда он вряд ли назвал бы то, что произошло в ближайшую минуту.

Петя почувствовал, что его кто-то нагнал и, видимо, старается обогнать. Не успел он чуть притормозить, пропуская спешащих вперед, как девичьи руки обвили его собственные.

– Петя, куда же ты от нас убегаешь? – спросила, та, что была в белых штанах, оказавшаяся справа.

– Мы тебя давно ищем и только сегодня нашли, – вторила ей слева красавица с сердечком в пупке.

Не успел Петя произнести что-то вроде, что он, конечно, тоже рад встрече, но не припомнит, чтоб они были знакомы, как левая девица сжала его руку. Нежно прижавшись к нему, она пробасила мужским голосом с восточным акцентом:

– Это хорошо, Меджид, что мы тебя нашли раньше некоторых, будь славен Иблис во веки веков! А теперь давай оторвемся от твоих любимых птичек и немножко побеседуем.

Петя дернулся в сторону, пытаясь освободиться из цепких лапок девиц, и, к своему удивлению, не смог. С изумлением он понял, что каждая намного сильнее него.

– Девочки, куда вы меня тащите? – поинтересовался Петя, все еще стараясь освободиться.

Следующая мысль Петю даже удивила. Как-то она не вязалась с предыдущими: «А какая разница? Лишь бы компания была хорошая».

– К тебе, Петя, едем, – ответила девушка с сердечком в пупке уже вполне девичьим голосом.

И Петя почему-то решил, что именно это он и хотел сказать. После этого Петя уже со свободными руками остановил машину и назвал свой адрес.

Бабушки, сидящие у подъезда, наконец-то получившие свою долю радости, стали бурно обсуждать редкое зрелище:

– Петя вон пошел домой в компании молоденьких девиц совершенно непристойного вида, так и липнут. Хотя сейчас вообще ничего понять невозможно. Вполне приличные девушки ходят по улицам так, как раньше постеснялись бы выйти из ванны в своей квартире.

– А эта коза в белых штанах могла бы их вообще снять. Все равно через них трусы видны, если это вообще можно назвать трусами.

– А Петя хорош! Вроде приличный молодой человек. Не алкоголик. Баба у него одна вроде, Галка. Так ее все тут знают. Разве что не работает.

– Нет, работает, но по ночам. Я вижу, в одиннадцать часов куда-то уходит. Наверное, сторожит.

– Ага, сторожем! И ночью в машину садится, и утром тоже на машине приезжает, и так каждое утро. У меня каждое утро бессонница. Я вижу. Этак он всю зарплату бы и проездил, а деньги у него есть. Хорошо одевается, и его Галка тоже.

– И плитку в ванной недавно положили. Дорогую, испанскую. Мне его соседка рассказывала.

– А сейчас прошел мимо и не поздоровался, может, пьяный?

– И девки эти на нем так и виснут. Галка, наверное, его бросила.

– Ну, если не бросила, то после таких выходок точно бросит.

– А как она узнает? Нет же ее дома – мы давно здесь сидим.

– Шило в мешке не утаишь! Сама не узнает – добрые люди подскажут.

На этой мажорной ноте дамы стали обсуждать меры по экономии электроэнергии ввиду предстоящих повышений цен с проходившим мимо электриком дядей Семой.

А Петя, войдя с красотками в свою квартиру, уселся на диван, не интересуясь и не удивляясь происходящему. А удивляться было чему.

В квартире девицы все оглядели и убедились, что слежки нет. Дева в белых штанах подошла к Пете и все тем же низким мужским голосом с восточным акцентом сказала:

– Не волнуйся, Меджид, все спокойно, никто за нами не следит. Выходи, поговорим.

На это Петя совершенно не своим голосом и с таким же акцентом резонно заметил:

– А эти дети порока, что за нами клювами щелкали? Они же вас в два счета раскусят и меня заодно. Вас что, давно не сжижали, что вы такие смелые?

– Не волнуйся, эти ублюдки мурены из газовой плиты сюда не сунутся – тут не их территория. А если бы нас было так легко раскусить, то это давно бы сделали ребята покруче этих.

– Уговорили, – сказал кто-то Петиными губами.

А дальше Петя увидел, как девушки превращаются в туманные полупрозрачные фигуры и к ним присоединяется третья, такая же, но с красноватым отливом, отделившаяся от его тела.

Фигуры напоминали снеговиков с размытыми краями и переменчивыми формами. Они слетелись к середине комнаты, а потом Петя уже ничего не видел, а видел аллею, которая убегала куда-то вдаль, и два ряда высоченных тополей вдоль нее, смыкающих вершины в перспективе. Аллея была посыпана желтым чистым песочком, и на этом песке стоял он – Петя.

Мимо шли разные люди по одному и группками. Все в одну сторону – в сторону сходящейся в перспективе аллеи. А над ним было небо, чистое и голубое, без единого облачка, и легкий ветерок шевелил листочки на тополях.

– Ты чего стоишь – тут нельзя стоять, – обратился к нему парень в джинсах, сандалиях на босу ногу и с рюкзачком на одном плече, – пошли.

И они пошли.

– Долго у людей, наверное, был? – спросил парень. – Вон никак обратно не превращаешься.

– А что, надо превращаться? – в свою очередь поинтересовался Петя.

– И что, так и будешь в этой несуразной шкурке щеголять? Экстремал ты какой-то. Или тебе человеком сильно понравилось? Так ты, наверное, первый раз в жидком мире, и все инструкции позабыл. Давай, давай, быстренько наверстывай! Вот, как я, хотя бы.

И тут Петя заметил, что парень стал полупрозрачным, и вокруг его фигуры появилось облачко, как показалось Пете, колышущегося теплого воздуха.

Оглянувшись, Петя увидел, что и с другими пешеходами происходят подобные превращения, и кроме того, в разных местах дороги стали возникать движущиеся силуэты с намечающимися внутри человеческими фигурами.

– Да мне, собственно, человеком еще быть не расхотелось, – сказал Петя, – я им уже являюсь, и даже уже привык.

– Что, так долго на Земле без перерыва? За что же тебя так? Ну ты действительно, прямо как человек выглядишь. А раньше ты чем занимался, если не секрет? – завалил Петю вопросами случайный попутчик.

– Как я был в прошлой жизни, мне неведомо, – уклончиво ответил Петя. Эта беседа его явно начала развлекать. – И как родился в этой, так все человек да человек, я так думаю.

– Слушай, так ты действительно, кажется, настоящий человек, – вдруг стало доходить до Петиного собеседника, который формы еще не потерял, но сквозь рюкзачок стали проглядывать тополя. – Как же ты сюда попал? Это же аллея превращений для джиннов. Видишь, я из города – постепенно принимаю свою родную форму, а вон те уплотняются, – и джинн махнул рукой на группу полупрозрачных привидений, – в город собрались.

– А что они там забыли? – спросил Петя, про себя отметив, что он черте где ведет светскую беседу с развоплощающимся джинном, и его это как-то не очень беспокоит. «Наверно, потому что во сне», – подумал он.

– Ну, мало ли всяких дел, – уклончиво ответил джинн. – Вот я, например, изучаю аквариумное рыбоводство.

– Ты чё? – наконец-то удивился Петя. – Зачем тебе рыбки?

– Вот и говорю: ни к чему, – согласился джинн. – А шеф говорит: «Хочу, чтобы были рыбки, как у людей». А перетаскиваешь их сюда – все, нет рыбок, пар один. Прямо не знаю, что и делать. А на Земле я этих рыбок так и не понял – в жидкой среде живут, в газе нет, хотя какая тут принципиальная разница? И с жидкостью одни неприятности. В жидком метане не хотят и в азоте жидком тоже не живут, я уже все перепробовал. А как я эту воду к нам перетащу? Она же сразу на составляющие распадается. И чуть что – взрывается. Ужасная смесь. Я уже два раза взрывался, половину своей массы растерял. Знаешь, еще недавно я появлялся среди людей толстым солидным мужчиной, а теперь – вот, посмотри! – джинн задрал на груди футболку, показав цыплячью грудную клетку с торчащими ребрами.

– А почему бы твоему шефу не завести рыбок в городе? Временами наведываться, душу отводить, – предложил Петя.

– А я буду при них денно и нощно и совсем погибну для общества! – прибавил джинн.

– Ну почему же ты? Можно кого-нибудь из людей нанять, чтоб за рыбами смотрели.

– И раскрыть тайну присутствия джиннов среди людей? Да за такое развоплотят на атомы водорода, из которых неназываемый опять создаст когда-нибудь что-то вроде человека.

– Зачем же раскрывать? Я и так достаточно в курсе дела и в рыбах разбираюсь неплохо. Мог бы вам за мало денег аквариумное хозяйство декоративно-отдыхательное и создать.

От этой идеи джинн аж подскочил в воздух и стал медленно опускаться на дорожку, все время восклицая:

– Ух ты! Ух ты! Ух ты! Ты, кажется, мой спаситель. Все-таки люди не такие уж дураки, как принято считать, – заверил он, приземлившись на песок. Он превратился в полупрозрачное облачко горячего дрожащего марева. А призрачные фигуры, которые в начале пути были такими, как он сейчас, сгустились, обрели плоть и уже выглядели такими же людьми, как и Петя.

– Пора расставаться, – грустно сказал джинн. – Тебе вот с этими в город, а мне домой.

– А почему же мы вместе шли? – задал Петя вопрос, который все время вертелся у него на языке. – Ведь нам в разные стороны.

– А потому, что во времени нельзя идти назад, – пояснил джинн, окончательно теряя форму. – До встречи! – и стал отлетать в сторону.

Впереди аллея делилась на две, на развилке под кустом сирени на пеньке сидел грач, наблюдая исподлобья за процессом разделения. Вместе с воплотившимися джиннами Петя свернул направо и открыл глаза в собственной квартире.

Милиция

Доклад двигался ни шатко ни валко. С божьей помощью Дмитрий Александрович одолел уже два листа и самоотверженно долбил пятую страницу текста. Сотрудники дремали или играли в «морской бой», или читали. Дмитрий Александрович на них

не обижался, понимая и сочувствуя. Но! Порядок есть порядок, и он упорно бубнил: «создать прочную основу правопорядка в каждом вверенном участке…».

Депутата, чей доклад он упорно внедрял, они знали – под его началом работали не один год. Голосовали бы за него по-любому – мужик толковый, да и профессиональная солидарность. Но порядок есть порядок, и приходится терпеть предвыборный доклад.

И тут в кабинет влетел лейтенант Литвиненко. В руке он держал какой-то маленький плоский чайник. Натерпевшийся от доклада народ уставился на Витька почти кровожадно.

– Ага! – сказал Дмитрий Александрович, с удовольствием откладывая осточертевшую речь. – Опаздываем! Отлыниваем, значит!

– Никак нет, преследовал преступника, – вытянулся по стойке смирно Литвиненко.

– И давно мы ловим мелких воришек и отнимаем украденное с лотка? – продолжал капитан.

– Никак нет, преследовал объявленного в розыск, того, что Петренка… Вот, он потерял, убегая.

Доклад был немедленно забыт. Витька обступили. Чайник пошел по кругу. Крышку все по очереди открыли, и масло, которое почему-то было в него налито, понюхали.

– Это не чайник, это светильник, лампа вроде тех, что у Аладдина, они сейчас в моде. Их на всех углах сейчас продают.

Дмитрий Александрович взял в руки странноватенький чайник, из носика которого свисал новенький фитиль, и велел сдать масло на экспертизу. Пришла лаборантка, оглядела лампу, отлила масла в десяток пробирок на анализ.

– Наркота? – спросил капитан.

– Не похоже, скорее какое-то нетипичное благовоние. Возможно, найдем изготовителя смеси.

Лаборантка ушла, а народ обступил Литвиненко.

– Рассказывай! – сказал капитан.

– Я уже закончил ту кражу и шел на троллейбус. Вдруг смотрю – мужик с тележкой, типа как в универсаме. Откуда, думаю, у него телега? До универсама три квартала, и не маленькие. И мужик такой цыганистый. Типа того, что в розыске. Только я это подумал, он как рванет – аж посуда задребезжала. Я за ним. Он раз – и за торец

пятиэтажки. Я за ним. Едва за угол завернул, вижу, он за следующий угол заворачивает – только кроссовки мелькнули. Я туда – исчез!

– Как исчез? Куда?

– А не понять, с той стороны никуда не спрячешься. Справа одни окна пятиэтажки, даже балконов нет. И подоконники высоко – выше моего роста. Слева в двух метрах от дома трава и сетка, а за ней пустая волейбольная площадка и школа, а до школы метров двадцать пять. И длинная эта пятиэтажка – метров пятьдесят. И хоть бы одна форточка открыта! А даже если бы и была открыта, то как он в форточку с телегой влез? Я вдоль всего дома пробежал. За следующим углом три торговки никого не видали. Вот лампу нашел, аккурат на двадцать пятом метре.

– Ну, ты, допустим, не слишком спешил, что, в принципе, правильно – один без прикрытия и оружия. Ну, хорошо. Давайте посмотрим, что за цацка.

– У моей жены похожая есть, только стеклянная. Они теперь в моде. Туда какое-то масло заливают – оно горит и пахнет.

– Ладно, поглядим, чем оно пахнет, – сказал Дмитрий Александрович и поднес к фитильку зажигалку. Фитилек тихонечко затрещал и вспыхнул.

Очнулся Дмитрий Александрович в каком-то роскошном зале на пышной, чуть ли не королевской кровати с лиловым балдахином. Жутко воняло ирисами в огромной хрустальной вазе. Капитан выбрался из-под вышитых одеял и огляделся.

Зал оказался большим будуаром. Посредине располагался круглый инкрустированный цветным мрамором стол на замысловатых золоченых ножках. Вокруг него группировались кресла с овальными резными спинками, пуфики и банкетки – все обтянуты узорной парчой. Слева красовался туалетный столик с огромным зеркалом в раме из позолоченных цветов и завитушек, на которых сидели резные птицы. На самом верху целовалась пара голубей.

Огромные окна затеняли малиновые бархатные шторы с кистями и такими толстыми шнурами, что впору привязывать слона. У столика на полу стояла грандиозная хрустальная ваза, из которой торчал сноп ирисов и нещадно благоухал.

На столике громоздилась толпа флаконов с духами и баночек с притираниями вперемешку со шкатулками, полными драгоцен-

ностей. Сводчатый потолок, расписанный фривольными сценками купания древних богинь, чуть не гнулся под тяжестью позолоченной лепнины. Полтонны хрусталя, бронзы и горящих свечей в виде люстры грозили свалиться на голову.

Дмитрий Александрович прошелся босиком по лохматому ковру и почувствовал, что кроме дурацкого золотистого халата, который не доставал даже до колен, ему мешает что-то еще. Пояснив самому себе, что это какой-то галлюциноген, и не особенно беспокоясь, капитан подошел к зеркалу – и плюхнулся на пуфик. И было от чего!

Дивной красоты золотистые волосы крупными локонами ниспадали по его плечам ниже пояса. Над великолепными черными глазами с обалденными ресницами, которым позавидовала бы любая корова, разлетались прекрасные брови. Нос стал крошечным, а губы, наоборот, – огромными и пухлыми. Под носом ни к селу ни к городу торчала гордость капитана – черные усы. Дальше шел один из капитанских подбородков с ямочкой, а еще ниже – ну просто лебединая шея, переходящая в хрупкие плечики.

В ужасе Дмитрий Александрович распахнул халат и воззрился на потрясающие белые груди пятого размера с ярко-розовыми сосками и осиную талию. Зад тоже оказался много уже того, на котором он сидел шестой десяток лет. Дальше, слава или не слава богу, был его собственный член и крепкие волосатые ноги с толстыми кривоватыми голенями и ступнями сорок четвертого размера. Хорошие ноги человека, крепко стоящего на земле и много ходившего по долгу службы. Кисти рук тоже остались его родные. Только на правой руке на среднем пальце торчало кольцо со стрекозой, от которого, теряясь в волосах на тыльной стороне руки, тянулись три золотые цепочки к широкому браслету из бриллиантовых цветов.

– Измена!– пролепетал капитан, ущипнул себя за сосок и зашипел от боли. Он быстренько юркнул под одеяло, решив тихо переждать, пока наваждение кончится.

Не тут-то было! В дверь постучали, и голос дворецкого произнес:

– Его сиятельство граф Нортумберленд!

Дверь тут же распахнулась, и в будуар влетел красавчик в сером смокинге, белой рубашке и жемчужном галстуке. В руках он держал букет лилий, которые пахли похлеще ирисов. Молодой

человек бросил лилии прямо на кровать, стал на одно колено и страстно зашептал:

– О, любимая, я знал, я верил, что придет этот благословенный час. Ты перестанешь меня терзать и пригласишь меня в свой будуар. Смотри, какое дивное ожерелье из шестнадцати бриллиантов я тебе дарю.

Черные усы возлюбленной джентльмена явно не смущали. Граф начал деловито расстегивать смокинг, на что капитан осторожно заметил:

– Ты, парень, лучше приглядись, с кем имеешь дело. Не вышло бы конфуза.

А сам стал судорожно прикидывать, надолго ли может хватить чертового зелья.

– Ах, твое чувство юмора бесподобно! – воскликнул граф, расстегивая жилет.

– Лучше не суйся! – угрожающе зарычал капитан.

Но красавчик продолжал разоблачаться, аккуратно развешивая свои вещи по креслам.

Дмитрий Александрович вылез из-под одеяла.

– Ты гляди, дурья башка, какая я тебе баба!

– О, прелесть моя, – снова затоковал граф. – Твои несравненные ножки, твои ручки, унизанные перстнями! Они меня сводят с ума!

Глаза у парня горели страстным огнем, он протянул руки к капитану, но тот быстренько спрыгнул с кровати и перебежал за стол. Не то чтобы он не мог управиться с графом. Просто было как-то неловко обижать помешанного. Граф чуть было не упал, запутавшись в спущенных брюках, но быстро их снял и бросился преследовать капитана в кальсонах со штрипками.

Граф и капитан кружили вокруг стола. Время от времени капитан ронял кресла, чтобы отрезать графу путь к двери. План был прост: подловить горе-любовника в узком месте и связать простынями. Что делать дальше, капитан не знал, но надеялся, что время покажет.

Граф бегал, как заяц, лепетал страстную чушь, все о прекрасных ногах. И вдруг проявил неожиданное коварство. На очередном витке вокруг стола он перепрыгнул через пуфик и вцепился в золотистые локоны. Капитан зашипел от боли, еще раз убедив-

шись, что они – не парик. Этого капитан уже не стерпел. Плюнув на все церемонии, он долбанул графа пяткой по кости ниже колена, и когда тот, взвыв от боли, ослабил хватку, выкрутил ему руки за спину. Довел до кровати, быстро связал вышитой простыней и шнуром от гардины. Граф ругался, как сапожник, перемежая проклятья страстными мольбами.

И вдруг все кончилось. Капитан стоял у себя в отделении. Вокруг толпились встрепанные и раскрасневшиеся сотрудники. У одного из них на скуле медленно наливался синяк. Они поглядели друг на друга и почему-то покраснели.

– Тааак! – сказал капитан. – Будем рассказывать по очереди. Начинайте, Анищенко.

– Почему я? Почему всегда я? – возмутился лейтенант.

– По алфавиту! Продолжайте.

– Я оказался в сводчатом помещении в стиле, наверное, рококо, – начал Анищенко, покраснел, сел и сказал: – Нет. Не могу!

Дмитрий Александрович вздохнул.

– Нет, это не наркота. Это психотронное оружие! Прошу поднимать руку.

После того как выяснилось, что все видели зеркало с голубями, вазу с ирисами, малиновые шторы и мужчину примерно двадцати пяти лет в сером смокинге, капитан отпустил сотрудников по домам. Опера угрюмо хмыкали и бормотали себе под нос что-то нецензурное. Но, выйдя из управления, когда Литвиненко спросил: «Интересно, а что видел капитан?» – вся группа в беззвучном хохоте повалилась на газон.

А Дмитрию Александровичу было не до смеха. Он вошел в кабинет подполковника, неся лампу, как фуражку на военном параде. Начальника он знал давно – еще учились вместе. Секретов у них не было. Но сейчас тот говорил по телефону, и явно с начальством. Капитан сел на стул в самом конце длинного стола, чтоб не мешать разговору. В ожидании он стал оглядываться по сторонам. Вдоль стен стояли шкафы с книгами и папками документов, а на столе у телефона стояла точь-в-точь такая же лампа.

«Ага! – подумал Дмитрий Александрович. – Дело на контроле». Поставил лампу на стол и ушел – начальство решило поговорить капитально.

Суккубы

Девицы вышли из подъезда и остановились, щурясь от яркого солнца. Их уже тут ждали.

– Что-то быстро Петька справился – видно, Галка не дает. Может, поссорились они? – предположила баба Муся. – Эти телки и рады стараться. Вон потягивается – кошкина дочь.

– Надо будет Галке сказать, – согласилась баба Клава. – Клизма еще никому не помешала для желудка. Ну и семья так крепче.

– Да, ты в клизмах разбираешься: как твой Коля домой приходит никакой – так сама и получаешь, семью сохраняя уж сорок лет, – перешла на личности баба Муся.

– А я так думаю, девочки, – вступил в разговор активист домкома Семеныч, – не видать Юле премьерства, как своих ушей. Как бы она не ерепенилась. А вот что из этого выйдет, надо прикинуть. Может, гречки купить на пенсию?

Девушки прошли мимо проводившего их взглядом собрания и медленно двинулись по дорожке, демонстративно виляя бедрами.

– Видишь, Рашид, – сказала та, что была в белых штанах, – форма вызывает поток ассоциаций. И если этот поток направить в правильное русло, то человек начинает думать определенным образом, исходя из своего жизненного опыта и общественных представлений. Ведь ни одно из этих существ возле подъезда не сказало: «Смотрите, смотрите – вот идут два джинна!» – а ты не хотел воплощаться в эти формы.

– Во-первых, мне на мнение этих людей наплевать плазмой. Если бы я был в форме собаки, они бы тоже ничего не заметили. Меня сейчас интересует, не распознала ли нас компания симпатичных птичек? Это нам просто повезло, что за Петей послали следить этих дурней с заданием проверить его человеческие связи. А если бы были ифриты рангом выше, вышагивал бы ты, гордо тряся сиськами. Тебе бы не только их мигом оторвали. Кстати, за нами следят. Надеюсь, как за людьми.

Один из грачей пролетел над ними вдоль дорожки между домами и уселся на ветке, поджидая подружек.

– А сейчас мы расширим круг их забот.

Девушка с сердечком в пупке достала из сумочки мобильник и заговорила: «Машенька, привет! Вы там все на пляже? И Вовчик есть? И Андрюша? Мы с Софочкой сейчас тоже придем. Пока, пока!».

– Вот, – сказала она, пряча мобильник, – сейчас мы пойдем на пляж и пообщаемся с нашей компанией. Хоть немного отдохнем от этих тряпок. Слава огню – тут нудистский пляж есть. Заодно и подзарядимся от солнца.

– Слушай, Рашид! – сказала Софочка. – Давай воплощаться вместе с одеждой, как все. Это же действительно безобразие, что приходится выбирать такие мерзкие для джиннов места, как этот пляж.

– Софочка, мы на спецзадании, если мы будем воплощаться вместе с одеждой, то снимать ее мы не сможем. А девушка, не меняющая одежду, а тем более – ее не снимающая, – это очень подозрительно. Кстати, перестань звать меня Рашидом. Называй меня, ну, например, Идой. И похоже, и оригинально.

– Хорошо, – согласилась Софочка. – А потом мы пойдем на дискотеку, а эти пернатые пусть прослеживают наши связи.

– Вот насчет связей – это мысль. Надо же как-то использовать противоестественное положение, в котором мы вынуждены пребывать. И в истории масса примеров. Суккубы называются. Многим нравилось. И для пользы дела. А грачи пусть на ветке под дождем дожидаются. Чтоб им приснился плов из жирного барашка на пустой желудок.

Девушки искоса глянули на грача, повернули к дороге и стали останавливать маршрутку.

Петя

Девиц в комнате уже не было. Сквознячок из приоткрытой двери шевелил балконную занавеску. «Заснул я, что ли?» – подумал Петя, встал и пошел закрывать дверь.

На столе в хрустальной пепельнице дымилась тонкая коричневая дамская сигарета с золотым ободком и следом вишневой помады. Столбик пепла, изгибаясь, добрался до фильтра и от Петиного движения упал на донышко. В комнате пахло корицей.

«Ой, мамочки, ублюдательный комитет! – в ужасе подумал Петя. – И чего эти старые змеи во дворе теперь Галке понарассказжут! И что же это было? Ведь было же, черт возьми!»

Петя обошел квартиру – входная дверь была заперта. Отхлебнул недопитый с утра чай на кухне. Посмотрел на себя в зеркало –

отражался он один, больше никого. «Хотя эта сволочь может и не отражаться», – подумал он.

Кто-то из него выходил и с этими прошмандовками разговаривал – это Петя помнил хорошо. А вот зашел ли этот гад обратно – это еще вопрос. Вроде бы он не хотел уходить – значит, сидит.

Вот, значит, для чего его на работу приняли – джинна подселили. То-то Соломон так радовался, когда его на работу брал. Та еще сволочь. И ушастый этот, что директором числится, вообще на джинна сильно похож – морда гнусная. Я бы никому из них и десять гривен не одолжил.

Значит так: раз они меня в качестве подходящего домика на работу взяли, значит, они на стороне джинна. Тогда почему же девки предлагали ему выйти и спасаться? От кого? От Соломона с компанией? Наверное, эти гады моего джинна предали. С них станется. И теперь, чтобы схватить этого джинна, нужно, чтоб он из меня вышел, а он не хочет.

И тут Петя сделал логический вывод, который ему очень не понравился. Для того чтобы жильцы оказались на улице, нужно ликвидировать дом. А домом является он, Петя Пчелкин.

Опля! Значит, именно его и собираются убить – какая неприятность! И убить его могли в любой момент: вон, грачи не отстают. То-то Галка все время твердила: «Брось эту работу к чертовой матери», – предчувствие у нее было. Женская интуиция. А может, женская интуиция – это и есть способность чувствовать джиннов, их зловредные козни? Веками вырабатывалась. Впрочем, сейчас какая разница?

Что же теперь делать? Когда эта неприятность может произойти?

«А прямо сегодня ночью и может, – вдруг осенило Петю. – Соломон звонил, чтобы я сегодня на работу не выходил. Не хотят иметь труп у себя в подвале – гады! А мы вот что придумаем. Где всякая сволочь нас не достанет? На святой земле».

Петя вышел на улицу, поймал машину и поехал в храм.

– В какой храм? – спросил водитель.

– В католический, – уточнил Петя, вспомнив, что в костеле есть скамейки, и можно посидеть.

Костел на Гаванной был открыт. Петя зашел, подумал и перекрестился справа налево. Сел на скамейку, уставившись на алтарь, и стал думать.

Вывод напрашивался такой: грохнуть его могут и так, за то, что много знает, но от своего жильца избавиться надо, и как можно скорее. Пусть себе идет к своей чертовой матери и уже там разбирается со своими врагами. А как это сделать, кроме самоубийства? Клизмой его не возьмешь. От водки ему, может, плохо и становится, но он, видимо, все-таки не выходит.

И вот светлая мысль наконец посетила Петю – может, сказалось святое место. На визитке того странного художника было написано: «Экзорцизм». А это изгнание всяческой нечистой силы. Может, у него в комнате не только художники и любители плова, но и эти самые изгонятели есть.

К Петру подошел служитель и попросил покинуть храм в связи с закрытием. Петя вышел на улицу. Уже зажигались фонари, странно тоскливые на фоне сумерек. Он пересек Дерибасовскую и медленно побрел по Александровскому проспекту. Он попытался придумать, как начать разговор, чтоб его не сочли ненормальным. Время от времени Петя оглядывался, обходя подозрительные группки молодежи, особенно если в их составе были веселые девицы. Грачей что-то не было видно. «Это плохо, – подумал Петя. – Если сняли наблюдение, значит, им про меня все ясно. Надо на что-то решаться».

Остановив машину, Петя назвал ближайший к дому художника перекресток.

В подъезде пахло все так же, но было темно. Единственная лампочка горела где-то во дворе у парадной двери. Постучал.

Соломон и Дионисий

Ни к какому Крестовоздвиженскому Соломон, конечно, не пошел. Коньяк начал свое расслабляющее воздействие, и Соломон решил сначала немножко отдохнуть и подремать, а уж потом…

Когда Марина уходила домой, прощаться было не с кем. Исполнительный директор мирно спал, посапывая в своем комфортабельном кресле. Проснулся Соломон Давидович, когда кабинет и парк за окном погрузились в сумерки. Последние оранжевые лучи солнца отражались от позолоченных крестов Успенского собора. На западе небо было еще бирюзовым, и по нему летели запоздалые грачи. «Все

нормальные люди, как выпьют, начинают веселиться, а меня на сон тянет», – подумал он, отметив, что это его естественная реакция.

«А может, эта доза добила вообще не пьющего джинна, и он лежит на дне моего сознания без чувств? Надо этим воспользоваться!»

Эта мысль оживила Соломона и придала его жизни определенный смысл.

Он сварил кофе, и пока тот остывал, начал искать в записных книжках номер телефона «этого попа», как называл Дионисия про себя Соломон. То, что поп заходил, Соломон точно помнил. Все его тут хорошо знали, кроме, собственно, директора. А сам он близкого знакомства не сводил, подозревая, что его начальство с попом в состоянии вооруженного нейтралитета.

Не найдя ничего в своих записных книжках, Соломон пошел в приемную Марины. Там он взял с полки альбомчик с визитками, полистал и почти сразу нашел – на фоне церковных куполов с православными крестами было написано: «Отец Дионисий. Экзорцизм», – и телефон.

«Даа, – подумал Соломон, – такой специалист никакому джинну не понравится, а мне, кажется, самое то».

Часы показывали двадцать минут десятого, приличные люди в такое время в гости не ходят. Ну, а как завтра с утра ухайдаканный коньяком джинн придет в себя? Надо попробовать. Соломон подошел к телефону и набрал номер. Сердце бешено колотилось.

– Добрый вечер, Соломон Давидович, – поздоровался молодой голос из трубки.

– Мне бы господина Крестовоздвиженского, – нерешительно попросил Соломон, подозревая, что он не туда попал.

– Он вас ждет, дорогой Соломон Давидович, приходите, не стесняйтесь, всегда рады вас видеть.

– Мне бы адрес, – Соломон вдруг вспомнил, что на визитке адреса не было.

– Так вы у нас впервые? Будем вдвойне рады вас видеть, – сказал молодой голос и назвал адрес.

«Наверное, секретарь, – подумал Соломон. – Может, поздний вечер и ночь – это у них самое приемное время. Впрочем, кое-кто тоже по ночам работает. Петя, например».

Продолжение следует

Ефим Бершин

Метафора небытия

* * *

Пока по эту сторону земли
мы спали, в небесах случилась осень,
пошли дожди,
и вымокшие осы
ручьем по подоконнику текли.

Мы вышли в Гефсиманию.
И тень
легла к ногам неведомо откуда.
Уже вполне напоминал сирень
до синевы удушенный Иуда.

И камни выползали из травы,
и нищие шептались у дороги
о том, что не сносить нам головы
за эту страсть.
И месяцем двурогим

цвела корова в утреннем дыму,
и мир сошел с ума по вертикали,
все перепутав,
отомстив всему
тому, что было создано веками.

Сочилась церковь Спаса на Крови,
как в воду опрокинутая чарка.

Хрустел песок.
За нами шла овчарка,
ощерив рот в предчувствии любви.

* * *

Пространственная форма пустоты –
дыра в заборе
или кукиш рамы,
застывшие солдатские кресты,
свистящие из снежной панорамы,

звезда в ночи,
огонь из блиндажа,
самоубийство – как побег из плена,
фигура бесприютного бомжа –
как сгорбленная формула вселенной.

Вселенная бездомна, как огонь,
кочующий по воющим каминам,
как осень,
как отцепленный вагон,
как запах облетевшего жасмина.

За пустотой поникшего куста
сплошной пустыней
обреченно стынет
иная жизнь,
иная пустота,
иных пустот бесплодней и пустынней.

Давай с тобой уйдем через забор,
через дыру.
И станем переулком.
И станем ветром.
И закончим спор
на перекрестке суетном и гулком.

Так дерево становится золой,
так грешница становится невинной,
трава – стерней,
развалины – землей,
а роща – переливом соловьиным.

Так талый снег становится водой.
Так звездной ночью, распуская космы,
ты станешь ослепительной звездой,
перечеркнувшей падающий космос.

Нам выпала забавная игра –
щекочущий сквозняк далеких странствий.
Пространства нет!
Есть вечная дыра
в окаменевшем облике пространства.

Уйти из дома – как взойти на крест.
И стать крестом,
как злаку – коркой хлеба.
Так свищет над планетой Эверест,
смиренно принимая форму неба.

Мы вмертвую держались за скобу
родного дома.
Но скрипит со стоном
гнилая дверь.
Не обмануть судьбу.
Ты чувствуешь? Уносит!
Вместе с домом.

* * *

Луну зарезали под утро,
в шестом часу, в канун Покрова.
Как перевернутая урна,
валялось небо у парома.

Вороны раздирали воздух
осколками ушедшей ночи,
гортанно падая на воду
и рассыпаясь многоточьем…

Уже ничто не отделяло
от наступающего снега –
лишь край стола да одеяло,
да женщина на фоне неба.

Она под утро воскресенья
явилась в снежном ветхом платье –
последней милостью осенней,
последним знаком о расплате.

Остановились дни и числа.
Среди реки застыло судно.
Шел первый снег,
шел снег пречистый
на мир, исполненный абсурда,

на мир, где улица томилась,
меняя лики на личины,
где Божий гнев и Божья милость
уже почти неразличимы.

* * *

Стальные тучи нянчили стерню,
гудела печь, река гасила ветер…
Ты – мой билет в далекую страну,
которой больше нет на белом свете.

Но есть река.
Но есть еще огонь
иных костров.

И – памяти осколки.
Давай войдем в отцепленный вагон
и тронемся, свисая с верхней полки.

И даже не спохватимся со сна,
и не поймем, что память – вид недуга.
За окнами завоет тишина,
изображая грохот виадука.

* * *

Еще темно.
И замысел не явлен.
Шумит вдали Богоявленский бор.
И сладкий запах августовских яблонь
клубится и уходит за забор.

Скупой фонарь ведет до поворота,
а там – уже неразличима суть.
Пойдешь направо – топи да болота,
пойдешь налево – голову снесут.

Смотрю из туч, как из коровьих ясель –
ни месяца, ни года, ни числа.
Еще не явлен замысел,
не ясен,
и книга жизни девственно чиста.

Ни шороха, ни возгласа, ни слова.
Поселок дремлет, звездами ведом.
И мир безмолвен.
Так безмолвен, словно
еще на русский не переведен.

Крещенье

Нам далеко до Иордана,
где струи, вязкие, как сок,
сочатся столь же первозданно,
как солнце, воздух и песок,

где к северу от Бет-Шеана,
что солнцем выкрашен, как хной,
толпа смиренно не дышала
в немыслимый крещенский зной.

Слепцы, погонщики верблюдов,
менялы и поводыри,
и множество другого люда
стояло молча до зари.

Они искали место Богу
и суть, и формулу. И вот
спокойно обрели свободу
в купели иорданских вод.

Нам – далеко.
В снегу – осины.
Из сруба выперла скоба.
И весть о Человечьем Сыне
доносит хриплый лай собак.

Зато соседка на Крещенье
всех разом соберет к столу
и, наспех вымолив прощенье
у складня в вышитом углу,

достанет из печи просфоры –
вся распаленная, в золе.
Но тем решит проблему формы
и места Бога на земле.

* * *

Покуда снег белил ворону
на самой маковке креста,
затягивала, как в воронку,
пугающая пустота.

И слепленные, как из ваты,
из этих снежных облаков,
белели в поле две кровати,
ночник и пара башмаков.

Мы были временем без места.
И, дотянувшись до небес,
шумел, как праздничная месса,
еще не вырубленный лес.

Мы долго елку наряжали.
Шел снег. И ночь сменялась днем.
И стыли на снегу скрижали,
начертанные вороньем.

Москва

Игорь Померанцев

Бес в ребро

Карта мира

Юрию Андруховичу

Мне было по душе,
что она утратила невинность во Львове,
и не потому, что я был причастен к этому,
а потому что Львов всегда кичился своим клерикализмом.

Стамбул навсегда остался для меня городом,
где наша любовь пролила свои первые слезы.
Потому я люблю возвращаться в Стамбул.

Я встретил ее в пражском аэропорту
и тотчас сказал ей:
– Пока мы здесь, умоляю – ни одного слова о Франце.
Она смирилась с приговором,
но до чего же она была в Праге несчастна.

Начало

Про себя он называл ее «Великий Шелковый Путь»,
но признаться в этом боялся. Однажды все же сказал.
Она спросила, почему. Вначале он мямлил,
но после приободрился и даже разгорячился:
– Понимаете, это чувственный образ…
Он предполагает путешествие в пространстве и во времени,

причем бесконечно долгое путешествие,
сулящее открытия и приключения.
Пролегает он по пересеченной местности,
от которой невозможно оторвать глаз даже ночью.
Еще этот образ ассоциируется с арабскими скакунами,
персиками,
вином, охотничьими собаками и леопардами.
Шелковая нить отражает свет, а на ощупь
выдерживает сравнение с самыми нежными сновидениями…

Они помолчали. Он несмело спросил:

– Теперь вы понимаете, почему я называю вас
«Великий Шелковый Путь»?

Она не ответила. В уголке ее глаза он заметил слезу.

– Да, – сказал он, – охотничьими собаками, леопардами
и горным хрусталем.

* * *

Она сказала:
– Я всего лишь серая мышь. Как ты можешь меня любить?
Он подумал, подумал, подумал,
вспомнил детские страхи,
которые он так и не смог одолеть,
вспомнил этих самых рукокрылых,
их бурную ночную жизнь,
напряженные мышцы в ушах,
их сложные эхолокационные сигналы
в диапазоне до 120 кГц
и, главное, передачу смертельных патогенных вирусов,
но сказал:
– Я люблю тебя, Серая Летучая Мышка.

* * *

Когда они были в постели,
ее тело шептало:
– Я не люблю тебя, слышишь, не люблю.

«Хорошо, что я старый и глухой, – думал он, –
и ничего не слышу».

* * *

Левый сосок, пахнущий сиренью,
только угадывался. Кругом были люди,
и убедиться в справедливости предположения
было… ну никак. Но ему хватило и предположения.
Такие перекрестки – запаха, цвета, звука –
любил Арсений Тарковский
(«Я учился траве, раскрывая тетрадь,
  И трава начинала, как флейта, звучать.
  Я ловил соответствие звука и цвета…»
Или:
  «Арбузный гоголевский запах –
  Ее декабрьская душа».
Это о зиме).
А до него Иван Бунин
(«В саду костер, и крепко тянет душистым дымом
вишневых сучьев»).
Да, лучше думать о литературе.
Он так и делал, но все равно возвращался
к навязчивому образу
снова и снова.
И снова.

* * *

Все, что мы делаем вместе,
разговариваем беспроволочно
или рот в рот,
прикасаемся, углубляемся,
скользим по складочкам,
пересекаем курватуры
под острым или тупым углом,
называется «тавтология».

Помнишь, что такое тавтология?
Необоснованное повторение,
не оправданное
ни логически, ни эмоционально,
лишенное цели и смысла.
Одним словом – любовь.

Прага

Елена Касьян

Все проходит, все пройдет

* * *

А ничего с тобою не случится,
И потому со мною – ничего.
Уходит скорый поезд на столицу,
А мы зимуем, нам не до того.

Сидят вороны – черные на белом,
Блестят глазами в нашу суету,
Как мы живем, и нам не надоело,
Как выдыхаем эту немоту.

Как поперек ложатся наши страхи,
Покуда вдоль ложатся провода.
И город спит в смирительной рубахе,
Пока висит над крышами звезда.

День проступает, словно фотоснимок,
И сыплет снег, как белый порошок…
Жить невозможно, жить невыносимо.
Но, Боже правый, как же хорошо!

* * *

Еще один последний взмах неслышный,
и даже твой неабсолютный слух
вдруг различит из этой дали вышней
тревожный звук,

такой чужой и лишний,
поскольку он – уже нездешний звук.

Все снова зарастет – где крапивой, где ряской –
и будут зеркала над нами плыть и плыть,
как будто бы не мы вчера играли в прятки,
а вот теперь лежим,
как книжные закладки,
и будто бы не нам сейчас опять водить.

Нас осень породнит – и с жизнью, и со смертью,
и каждый жухлый лист – бессрочный проездной.
И на твоем листе две циферки начертят,
а на моем – одна
дрожит и долготерпит,
покуда и меня не позовут домой…

* * *

Нас никто уже так не полюбит,
Как обещано было сперва.
Сентябри, словно кольца на срубе,
И не к месту слова.

Время сколет все наши скорлупы,
Как в орехе – проступит нутро.
Не целуй меня в лоб, только в губы,
Проводи до метро.

До угла, до оградки, до края –
Нам теперь все места хороши.
Это вечность сквозь нас прорастает
Обещанием жить.

Мы смешны, мой стареющий мальчик,
Нас еще от касанья знобит.
Видишь, осень, как душеприказчик,
В переходе стоит.

* * *

Все проходит, все пройдет,
Спит у печки серый кот,
За окном метет метель,
Дремлет бабушкина гжель,
Дремлет мамино шитье,
Дремлет дедово нытье,
Спят деревья в переулке,
На балконе спят сосульки.
Тише, Танечка, не плачь,
И дался тебе тот мяч.
В доме сухо и тепло,
Город снегом замело,
А наступит новый год –
Деда с бабкой уведет –
Навсегда, на «никогда».
Мячик – это ерунда.
По небесному по льду
Деда с бабкой поведут,
Тише, Танечка, поверь,
Жизнь полна таких потерь,
И не знаешь наперед,
Что река тебе вернет.
Скоро утро, баю-бай,
Покатился мячик в рай.

* * *

Это такие слова… удивленные буквы
Жмутся к строке, рассыпаются жухлой травой.
Это такие слова… произносишь, и будто
Небо застыло в гортани водой неживой.

Это такая пора – то штормит, то качает.
Поговорить бы об этом, да что говорить,
Если слова ничего уже не означают,
Если проститься уже тяжелей, чем простить.

Столько любимых вокруг – разрывается сердце,
Словно не осень, а вечность вступает в права.
Как наглядеться на все это, как наглядеться?
Время не вылечит… Это такие слова.

* * *

За то, кем я была, и кем еще побуду,
пока, как клейкий лист, не развернется жизнь,
простите все меня,
кто, может быть, отсюда
посмотрит в черноту мою, и даль, и синь…
В нарядную меня – тростиночку, трехлетку –
в хрустящее бумажное бессмертие мое,
где я под Новый год стою на табуретке
и хохочу над тем,
как бабушка поет…

Когда я отступлю – на шаг, на два – от края,
и встанут предо мной
мой дед, отец и брат,
которых больше нет (а я стою живая),
то, думается мне, сильнее во сто крат
я полюблю вас всех – и тех, кого не знаю,
и тех, кого забыла, забуду навсегда,
и тех, кого сейчас
бесследно забываю
(ты спросишь: «и меня?» – и я отвечу: «да»)…

Осыплемся мы все, как маковое семя,
из всех своих пустых бесчисленных сердец.
Но алые цветы пока цветут все время,
пока еще цветут
и зреют, наконец,
и истекают вглубь – то молоком, то медом,
и оплетают вдаль – то светом, то огнем,
и если не мешать, то прорастают сходу

сквозь ель,
сквозь табурет,
сквозь девочку на нем.

Я с вами заодно (не хуже и не лучше),
но мир стоит в дверях, как вечный Новый год,
и выведет нас всех, по одному, за ручку,
туда, где смерти нет,
где бабушка поет,
где все уже равны и ростом, и любовью,
где не о чем роптать… лишь грустно оттого,
что каждому из нас положат к изголовью
прощенья и конфет,
и больше ничего.

* * *

Все так и шло. И если о тебе
Мне ничего здесь не напоминало,
Ни шум листвы, ни суета вокзала,
То о твоем присутствии теперь
Все говорит и явственней, и строже.
И этот август оттого дороже,
Что здесь еще немыслимей зима.
Пейзаж размыт, движения нерезки,
И наблюдать дыханье занавески –
Лишь верный способ не сойти с ума,
Покуда тех, кто бесконечно врозь,
Обточит время, как слоновью кость…

* * *

Дерево машет крыльями, словно птица,
Ветер ласкает ветку за голый локоть.
Где это было видано – так влюбиться,
Даже теперь не зная еще, насколько.

Город по небу водит луну за нитку,
Нет неизбежней времени, чем вот это,
Можно еще уснуть со второй попытки,
И, наконец, очнуться в другое лето.

Даже прощанье – это отчасти встреча.
Жизнь поступает с нами не зло, но мудро.
Кто понимает это, стареет легче.
Спи, у тебя случится другое утро.

Там баобабы прячут траву от света,
Кто-то надежный ведает семенами,
Там Антуан летит над своей планетой –
И ничего плохого не будет с нами.

Львов

Владимир Кац

Я устал от двадцатого века

* * *

Где разбросаны по склонам
узкоглазые оливы,
дует ветер раскаленный
с полусонного залива.
Дует ветер, раздувая
крепдешиновое платье,
дует ветер, раздавая
обещанья, что заплатит
за нелепую разлуку,
за тупое обнищанье,
дует, дует ветер-сука
над прощеньем и прощаньем –
над тропинкой, уходящей
в полутень дубовой рощи,
где любовь, как день вчерашний,
ярче видится и проще.

* * *

Ну, будет тебе. Нам хватит с лихвой
Блаженных мгновений годины лихой.
И горького привкуса наших побед
Уже наберется на тысячу лет.

* * *

На три четверти пройденный путь
не рождает и тень сожаленья –
все, что можешь забыть, – позабудь.
В бесконечном зеркал отраженьи
закольцованный жизни сюжет
не прочтешь ты ни слева, ни справа –
буквы черные с белых манжет
опадают, как листья с дубравы.

* * *

Памяти А. Гринберга

Когда я отмотаю отпущенный мне срок,
когда я долистаю последнюю страницу,
и истина простая проглянет между строк,
я выйду за порог, чтоб в небе раствориться…

* * *

Что мне поворот головы
и строго очерченный профиль?
Склонились усталые львы
над веком стальных философий,
над сумрачным веком солдат,
над веком безумных орудий,
где стал опаляющий ад
простой атрибутикой буден.

* * *

Мы не знали с тобою тогда, что почем,
и потом, что почем, мы не знали.
Ночевали, укрывшись дырявым плащом
в продуваемом ветром вокзале.
Наша жизнь на непрочный закрыта замок:
чуть сильнее толкнешь – и все настежь,

и висит, будто «вырванный с мясом звонок»,
да и карта идет черной масти.

* * *

Я устал от двадцатого века,
от его катаклизмов и войн.
Век-убийца, век-волк, век-калека,
я в тебе заблудился, хоть вой.
Что с того, что уже двадцать первый,
ведь все то же – сума и война,
злоба, зависть, и по небу нервно
желтокожая бродит луна.

* * *

Мы перешли с тобою грань веков.
Все меньше сил у нас, хотя еще мы в силе,
и не один десяток башмаков
мы на своей дороге износили.
Паршивое у века ремесло –
в костер вражды подбрасывать поленья.
Каким бы ветром нас куда б не занесло,
надеюсь, мы не станем на колени.

* * *

Смеркается. Между собакой и волком.
Попробуй, поди разбери,
где правда, где ложь, –
мы ищем иголку
при свете сгоревшей зари.

Да что говорить! Здесь слова не помогут,
и что здесь поможет вообще?
И все же искать в бездорожьи дорогу
безумцам в порядке вещей.

* * *

А я чем старше становлюсь,
тем становлюсь сентиментальней,
и этот снимок моментальный
все чаще навевает грусть.
Все чаще сдавливает грудь
бессонный груз воспоминаний,
былых имен, былых названий,
что ни забыться, ни вздохнуть…

* * *

А луч, скользя по подоконнику,
вдруг обнаружит, сколько пыли
за наш отъезд цветы бегонии
на плотных листьях накопили.

И это наше возвращение
в пространство выцветших обоев
вдруг обернется ощущением
безмерной близости с тобою.

* * *

Давай разделим время пополам,
назначив встречу точкою отсчета,
и выметем мы дней прошедших хлам,
чтоб не соврать друг другу ни на йоту.
Давай взлетим в шальные небеса,
и в этой синей голубиной выси
мы будем слышать птичьи голоса
и ощущать движенье каждой мысли.

* * *

Зачерпни журавлем из колодца
ледяной пустотелой воды.

Кто там знает, когда доведется
возвратиться нам в эти сады,
кто там знает, какое ненастье
предстоит нам на долгом пути…
А пока, в полушаге от счастья,
ты в колодец ведро опусти.

* * *

А намедни по реке проплыли плоты.
А намедни по тоске птицы не клевали.
Под откосом на траве спали я и ты,
а проснувшись поутру, долго целовались.
Ты неси меня, река, мой разбитый плот,
ты неси меня, река, к Чертовым порогам –
может, насмерть разобьет. Может, пронесет.
И когда чему черед, не понять, ей-богу.

Владимир Попович

Дневники пилигрима

* * *

«Меня разбудила бродячая тишь,
а черно-зеленый брезент у реки
луне виден был и лунатику. Мышь-
полевка шуршала у левой руки.
Средь мокрого в позднем рассвете песка
лежал человек, дремала душа.
День n-й, путь одинокий верша
сквозь тело, волной лепетал у виска»

* * *

«Пришлось ночевать в одной из долин.
Не знаю, но слышу исток.
Здесь только Тибета свят исполин,
а все остальное – в тебе. Восток.
Сужался с закатом безмолвный простор,
глуша голоса между склонами гор,
где буддами редко скрывались дома.
А дождь как будто сходил с ума»

* * *

«Степь зарастает щетиной лесов,
прыщами предгорий, ульями сел,
шепча мне ветрами «уф-ф-ф-философ…»
Я спотыкаюсь. Нужен осел.

Чуть выше меня замечает туман,
растерянный, в кисломолочных лучах;
прокашлялся гром духом осман;
прислушались камни. Тяжесть в плечах»

* * *

«Кто за бортом, тот уже не моряк,
бесстрастного же покидает ладья.
Каждый грек здесь тоже варяг,
а каждый варяг – южанам судья.
Цвет пристани тысячелетья живуч,
разбавленный наледью. (Подпись: «Октябрь»)
Выше лишь глубь нависающих туч,
где каждый из нас – дирижабль»

* * *

«Тот, кто встретит лучей первозданную весть,
на все годы поймет: лишь внутри него – раб.
Тело верно хранит беспокойную честь
в этом алом краю соломенных шляп.
Отрекись – будет целой твоя голова,
стань бессонным – и будешь печалью согрет.
Здесь тебя не погубит соседа молва –
здесь молвы и соседей нет»

* * *

«Я заметил, как мы в белоснежье имен
исчезаем вдыхающей зрелость весной.
Полуостров себя сотворивших времен
пропадает из виду. Потворствует зной.
Оставляя мыслителей вещим векам
и трагедии личности не ощутив,
уношусь к неоплакиваемым берегам
легионов, мыча неизвестный мотив»

* * *

«Прерия, полупустыни пролог,
тянет на север. Иду на рожон.
Будь ты здесь хоть первоклассный стрелок –
выстрелом кактуса будешь сражен.
Не на коне, так хотя бы верхом
сердце рассеешь на тысячи миль.
Скроются камни, поросшие мхом –
памятью флоры. Уляжется пыль»

* * *

«Сторона света – сама себе ген,
а герой-одиночка – сам себе ранг.
Каждый родившийся – абориген
с памятью, преданней, чем бумеранг.
Сколько в родимом краю ни сатрапь,
сядешь в гостях ты на зыбкую мель.
Здесь что ни берег – безбрежная рябь
бликовых вод до соседних земель»

* * *

«Все мы вышли, родные, из лука и стрел,
хоть индейцами были, конечно, не мы.
И закат в те века не горел, не пестрел,
и ни пира не знали тогда, ни чумы.
Но была многомирная тонкая связь
между космосом правды и камнем земли,
о которой народы войны отродясь
и посмертно мечтать не могли»

* * *

«Здесь пастуха не застанет король:
первый клянет за газоном газон,

ну а второй только властвует – в столь
globally век разделять не резон.
Впрочем, и этим исконным лугам
лишь чистокровные овцы родней.
Отдых даю беспокойным ногам.
Тьма неизбежна. За вечером дней»

* * *

«Ничего, что на мудрые мысли твои
с интересом глядит не купец, так факир.
В сочных зарослях, полных прохлады, ручьи
водопойные тихо наследуют мир.
И опоры его вразнобой затрубят
перед странной дорогой к ненужным местам;
даже странника грустью увенчанный взгляд
ничего рассказать не позволит устам»

* * *

«Промелькнул мой заблудший вдали караван
по барханам монотеистских начал.
Только раньше, я видел, как в джунглях саванн
повелитель зверей караваны встречал.
Что имеем, храним, закрома хороня,
издавая с когтистой поправкой устав.
Возрождается ночь. Я сижу у огня,
календарь сокровенного недолистав»

Самара

Александр Мардань

Самое вкусное – это начало

* * *

У тебя я умный, у себя не очень,
Всех своих ошибок я не вспомню к ночи,
Подводить итоги, значит, еще рано,
Нужно сделать полным жизни полстакана.

* * *

Меж нами океан, два моря,
Поля, овраги, горы и леса,
Меж нами неизвестная нам доля,
Слова, молчанье, смех и голоса.

Любимому городу

Снова дует восточный ветер,
Слышен запах твоих цветов,
Я надеюсь, что западный тезка
Донесет тебе рифмы стихов.

Ветры дуют, сменяя друг друга,
Подгоняя в пути корабли,
Где тропический шторм и где вьюга,
Там они над землею прошли.

А еще они гонят волны,
Не давая уснуть морям,
Помогая менять континенты
Самолетам и журавлям.

Жаль, что снова прибавил в весе,
Не подняться мне с ветром ввысь.
Не скучай без меня, Одесса,
И на ветер морской не сердись.

Разговор с собой про себя

Via est vita.
Дорога это жизнь.

День прошел. Не беги, не догонишь.
Жизнь прошла. Умирать не спеши.
Что донес до стола – не уронишь,
Что хотел рассказать – расскажи.

Расскажи про ошибки лихие,
Про любовь, что стеснялся сказать.
Про решенья свои роковые,
Про все то, что уже не отнять.

Не отнять ощущения и ласки,
Не отнимешь улыбки друзей,
Навсегда с тобой детские сказки,
Навсегда лица близких людей.

Ты ответь, если будет кто слушать,
Ты зачем в этот мир приходил,
Часто спать и изысканно кушать,
Или чем-то его удивил?

Удивил тем, что был непохожим
На таких же, как я, сыновей.
Пусть жестокой, но матери все же,
Где бы ни был, а помню о ней.

Удивил, что шагал я не в ногу,
Что натерли брехни сапоги,
Что кривую я выбрал дорогу,
На которой не видно ни зги.

Пройдя всю ее, сам удивился,
Начертив вслед за Данте круги,
Так зачем я на свет появился?
Может, скажешь мне, только не лги…

* * *

У них пока одни слова и только самое начало…
«Собака на сене». Лопе де Вега

На плечах Афродиты морская пена.
В ресторане над морем соната Шопена,
А в глазах напротив опасность плена.
Я не против. Рука легла на колено…

А колено это только начало,
Путь у рук, как правило, длинный.
Помню, как над нами чайка кричала,
И ноги наши в морской тине.

Может, птица нам что-то сказать хотела,
Да кто же поймет, что она прокричала,
И какое нам к чайке дело,
Когда самое вкусное – это начало.

Игорь Лосинский

Два танго

Che tango che

Che, Tango, Che,
rossée usée
abusée et désabusée
Che, Tango, Che.
Che Tango Che,
qui m'a draguée
qui m'a droguée
qui m'a croquée
Che Tango Che.

Che Tango Che,
limée minée

Эй, танго!

Эй, Танго, ты –
старье, нытье,
вранье и полузабытье,
ты, Танго, ты.
Эй, Танго, ты
меня зажгло,
меня влекло,
с ума свело,
ты, Танго, ты.

Эй, Танго, ты
давным-давно,

élimée et éliminée
Che Tango Che.
Che Tango Che,
qui m'a viciée
qui m'a violée
qui m'a virée.

Che Tango Che,
fauchée fichée
esseulée et deboussolée
Che Tango Che.
qui m'a frôlée
qui m'a affolée
et qui m'a flouée
Che Tango Che.

Tu m'as fait valdinguer
Tu m'as fait déglinguer
Tu m'avais déshabillée
Tu m'avais dévergondée

Tu m'as fait me pâmer
Tu m'as fait me paumer
Tu m'avais tanée
Tu m'avais matée

уже лет сто, как ты не то,
ты, Танго, ты.
Эй, Танго, ты –
в меня вросло,
меня спасло
и вознесло.

Эй, Танго, ты –
пьянило кровь,
но предавало вновь и вновь,
ты, Танго, ты.
Лишь ты могло
без лишних слов
мне делать зло.
Ты, Танго, ты.

Что меня манило?
Что меня сгубило?
Кто украл и совратил,
Кто меня приговорил?

Память мне не унять,
вспоминаю опять:
твои рыданья,
твое дыханье.

Tu m’as baratinée
Et tu m’as laissé rétamée

Che Tango Che
râpée tapée camée
cassée décarcassée
Che Tango Che.
Che Tango Che
qui m’a gâtée
qui m’a fêtée
qui m’a jetée
Che Tango Che.

Bandominée
bandorlotée
néon néant abandonée
Che Tango Che
qui m’a soûlée
qui m’a roulée
et m’a coulée
Che Tango Che
tango calin
tango éteint
tango destin
Che Tango Che.

Ты стало мной играть,
и мне ты научилось лгать.

Эй, Танго, ты
заставило страдать,
то жить, то выживать,
ты, Танго, ты.
Эй, Танго, ты
мосты сожгло
но мне назло
опять пришло,
ты, Танго, ты.

Аккордеон,
бандонеон
и скрипки стон…
Волшебный сон,
ты, Танго, ты.
Мой райский сад,
мой вечный ад,
мой сладкий яд –
ты, Танго, ты.
Танго мольбы,
танго беды,
танго судьбы.

qui m'a grisée
qui m'a brisée
mais qui m'a aimée
Che Tango Che.

Эй, Танго, ты,
порой дразня,
порой казня,
ты любило меня…
Ты, Танго, ты.

* * *

* * *

Por las noches, cara sucia
De angelito con blue Jean,
Vende rosas por las mesas
Del boliche de Bachín.

Si la luna brilla
Sobre la parrilla,
Come luna y pan de hollín.

Cada día en su tristeza
Que no quiere amanecer,
Lo madruga un seis de enero
Con la estrella del revés,

Y tres reyes gatos

Поздней ночью бедный мальчик
В синих джинсах продает
Розы парам в ресторане,
От стола к столу идет.

Свет луны холодный,
Ресторанчик модный,
Он луны сухарь жует.

Каждый день в своей печали,
И рассвету он не рад.
Для него в Крещенский вечер
В небе звезды не горят.

Три волхва в окошко

Roban sus zapatos,
Uno izquierdo y el otro ¡también!

Chiquilín, Dame un ramo de voz,
Así salgo a vendEr
Mis vergüenzas en flor.
Baleáme con tres rosas
Que duelan a cuenta
Del hambre que no te entendí, Chiquilín.

Cuando el sol pone a los pibes
Delantales de aprender,
Él aprende cuánto cero
Le quedaba por saber.

Y a su madre mira,
Gira que te gira,
Pero no la quiere ver.

Cada aurora, en la basura,
Con un pan y un tallarín,
Se fabrica un barrilete
Para irse ¡y sigue aquí!
Es un hombre extraño,

Не стучат, три кошки
На полу голодные лежат.

Мальчик мой, голос твой – как букет.
Подари лепесток.
Забери лунный свет.
Я опять куплю три розы,
Ты задашь вопрос мне,
Где наших страданий исток?
Мальчик мой…

Солнца луч тебя укроет,
Может быть, поймешь во сне:
Мир подлунный так устроен –
Никого с тобою нет.

Мимо твоя мама
В ночь идет устало.
Ты не смотришь ей вослед.

Ночь бросаешь, словно мусор.
Утром хлеб поешь с водой.
В небо рвется змей воздушный.
Ты один идешь домой!
Мой ребенок странный,

Niño de mil años,
Que por dentro le enreda el piolín.

Chiquilín, Dame un ramo de voz,
Así salgo a vendEr
Mis vergüenzas en flor.
Baleáme con tres rosas
Que duelan a cuenta
Del hambre que no te entendí, Chiquilín.

Сквозь столетья странник,
Ты в себе блуждаешь, мальчик мой.

Мальчик мой, голос твой – как букет.
Подари лепесток.
Забери лунный свет.
Я опять куплю три розы,
Ты задашь вопрос мне,
Где наших страданий исток?
Мальчик мой…

Море талантов на берегах Одессы

В этом году детский литературный конкурс «Море талантов» собрал более 300 работ юных литераторов Одесской области и Украины. В творческом состязании приняли участие школьники Одессы, Южного, Измаила, Беляевского, Тарутинского, Раздельнянского, Великомихайловского и других районов области. Оценивая стихотворения и прозу, главными критериями для жюри были оригинальность произведения, выдержанность стиля и грамотность изложения. Ребята, взяв за основу предложенные темы, увидели, насколько богат и разнообразен окружающий мир. И рассказали об этом в своих сочинениях. Интересное развитие получила тема «Быть человеком» (к 140-летию со дня рождения писателя, автора приключенческих рассказов и романов Джека Лондона), которая охватила широкую палитру чувств и эмоций, взаимоотношений людей. Екатерина Онуфриенко исследовала, что такое добро. Простыми словами, которые легко укладываются в ритм и размер, она выводит формулу: как выглядит Добро?

Юлия Байда, постоянный участник нашего конкурса, анализирует, каким бывает утро, приводя к заключению, что каждый творец своего счастья.

Рассуждая, каким должен быть настоящий человек, Татьяна Олейник выводит главные постулаты, исходя из своего жизненного опыта: что значит Человеком быть?

Екатерина Кнак, начиная рассказ о котенке, который нашел свою хозяйку, приводит слова Виктора Гюго: «Будьте человеком прежде всего и больше всего. Не бойтесь слишком отяготить себя гуманностью…».

На примере классиков ребята постигают литературу, учатся стилистически правильно излагать мысли, стараясь соответствовать высокому уровню поэзии. В то же время юные поэты экспериментируют со сло-

вом, обыгрывают ситуации, предлагая нам новое видение реальности. Театралогию времен года предлагает Владимир Толстиков, создает особое настроение, умело используя художественные приемы – метафору и олицетворение.

Одной из самых популярных тем конкурса стала «Сказку мне рассказали игрушки» (к 110-летию со дня рождения детской поэтессы и писательницы Агнии Барто). Оказалось, что играть можно даже с планетами. Тарас Стеценко представляет их друзьями с характерами и образом поведения. Едет к ним в гости и приглашает к себе. Но иногда, чтобы увидеть «большое», не надо улетать в космические дали. Любимые герои рядом с нами. У Сергея Кары оживает игрушка зайчик и дарит поучительную историю. Илья Розмерица теряет любимую игрушку лошадку, которая превращается в пони. Юные сказочники под стать Гансу Христиану Андерсену прислушиваются к предметам, которые рассказывают им истории. Прекрасную новеллу сочинил Лев Белоконь, в ней толстую неуклюжую виолончель, сыгравшую на концерте с саксофоном, все вдруг признают прекрасной. Вера Кудряшова пишет о приключениях елочки, которая хотела танцевать. И благодаря дружбе ее мечта исполнилась. Чудесное путешествие первокапельки придумала Алина Козаченко, наблюдая за тучами и дождем. Настя Стеценко обыгрывает названия Счастье, Мужество, Вдохновение, превращая их в героев сказки. В своих произведениях ребята создают свой мир, где происходят различные коллизии и всегда побеждает добро!

Ребята пишут о том, что их волнует, приносит радость. О домашних питомцах придумывают загадки Максим Толстиков и Лиза Енгибарян. Анастасия Кобельская ведет дневник кошки, которая ходит в Одесскую котофейскую школу № 1 во второй класс. А ее прадедушка Мурлыка был главным помощником у известного на всю Одессу академика Филатова. Авторы фантазируют, создавая веселые истории, которые подсказаны самой жизнью. В рассказе Ивана Иванова «Домашний инженер» велосипед просит мальчика сделать его полезным. Приспособив лапку-лопатку, «домашний инженер» обрабатывает на нем землю.

Хорошо написан рассказ Татьяны Руденко «Снеговичка», где через конфликт отношений проявляется настоящее чувство, когда брат бежит спасать сестренку, которая несется с горы прямиком в дерево.

Свое отражение в детском творчестве нашла тема «Золотые купола. Моя дорога к храму». Наталья Фучеджи представила этнографический

очерк о монастыре Богородицы – душе Бессарабии, который имеет свою легенду. «Пролетают года, проходят века и тысячелетия, а они, купола, так же отдают свой свет, посылают его на землю к людям, желая зажечь их сердца. Свет куполов спокойно, но уверенно пронизывает человеческие мысли, мечты, желания. Он проникает в души людей, согревая их своим теплом. Он вселяет веру тем, кто растерялся в пути, кто запутался в жизненной неурядице. Он поддерживает тех, кто готов творить благо, творить добро», – говорит автор.

Все работы, вошедшие в сборник «Море талантов – 2016», обладают ценным качеством – они самобытны, интересны, свежи своими задумками, хорошо оформлены. Благодаря педагогам, наставникам, преподавателям школ, студий, библиотекарям, ребята имеют возможность развивать свой талант, совершенствовать мастерство, создавая произведения, которые отражают сегодняшний день, мысли и надежды подрастающего поколения, перед которым открыта дорога в литературную жизнь.

Инна Ищук, член Национального Союза писателей Украины,
председатель Объединения детских писателей Одессы

Анастасия Кобельская, Одесса

Дневники кошки

31.03.2010

Здравствуй, дорогой дневник!

Нас в семье восемь человек: я, сестра Белоснежка, Джон, Уизли, Майкл, крошка Лили, мама Мурка и папа Роберт (по-домашнему – милый Робби). Забыла представиться: меня зовут Нюша. Я живу в Одессе на Рыбной улице.

Расскажу немного о себе. Мой прадедушка Мурлыка был главным помощником у известного на всю Одессу академика Филатова. А его дедушка был лучшим другом собачки Екатерины II. Мой дедушка Барсик открыл военный госпиталь, там до сих пор лечат по его методике.

Я хожу в Одесскую котофейскую школу № 1 во второй класс. Если честно, учусь я не очень хорошо. Скоро экзамены, а я практически ничего не знаю. По какому предмету? Да по всем! Увы! Что делать, не знаю. Может, Джон поможет…

01.04.2010

Мы переехали на улицу Марсельскую в недостроенный дом. Не удивляйся, дорогой дневник, ведь для кошачьей семьи нет ничего прекраснее недостроенного дома. Почему? Он будет рождаться прямо на наших глазах. Папа говорит, что мой брат успеет закончить школу, архитектурный факультет строительного института и достроит наш дом.

Я живу в одной комнате с Белоснежкой. Сейчас сестренка на охоте. Меня с собой не взяла. Вчера был первый экзамен по истории. Учитель строго посмотрел на меня из-под очков и спросил:

– Рыбкина, скажи, как звали кота Петра I?

– Эээээ… Ну… Кота? А кто такой Петр I?

– Ты плохо слышишь?! Или глухой прикидываешься?! Вопрос для особенно одаренных… Расскажи нам о временах рыцарей, которые боролись с Собако-Кусательными воинами.

– Вот это вопрос по мне! Конечно, это те самые воины, которые на лошадях ездили… С саблями… И они гавкали еще, если я хорошо это помню.

– Помнишь?! – вспылил учитель. – В каком веке ты родилась, Рыбкина?

– В двадцатом, кажется, – неуверенно ответила я.

– В двадцатом? А несешь ахинею! – перейдя уже на спокойный тон, продолжил: – Помнит она! Шестнадцатый век, она помнит!

– Я знаю наверняка, что рыцари рыбу жарили по очереди, когда дежурили на вахте. А вместо будильника – мяуканье.

– Что за мяуканье? – негодовал учитель истории.

– Часовые сидели, – уверенно отозвалась я, ведь терять мне было уже нечего. – На сторожевых башнях сидели, и если появлялся враг, мяукали.

– Мяукали, говоришь? Двойка. Иди, учи! – указывая на дверь, устало отозвался учитель.

И я пошла. Что оставалось делать?!

02.04.2010

Снова плохие новости. Экзамены по английскому и математике прошли на ура – получила по «лебедю». По английскому о каком-то глаголе to be надо было рассказать. А по математике – решить вагон задач устно! А когда мне было учить? Я ведь гуляла с подружкой Кетти по свалке.

Да, кстати, Мэра переизбрали. Все теперь по-другому! На каждой улице будет свой салон лапакюра. Блошиный квартал снесли, там будут строить новую мэрию. В театре устроили городскую администрацию. А госпиталь имени Барсика закрыли. Ради чего жил мой дедушка?!

03.04.2010

Дорогой дневник! Сегодня меня вызвали на стройку, я ездила за цементом на свалку № 1. На противоположной стороне от стройки в кафе «Упрямая сосиска» делают мороженое из авокадо. Дядя Эверест дал мне мороженого для всей семьи. Он директор, ему все можно. Когда я вырасту, тоже стану директором кафе! Мама посмотрела в дневник и сказала, что так не годится. А что, я сама этого не знаю?

Всю ночь я сидела над конспектами. Она мне задачу объясняет, а я ей автоматически машу головой, хотя не понимаю ни капельки. Может быть, моя кошачья голова совсем для этого не создана?

04.04.2010

Сегодня я решила посадить валерьяну. Представляешь, дорогой дневник, саженцы были с бутонами. Когда я закончила, начался дождь. А через полчаса выглянуло солнышко, на небе вспыхнула яркая радуга, и клумба валерьяны зацвела прямо на глазах! Чудо! Я собрала три букета. Один маме, второй Белоснежке, а третий бабушке Матильде.

Вечером мама устроила мне экзамен с пристрастиями по русскому языку. Все правила я теперь знаю назубок. Надеюсь, не подкачаю…

05.04.2010

Сдала последние экзамены. Только по русскому и кошачьему стоит «отлично». Результаты экзамена из дневника я переклеила сюда.

Русский – 10
История – 4
Математика – 2
Английский – 2
Ботаника – 12
Латынь – 12
Французский – 2
Кошачий – 12

06.04.2010

Сегодня закончилась последняя четверть. В честь окончания учебного года наш класс ставит оперу «Красная Шапочка». Я играю главную роль. Весь день разучивала роль.

10. 04 .2010

Опера. Дают «Красную Шапочку». Стою на сцене, пою свою партию под елью. Волк – мой друг Спаркс. Ах, вы не знаете Спаркса! Он вышел, наступил на подставку для елки и та, конечно же, упала на меня. Очнулась я в больнице «Into-Sana».

Дорогой дневник, что я могу сказать о своем везении? Его у меня просто нет. Видимо, я родилась на этот кошачий свет без везения…

01.05.2010

Дорогой дневник, извини, долго не писала. Гипс – штука гадкая! Был перелом правой передней лапы. Но ты не волнуйся, мне уже легче. Спаркс навещал меня каждый день. Сегодня он принес разноцветные гелевые шары-крысы, конфеты с рыбной начинкой и валерьянку. Все-таки здорово иногда болеть!

12.05.2010

Сегодня мне сняли гипс и перевели в детское отделение. Здесь у меня много друзей. Но я не забыла о тебе, дорогой дневник! Медсестра Марьяна принесла мне передачу от моей семьи. Молоко, бульон и бутерброды с селедкой и треской. Спаркс приходил и сказал, что у меня в августе переэкзаменовка, есть шанс перейти

в следующий класс вместе с ним. А если я буду хорошо учиться, дадут грамоту. Но это уже мечты…

13.05.2010

Ура! Я дома! Папа вернулся из командировки и каждому привез по шотландской юбке и берету. Блокнот кончается. Куплю новый! Буду продолжать тебе писать, дорогой дневник. А пока до новых встреч!

Роман Бродавко

Эмиль Гилельс: страницы жизни

19 октября исполнилось 100 лет со дня рождения одного из самых выдающихся музыкантов-исполнителей XX века, нашего земляка Эмиля Гилельса. О его жизни и творчестве написаны книги и сотни статей. Записи исполненных им произведений постоянно изучаются и становятся основой для современных интерпретаций классической музыки. Для многих пианистов его прочтение сочинений Л. Бетховена, Ф. Листа, К. Сен-Санса, К. Дебюсси, М. Равеля, П. Чайковского, С. Рахманинова, А. Скрябина, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, М. Вайнберга является эталонным. В них предстает «живой» Гилельс – тот, который завораживал тысячи слушателей у себя на родине и за рубежом. Гилельс – мыслитель, Гилельс – художник, Гилельс – личность, которая никогда не шла на компромиссы с властью и со своей совестью…

Родители Эмиля Григорьевича соединили свои судьбы не в первой молодости. Оба вдовцы, они поженились, имея детей от первых браков. Большая семья Гилельсов была крепкой. Здесь всегда заботились и помогали друг другу. В поле зрения, конечно, в первую очередь были младшие: Эмиль и Лиза, в будущем выдающаяся скрипачка Елизавета Гилельс, которая была на три года младше брата.

Отцу будущего пианиста Григорию Григорьевичу были свойственны мягкость, деликатность, сдержанность, в то время как мать Эсфирь Самойловна была человеком волевым, энергичным, настойчивым. Впоследствии эти качества удивительным образом сочетались в натуре Эмиля Григорьевича.

Родители Эмиля и Елизаветы не были музыкантами. Зато они сумели заметить одаренность детей и организовать их обучение

музыке. За это им честь и слава. Назвать отца и мать Гилельса далекими от музыки, как это делают некоторые биографы, не поворачивается язык. Эмиль Григорьевич вспоминал, что у отца был абсолютный слух, тонкое восприятие звучащей музыки. И еще каллиграфический почерк, благодаря которому отец переписал для сына «Токкату» Равеля, ноты которой Эмиль получил только на одну ночь.

В доме Гилельсов было фортепиано. Наверняка не как предмет обстановки…

К известному в Одессе педагогу Якову Ткачу четырехлетнего Эмиля привела старшая сестра. Ткач посчитал, что мальчик еще слишком мал, и попросил прийти через год. В пять лет Гилельс начал заниматься со своим первым учителем.

О личности Якова Исааковича Ткача известно немного. В молодые годы он учился в Париже у знаменитого пианиста Рауля Пюньо. Сам Пюньо был учеником Ж. Матиаса, занимавшегося, в свою очередь, у Шопена. Ткач был убежден, что музыкой заниматься надо с жесткой систематичностью. Он был уверен, что основы пианистической техники закладываются в детстве.

Ткач приучил своего ученика регулярно играть гаммы, и Эмиль Григорьевич это делал всю жизнь. Яков Исаакович первый предсказал Гилельсу его великое будущее и делал все, на что был способен, чтобы раскрыть его талант.

Ткач приходил к Эмилю домой поздно вечером, уставшим после многих уроков (формально он работал на Музыкальных курсах), но с ним он обретал второе дыхание.

Яков Исаакович занимался с Гилельсом до тех пор, пока мальчик окончательно не терял способности хоть что-нибудь воспринимать. Но при этом оба были воодушевлены: Ткач умел в нужный момент похвалить, поддержать своего воспитанника.

Серьезные занятия музыкой не мешали Эмилю быть живым мальчишкой. По воспоминаниям моей матери Г.С. Зильберглейт, которая в детстве жила в соседнем с Гилельсами дворе и дружила с Елизаветой Григорьевной, он часто играл с ребятами в футбол, шалил и выделялся среди них разве что огненно-рыжей шевелюрой…

В 1924 году Гилельс отыграл на Музыкальных курсах свой первый экзамен. В неполные восемь лет он исполнил все три части

сонаты Моцарта, этюд Черни и «Тамбурин» Рамо, а затем – «Военный марш» Шуберта-Таузига. На слушателей его игра произвела ошеломляющее впечатление. Не было сомнений в незаурядности юного пианиста.

Однажды Ткач сказал своего ученику, что верит: он будет великим артистом, поедет сначала в Москву, потом в Париж, Нью-Йорк… и его антрепренером будет знаменитый Сол Юрок, который устраивал концерты Шаляпина. Ткач не ошибся. Почти сорок лет спустя Гилельс признался: «Никогда не забуду, что Ткач помог мне поверить в свои силы».

А тогда у Эмиля шла обыкновенная повседневная жизнь: занятия в общеобразовательной школе, занятия у Ткача и посещение концертов – музыкальная жизнь Одессы в то время была очень насыщенной. Так, в 1927 году в наш город приехал на гастроли Сергей Прокофьев. Гилельс был на его концерте, и ему запомнилась прокофьевская игра «наотмашь». А Прокофьеву тогда, конечно, и присниться не могло, что в зале сидит мальчик, который станет первым исполнителем его «главной» – Восьмой сонаты. Тогда же слышали Прокофьева и Ойстрах, и Рихтер, на которых он произвел огромное впечатление.

Но пришло время, когда педагогические возможности Ткача оказались исчерпаны. Яков Исаакович понимал, что Гилельсу нужен другой педагог…

Из воспоминаний композитора К.Ф. Данькевича: «В последних числах мая 1929 года на заседание Одесской организации композиторов талантливый педагог Я.И. Ткач привел своего ученика, 13-летнего Милю Гилельса. О нем первый учитель говорил с необычайным волнением, как о выдающемся таланте. Мальчик смело сел за рояль и исполнил «Патетическую сонату» Бетховена. Несмотря на то, что мальчик не мог еще со всей глубиной раскрыть идейную сущность сонаты, его игра нас всех буквально потрясла. Уже тогда мы ощутили львиную хватку, стальной ритм, могучую энергию и солнечный темперамент 13-летнего пианиста».

Дата 11 июня 1929 года стала для Гилельса рубежной. В 1979 году он сам недвусмысленно заявил об этом, отметив пятидесятилетний юбилей творческой деятельности серией концертов в Одессе, Москве и ряде зарубежных городов.

В 1930 году Гилельс был принят в Одесскую консерваторию, в класс Берты Михайловны Рейнгбальд. Тогда ему еще не исполнилось четырнадцати лет. Юноша переживал «переходный возраст», в его характере проявлялись упрямство и своеволие. Тем не менее Берте Михайловне удалось обуздать строптивого подростка. Рейнгбальд навсегда стала для него не просто наставником, но и другом.

О том, каким был Гилельс в те годы, вспоминала его соученица по Одесской консерватории Л.Н. Гинзбург: «Наряду с известной зрелостью и сосредоточенностью в Эмиле проявлялись и свойственные возрасту мальчишеские озорство и – хотя он был немногословен – большое чувство юмора».

Рейнгбальд всесторонне воспитывала Эмиля. Она следила за его духовным развитием: давала книги, которые он должен был прочесть, знакомила с живописью, водила в театр. Берта Михайловна часто играла с Гилельсом в четыре руки, применяя этот испытанный метод воспитания музыканта.

Определенное влияние на Гилельса оказывали люди из круга Рейнгбальд. Здесь в первую очередь следует назвать музыковеда, профессора Б. Тюнеева и профессора-кардиолога А. Сигала. Они сразу же распознали в юном Гилельсе незаурядную личность и прикладывали максимум усилий для его творческого становления.

Из воспоминаний профессора Сергея Гешелина:

«В 1930-е годы юный Гилельс часто бывал в доме моих родителей – Александра Исааковича и Татьяны Яковлевны Гешелиных.

Моя мать дружила с педагогом Гилельса Бертой Михайловной Рейнгбальд…

В доме родителей был великолепный рояль, как-то связанный с именем С.В. Рахманинова: он то ли подарил его первой жене моего отца пианистке Эсфири Александровне Чернецкой-Гешелиной, то ли играл на нем в их петербургской квартире. Среди семейных реликвий, оставшихся у отца после смерти первой жены, хранились ноты с дарственными надписями композитора. И рояль, и ноты сгорели в 1941 году.

Именно здесь, в этом доме, на этом рояле проходили постоянные занятия мальчика Гилельса под руководством Берты

Михайловны. Они подолгу работали, репетируя перед выступлениями Эмиля. Обычно подряд исполнялось несколько пьес, потом Берта Михайловна что-то объясняла, реже – показывала сама, и ученик повторял эпизоды, фразы, пассажи, а иногда и отдельные ноты. Я не понимал, чего они добивались. По моим тогда еще совсем детским представлениям, невозможно было играть лучше, чем играет этот большой мальчик. Позднее я понял, что именно этот казавшийся мне ненужным труд и привел феноменальное дарование Гилельса к вершинам…

Изредка дома устраивались музыкальные вечера. Приходил профессор Александр Маркович Сигал, известный терапевт-кардиолог, отличный знаток музыки, дирижировавший спектаклями в оперном театре (теперь это выглядит неправдоподобно!); профессор Федор Маркович Чудновский, хорошо игравший на скрипке. Мой отец, профессор Одесского медицинского института, играл на виолончели, мать – на рояле. Иногда они музицировали, чаще – беседовали, спорили, обсуждали. Событием на таких вечерах были выступления молодого Гилельса, который приходил с Бертой Михайловной, и они, по-видимому, «прогоняли» программу будущего концерта.

Ираклий Андроников в одном из устных рассказов говорит об «атмосфере интеллектуального озона». Не опасаясь показаться нескромным, я полагаю, что эта броская метафора определяет атмосферу, которая царила в довоенном доме моих родителей. Думаю, что общение с людьми высокой культуры способствовало гармоничному развитию юного Гилельса, ставшего впоследствии одним из величайших музыкантов мира».

Между тем семья Гилельса жила в большой нужде. Платные «общедоступные» концерты, в которых Гилельс вынужден был участвовать, оплачивались мизерно. Однажды Берте Михайловне стало известно, что ее воспитанника видели играющим в ресторане. Это могло стать началом его пути в никуда. Надо было что-то предпринимать, и Рейнгбальд нашла выход. Она решила направить Гилельса на Второй Всеукраинский конкурс пианистов, несмотря на то, что по возрасту он не имел права в нем участвовать. Эмиль выступал там вне конкурса. Конкурс проходил в Харькове, тогда столице Украины. Одаренным участникам этого творческого

соревнования назначались солидные стипендии, и Гилельс получил персональную стипендию правительства Украинской ССР. Это стало для семьи Эмиля существенной материальной поддержкой.

Далее следовало показать Гилельса в Москве. Его привели к профессору Г.Г. Нейгаузу, однако игра Эмиля не произвела на него впечатления. В своих записках Рейнгбальд сообщает: «Зимой 1933 года, за несколько месяцев до Всесоюзного конкурса, я отправилась с Эмилем в Москву. Его прослушали. Оценка дарования была сдержанной».

Следующим важным этапом в жизни Гилельса стал Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей 1933 года. Участников было очень много. Только Москва представила свыше сорока пианистов. Из Ленинграда приехало двадцать человек… Представители столичных школ явно претендовали на призовые места. Однако Гилельса «услышали» сразу. Его игра завораживала. Когда Эмиль сыграл завершавшую программу фантазию Листа на темы из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», стало ясно, что этот одессит – единственный бесспорный лидер фортепианного конкурса. Члены жюри стоя аплодировали пианисту, которому тогда еще не исполнилось семнадцати лет.

На заключительный концерт лауреатов прибыло все правительство во главе со Сталиным. После концерта вождь пригласил Эмиля к себе в ложу, расспрашивал о его жизни и об учебе. Это была высокая честь!..

А для профессионалов и глубоких слушателей было ясно: рыжеволосый юноша из Одессы – это исключительное явление. Г. Гордон, автор интересной и глубокой монографии о великом пианисте, справедливо утверждает: «Эмиль Гилельс – человек нового, другого времени, другого мировосприятия, он нес в себе этот новый стиль, был его воплощением; он слышал свое время, и иначе не мог: так было ему «предписано». Потому и шли «звездные войны» вокруг его имени: от него ждали «похожего», знакомого, устоявшегося, – а он опрокидывал сложившиеся представления, и нелегко было многим – несмотря на убеждающую и, я бы сказал, подавляющую силу его искусства – расстаться со своими представлениями, казавшимися непоколебимыми и «единственно верными». Все новое не всегда ведь «единодушно одобряется».

В 1934-1935 годах Гилельс отправился на послеконкурсные гастроли. Они прошли успешно. Ему настойчиво советуют переехать в столицу, но Гилельс возвращается в родной город, к любимому педагогу. А после окончания Одесской консерватории все же оказывается в Москве: правительство Украинской ССР направило его в Школу высшего художественного мастерства – так в те годы называлась аспирантура.

Руководителем Эмиля в аспирантуре стал Генрих Нейгауз. Однако с Нейгаузом Гилельс общего языка не нашел, да и консерватория встретила его не слишком-то дружелюбно: он здесь был чужаком, который, опередив столичных студентов, стал знаменитым. Понадобилось время, чтобы все утряслось.

Столица втянула Гилельса в бурный водоворот культурной жизни – театры, концерты, выставки… Он жадно впитывал впечатления, которые расширяли его кругозор и способствовали совершенствованию его исполнительского стиля.

В 1936 году правительство направило двух одесситов: Эмиля Гилельса и Якова Флиера в Вену на международный конкурс пианистов. Первое место занял Флиер, второе – Гилельс. В те времена лауреатство имело значительно более высокую ценность, чем сейчас. Оно сразу ставило молодого музыканта в один ряд с мастерами. И еще: по мнению партийного руководства, советские музыканты – победители международных творческих соревнований олицетворяли преимущества нового общественного строя, который обеспечивает условия для выявления и воспитания талантов.

В 1937 году в Брюсселе состоялся международный конкурс скрипачей. Он был очень трудным, однако принес нашим музыкантам внушительные успехи. Победителем стал Давид Ойстрах, а призовые места завоевали Елизавета Гилельс, Борис Гольдштейн и Михаил Фихтенгольц. Все они – одесситы, ученики профессора П.С. Столярского.

Теперь очередь была за пианистами. В мае 1938 года в Брюсселе проходил международный конкурс пианистов. И вновь государство жаждало продемонстрировать перед всем миром «процветание социалистического искусства». На конкурсе победил Гилельс. Это был заслуженный успех, пришедший в результате

острой конкурсной борьбы. Двадцатидвухлетний Эмиль Григорьевич поразил жюри и публику глубиной и оригинальностью исполнительских трактовок, ярким темпераментом, виртуозным владением инструментом. Эта победа была бесспорной. С нее началась его мировая слава…

Когда началась война, Гилельс принял решение пойти на фронт. Как многие москвичи, которые не подлежали призыву в армию, он записывается добровольцем в народное ополчение.

Когда Сталину доложили об этом, он сказал о Гилельсе: «Вот настоящий герой». На фронт Гилельса, несмотря на его желание сражаться с врагом, не пустили…

Но Эмиль Григорьевич действительно был героем, который не боялся заступаться за тех, кто подвергался репрессиям. В 1998 году сын Бориса Пастернака Евгений Пастернак опубликовал переписку своих родителей. Письма он скрепил собственными комментариями и воспоминаниями. Читаем: «14 октября он [Борис Пастернак] выехал из Москвы в Чистополь как член Правления Союза писателей, которое было особым распоряжением эвакуировано в страшные дни немецкого наступления на Москву. Неподчинившиеся указу об эвакуации подвергались опасности ареста со стороны НКВД – как «предатели», ждущие прихода немцев. Особенное подозрение вызывали лица немецкого происхождения. Многие были расстреляны в те дни. Через несколько дней после папиного отъезда арестовали Генриха Густавовича Нейгауза. Заступничество Эмиля Гилельса спасло его от гибели».

Нейгауза держали в тюрьме на Лубянке, и ему грозил расстрел. Ситуация очень напоминает ту, которая сложилась в Одессе с Теофилом Рихтером, которого расстреляли. Заступиться за учителя-немца было подвигом. Но тогда Гилельс выполнил то, что считал своим долгом. Дочь профессора Нейгауза М.Г. Нейгауз так описала подробности тех дней:

«Во время войны, когда Генриха Густавовича арестовали (4 ноября 1941 г.), Эмиль Григорьевич продолжал навещать нас. Тот, кто жил в то время, помнит, как многие боялись даже здороваться с родственниками арестованных. И действительно, встречаться с ними было опасно: могли случиться самые неожиданные непредсказуемые последствия, вплоть до ареста. И только очень

мужественные люди приходили в дом, где кто-то был арестован. Э.Г. Гилельс принадлежал к числу таких людей.

Когда впервые разрешили передачу в тюрьму для Генриха Густавовича в голодные дни апреля 1942 г., Эмиль Григорьевич принес большую коробку папирос и батон колбасы».

Каким же образом Гилельсу удалось отстоять Нейгауза? Он сделал самый рискованный шаг. После концерта в Кремле, на котором играл, он пожаловался самому Сталину: арестован его профессор, несправедливо, нельзя ли его освободить? Сталин долго медлил с ответом, покуривая трубку; наконец изрек: «С этим вопросом больше ко мне не обращайся». Это был приговор. Все, никакой надежды.

Прошло несколько месяцев. Снова концерт в Кремле – в присутствии приехавшего в Москву Уинстона Черчилля. В этот вечер Сталин был в хорошем настроении – шутил, посмеивался… И Гилельс решился. Он подошел к Сталину, рядом был Черчилль. Вдруг Сталин обнял Гилельса за талию и произнес: «Вот, говорят, у Гитлера хорошо поставлена пропаганда… У Гитлера есть Геббельс, – а у меня есть Гилельс!». Тут-то Гилельс и повторил свою просьбу. Сталин выслушал и подозвал Поскребышева: «Надо помочь человеку…». Все было сделано незамедлительно. Никакие другие ходы не могли иметь такого действия. Нейгауз был выпущен из тюрьмы, но «взамен» отправлен на Урал, за Свердловск, на тяжелые работы».

В годы войны Гилельс ведет активную концертную деятельность. В 1943 году одним из первых он летит в блокадный Ленинград. На его концертах Большой зал филармонии был переполнен. Рассказывали, что, когда Гилельс играл, слушатели не замечали артиллерийской канонады. Наряду с классикой Эмиль Григорьевич исполнял новые произведения. В самом начале 1943 года представил премьеру недавно законченной Седьмой сонаты Прокофьева Святослав Рихтер. Следом за ним в этом же году сонату сыграл Гилельс. «Чрезвычайно требовательный к исполнителям, – писал Я. Флиер, – Сергей Сергеевич восторженно отзывался об игре Гилельса. Помню характерную для Прокофьева фразу, сказанную им в Большом зале консерватории после того, как прозвучала Седьмая соната. «Отлично разыграл сонат-

ку», – произнес он дважды, с довольным видом потирая руки…» И здесь же Прокофьев сказал, что он хотел бы видеть Гилельса первым исполнителем своей новой, следующей фортепианной сонаты. Прошло совсем немного времени, и осенью 1944 года композитор передал Гилельсу рукопись Восьмой сонаты – самой сложной и значительной из всех им созданных. Гилельс быстро выучил ее и через два месяца, 30 декабря, накануне победного 1945 года, блистательно исполнил в своем концерте в Большом зале Московской консерватории.

О личной жизни известных людей в СССР не принято было распространяться, о ней только шептались или сплетничали. И все же, опираясь на факты, историки искусства должны правдиво и корректно говорить о том, как складывалась личная жизнь героев их исследований.

В 1940 году Гилельс женился на пианистке Розе Тамаркиной. Она, как и Эмиль, в детстве проявила исключительные способности к музыке. В 1925-1931 училась в школе 1-й ступени Киевской консерватории, в классе Н.М. Гольденберг, затем была принята в «Особую детскую группу», организованную при Московской консерватории А.Б. Гольденвейзером, в класс А.Д. Артоболевской. Уже в 1933 Тамаркина приняла участие в Первом Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, где получила специальную премию (по возрасту она не могла считаться полноправной участницей конкурса), а через два года, уже будучи студенткой Гольденвейзера в Московской консерватории, она уверенно заняла первое место на Втором конкурсе.

Поистине триумфальным стало выступление 16-летней Тамаркиной на Третьем Международном конкурсе имени Шопена, проходившем в Варшаве в феврале-марте 1937 года. Блестяще исполнив конкурсную программу, пианистка завоевала симпатии публики и жюри (в числе судей были Генрих Нейгауз, Эмиль Зауэр, Вильгельм Бакхауз) и получила вторую премию, уступив лишь Якову Заку. Польская газета «Kurjer Warszawski» писала: «Исполнение Розы Тамаркиной наделено эмоциональными чертами уже сложившейся художественной индивидуальности, которая бы сделала честь не одному взрослому пианисту».

Вскоре по возвращении из Варшавы ее награждают – «за исключительные успехи в области музыкального искусства» – орденом «Знак Почета». Студентку, не достигшую еще двадцатилетнего возраста, в 1939 г. избирают депутатом Моссовета. В 1940 она с отличием оканчивает консерваторию и поступает в аспирантуру сначала к Гольденвейзеру, а в 1943 переходит в класс Константина Игумнова. Во время войны, находясь в эвакуации вместе с коллективом консерватории, Тамаркина продолжает концертную деятельность, в конце 1942 играет концерт в Москве.

Брак Розы с Гилельсом оказался несчастливым. В 1943 году они расстались.

С 1947 Тамаркина начала преподавать в консерватории, не прекращая выступлений, однако неизлечимая тогда болезнь (лимфогранулематоз), первые признаки которой начали появляться еще в начале 1940-х, привела к ее скорой смерти. Она скончалась в 1950 году.

О большом чувстве, которое испытывал Эмиль Григорьевич к Буне Абрамовне Гиршберг, стало известно относительно недавно, когда ее дочь опубликовала письма Гилельса, адресованные матери.

Буня Гиршберг родилась в 1914 году в Лиепае (Либаве) в многодетной семье. В юности она сначала была активисткой сионистского молодежного движения, а потом, в 1931 году, увлеклась революционной деятельностью, состояла в подпольной комсомольской ячейке. В 20 лет Буня оказалась в тюрьме и провела там полгода. После освобождения из заключения она окончила медицинское училище и работала в еврейской больнице Лиепаи.

В ноябре 1940 года Буня вышла замуж за директора банка Гирша Маркса. Ее замужняя жизнь не продлилась и года. С приходом в Латвию немцев Гирш пошел в ополчение, попал в плен. Фашисты повесили его как еврея и коммуниста. Однако перед уходом в ополчение он успел посадить Буню в эшелон, который отправлялся в Киров (Вятку). Не успевшие эвакуироваться мать Буни и две ее сестренки попали в гетто и погибли.

…В начале 1944 года Эмиль Гилельс, выступавший с концертными бригадами в разных воинских частях, прибыл в Киров. У него неожиданно разболелась кисть руки. Ему сказали, что в городе есть хороший массажист, и привели к Буне Маркс. Так они

познакомились. Там, в Вятке, начался их роман, который длился полтора года… О нем было известно матери пианиста Эсфири Самойловне, сестре Лизе, Давиду Ойстраху и другим близким.

О том, насколько чувства Эмиля Григорьевича к Буне были глубокими и искренними, свидетельствуют 19 писем, которые относительно недавно опубликованы в Израиле дочерью Буни.

…Особой сердечностью и нежностью проникнуты строки Гилельса, обращенные к Буне:

«Мне сейчас очень тяжело, во-первых, оттого, что тебя нет со мной рядом, а во-вторых, обстановка и тяжелые задачи, которые я должен решить в течение этого месяца, очень развинтили меня. К сожалению, моя профессия очень требовательна, а сейчас некстати жестока ко мне.

Масин (так ласково называл он Буню Абрамовну. – **Р. Б.**), моя единственная, мне так тебя не хватает… Мне хочется с тобой поговорить, быть вблизи… Ведь сегодня у меня абсолютно нет человека дороже тебя…»

Что послужило причиной разрыва отношений, доподлинно неизвестно. Через много лет на вопрос дочери: «Почему ты не связала свою жизнь с Гилельсом?» – Буня Абрамовна ответила: «У него был сложный характер, и я побоялась…». Возможно, были и какие-то другие причины, однако всю жизнь эта женщина с теплотой вспоминала об Эмиле Григорьевиче, пристально следила за его концертной деятельностью.

После войны Эмиль Гилельс женился на Фаризет Хуцистовой – выпускнице Московской консерватории по классу композиции. Она была настоящей хранительницей их домашнего очага. Фаризет Альмахситовна была незаурядной личностью. Она писала стихи и всю жизнь занималась систематизацией архива Эмиля Григорьевича, причем каталогизировала все его письма и программы (и даже медицинскую документацию). Она также составила полный хронограф концертов Эмиля Гилельса за 50 лет.

В этом браке родилась дочь Елена. Она окончила Московскую консерваторию по классу Я. Флиера, стала лауреатом международного конкурса в Монтевидео в 1972 году.

Елена Гилельс была концертирующей пианисткой, гастролировала по всему миру, выступала в дуэте с отцом. Кроме того,

Елена преподавала в Московской консерватории и в Остравском университете (Чешская Республика). Она умерла в 48 лет от онкологического заболевания, а вскоре после этого, 22 сентября 1998 года, в Москве от ишемической болезни сердца ушла из жизни и ее мать, которая не перенесла тяжелую утрату.

Но вернемся к Эмилю Григорьевичу. С начала 1950-х он начал регулярно гастролировать на Западе и вошел в мировую исполнительскую элиту, с триумфом выступая в музыкальных столицах мира с лучшими оркестрами и ведущими дирижерами.

Репертуар Гилельса был необычайно широким и включал практически всю фортепианную литературу от И.С. Баха и Д. Скарлатти до музыки XX века.

Особыми достижениями Гилельса были интерпретации виртуозных сочинений Ф. Листа (запись фантазии на темы из оперы В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро» стала сенсацией), сочинений К. Сен-Санса, К. Дебюсси, М. Равеля, П. Чайковского, С. Рахманинова, А. Скрябина, С. Прокофьева, Д. Шостаковича и М. Вайнберга.

Гилельс играл и записывал сочинения Д. Кабалевского, Ф. Пуленка, П. Владигерова. Особое место в его репертуаре занимал Л. Бетховен, чьи концерты для фортепьяно с оркестром он многократно исполнял и дважды записал. В последние годы жизни Гилельс записывал все сонаты Бетховена, но не успел завершить эту работу.

Гилельс был не только ярким солистом, но и тонким камерным исполнителем. Среди его партнеров были скрипачи Л. Коган, Елизавета Гилельс, виолончелист М. Ростропович, квартеты имени Л. Бетховена, имени А. Бородина и «Амадеус»…

С 1938 года Эмиль Григорьевич преподавал в Московской консерватории, сначала как ассистент Нейгауза – и здесь ярко проявился его педагогический дар.

В конце 80-х годов мне посчастливилось говорить о нашем великом земляке с его ученицей пианисткой Мариной Мдивани, которая приехала в Одессу на гастроли. Марина Викторовна называла Эмиля Григорьевича не иначе как «мой дорогой профессор». По ее словам, занятия с Гилельсом были наполнены светом. Он никогда не навязывал своего мнения, не раздражался, когда что-то у студента не получалось, он спокойно рассуждал, приво-

дил аргументы, которые оказывались бесспорными. Очевидно, взяв на вооружение педагогические принципы своего наставника Б.М. Рейнгбальд, он часто играл со студентами в четыре руки.

– Мой дорогой профессор был исключительно порядочным человеком, – говорила Марина Мдивани. – Он всегда был выше интриг и сплетен, которые распространялись в консерваторской и шире – московской музыкальной среде и портили жизнь многим талантливым музыкантам. Это не означает, что они не раздражали его. Многие несправедливости, а порой и откровенное хамство по отношению к нему рубцами ложились на его сердце. Но внешне он был всегда выдержанным и спокойным. И всегда во главу угла ставил музыку.

Будучи членом партии, лауреатом Ленинской и Государственных премий, народным артистом СССР, Эмиль Григорьевич никогда не прогибался в угоду политической конъюнктуре. Еще в 1953 году, в сталинские времена, Гилельс отказался подписать коллективное письмо советских евреев, осуждавшее врачей-вредителей. Эмиль Григорьевич мог жестоко поплатиться за это, но он никогда не шел против совести…

Честность и принципиальность Гилельса ярко проявлялись на международных конкурсах, где он возглавлял жюри. Его мнение, его авторитет, его полная незаангажированность приводили к объективным результатам. А главное – дальнейшая концертная деятельность конкурсантов-лауреатов доказывала правоту Эмиля Григорьевича.

Еще об одном эпизоде из жизни Гилельса нельзя не вспомнить. В 1944 году покончила с собой Берта Михайловна Рейнгбальд. Надо ли оговорить, с какой болью воспринял известие об этом Эмиль Григорьевич!..

Обратимся к известному одесскому краеведу и писателю Александру Юльевичу Розенбойму:

«…Ученики Берты Михайловны вознамерились было поставить памятник на ее могиле, но, как оно часто бывает, чем больше людей собираются что-либо сделать совместно, тем трудней им договориться. Кончилось тем, что приехал Эмиль Гилельс и поставил изящный беломраморный памятник с лаконичной, лишенной сусальных кладбищенских сантиментов, надписью:

«Дорогому учителю и другу». Но все это было уже много позже. На трагедию в Одессе соболезнующими телеграммами отозвались коллеги, друзья, знакомые – порядочные люди разных профессий и национальностей: актер Михаил Астангов, историк Милица Нечкина, пианисты Генрих Нейгауз и Яков Флиер, композиторы Арам Хачатурян и Дмитрий Шостакович, академик Филатов, профессор Елена Гнесина… И только в родной Берте Михайловне Одессе ни в одном из двух выходивших тогда местных партийных изданий, ни в «Большевистском знамени», ни в «Черноморской коммуне», не нашлось нескольких квадратных сантиметров газетной площади и самой маленькой черной траурной рамки для того, чтобы почтить память покойной…

Осенью 1974 г. исполнилось 30 лет со дня гибели Берты Рейнгбальд, и Гилельс приехал в Одессу дать концерт памяти своего Учителя, и хотел, чтобы это было отражено на афише. Руководство города отказалось это сделать. Дело дошло до обкома партии, который категорически был против упоминания имени Рейнгбальд. Тогда Гилельс заявил, что концерта не будет. В об-

коме поняли, что будет скандал, и отступили. Концерт состоялся, на афише было написано: «В память профессора Б.М. Рейнгбальд». Гилельс вышел на сцену с черной траурной повязкой и играл любимые произведения своего учителя. Но в местной прессе не было ни одной рецензии: не было велено!

Гилельс говорил: «Слово *учитель* – высокое слово. Таких учителей-музыкантов, которые шли бы на самопожертвование, в истории педагогики единицы. Я учился у трех педагогов. Один из них был истинным учителем: этим Учителем с большой буквы была Берта Михайловна».

В 1960-1970-х годах Гилельс стал одним из наиболее востребованных в мире советских музыкантов. На гастролях по стране и на зарубежных гастролях он проводил около девяти месяцев в год. В 1981 году после одного из концертов в Амстердаме у Эмиля Григорьевича случился инфаркт, от которого ему так и не удалось полностью оправиться, хотя со временем он вернулся к концертной деятельности. Его последнее выступление состоялось в сентябре 1985 года в Хельсинки.

Гилельс скончался в Москве 14 декабря 1985 года.

Гении всегда уходят непревзойденными. Они – вне сравнений. Новые поколения рождают новых великих людей. Но они, другие, в той или иной мере несут в себе некоторые черты своих предшественников. В этом проявляется преемственность исполнительских традиций. «Мимо Гилельса» пройти нельзя. Он – один из самых выдающихся музыкантов в истории музыки, оставивший в ней неизгладимый след.

К 120-летию с дня рождения В. Катаева

Валентина Голубовская

Поезд с белой табличкой «Одесса»...

Уже тридцать лет как умер Валентин Петрович Катаев, а интерес к нему не пропадает. И о его книгах, и о нем пишут. Только за последний год (может, два) вышло три книги. Книгу С. Мнацаканяна даже не видели. Не все доходит до нашей «глухой провинции у моря». Привезли нам книгу автора, фамилию забыла, прочитав которую, сразу вспомнилось из Достоевского: «Как можно жить с фамилией Фердыщенко?». Ну да, бог с ней, с фамилией. Уж какая досталась. Но с названия – беспардонного – и с первых же страниц такая нескрываемая тенденциозность, что книгу, дальше не читая, отложила.

Но с огромным интересом прочла книгу Сергея Шаргунова «Катаев: погоня за вечной весной» в серии ЖЗЛ.

В предисловии к книге автор пишет: «Исследуя судьбу Катаева, я пытался почувствовать и вернуть воздух и вихрь времени, главные события русского 20 века».

На мой, читательский, взгляд, ему, Сергею Шаргунову, это удалось.

Я ничего из написанного этим автором прежде не читала. Поэтому не испытывала никаких дополнительных эмоций, навеянных прошлыми впечатлениями от его текстов.

Делюсь своими впечатлениями, ассоциациями, навеянными этой книгой.

...Катаев пришел ко мне, как и ко многим моим сверстникам, в раннем детстве. На книжной полке у нас среди других книг стоял «Белеет парус одинокий» довоенного издания, но не первого с флажками расцвечивания – «Порт Онфлер» А. Марке, а просто – белый парус на голубом фоне.

Сергей Шаргунов пишет о «Белом парусе…»: «Да, конечно, сюжет идейно выверен, закручен вихрем 1905 года. …И все-таки есть что-то сильнее сюжета, страстно-лихого, порой до гротескности мультипликационного, с чудесными победами: то прыжок за борт, то взрыв стены (катаевская тема – преодоление тюремных стен). Не заслоняет ли все сладкий пейзаж: таинственное море с парусом?..».

Я не перечитываю любимые книги детства, чтобы сохранить в памяти их очарование, восторг, смех и слезы, пролитые над ними.

«Белеет парус…» до сих пор помню, кажется, наизусть. Уже гораздо позже, став взрослой, я поняла, почему мне была так дорога именно эта книга. В ней был, наверное, сладкий «узнаванья миг». Будничные реалии неизбалованного послевоенного детства преображались страницами книги.

В квартале от нашего дома на Гимназической красивое здание, в высоких окнах которого видны были пугавшие меня скелеты животных. Это был анатомический кабинет сельхозинститута. Кто-то из взрослых сказал: «Когда-то это была 5-я гимназия». О, рядом с нами! Наша тихая улочка в три квартала на старых картах называлась Безымянным переулком, пока в конце 19 века не построили здание гимназии. Так она и стала Гимназической, хоть не раз в 20-м веке меняла название. И мы радовались, что сохранилась на угловом доме, напротив бывшей гимназии (дом Галюзмана – деда Виктора Корченова), синяя эмалированная табличка – Гимназическая. И Куликовое поле, еще не ставшее таким страшным символом в нынешние дни, тоже рядом. И аптека на углу Канатной и Базарной, мимо которой проезжали Петя с Павликом и отцом, возвращаясь из Аккермана. «Сбегай на Канатную, в аптеку. Купи цитрамон (аспирин и т. п.)». Бегала, но со страхом: в аптеке стоял на прилавке стеклянный шар с водой, в которой змеились черные пиявки. Аптека еще недавно работала. Теперь стоит опустевшее одноэтажное здание с биографией. Явно под снос. А Ближние Мельницы в детстве казались краем света.

Надкусанные Павликом пряники на рождественской елке – мне это очень нравилось. Я однажды с гордостью сказала: «У нас на елке все пряники надкусанные». Начитанная одноклассница поймала меня на вранье: «Это не у вас, это в «Белеет парус одинокий»!».

Так много еще сохранялось в послевоенной Одессе реалий из книги Катаева – от возгласов в одесских дворах «Паяем, починяем!» и «Дыр-дыра!» до слюдяных дорожек, прокладываемых равликами-павликами, как на заборе дачи Маразли на Французском бульваре. И «Жили-были три китайца…» сохранилось до наших детей и внуков.

Вот эта удивительная достоверность каждого предмета, цвета, оттенка, запаха, звука воспринималась в детстве не рационально, а интуитивно, чувственно.

Я прочла далеко не всего Катаева, что-то даже из прочитанного, написанного после «Паруса» в 40-50-е годы, забылось, следа не оставило. Кроме одного рассказа 1946 года, «Отче наш».

Одесса, оккупация, мама с мальчиком совершает круги по зимней выморочной Одессе. В поисках укрытия. Но нет для них ни укрытия, ни спасения. Последнее пристанище – скамейка в оледеневшем Александровском парке…

«…Потом солдаты раскачали и легко бросили мальчика с подогнутыми ногами. Он стукнулся о женщину, как деревянный, и даже немного подскочил.

Когда грузовик отъезжал, в рупоре уличного громкоговорителя пропел петух, возвещая начало нового дня. Затем нежный детский голос произнес с ангельскими интонациями:

– С добрым утром! С добрым утром! С добрым утром!

Потом тот же голос, не торопясь, очень проникновенно прочел по-румынски молитву господню:

– Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя твое, да приидет царствие твое»…

Сергей Шаргунов резонно, на мой взгляд, замечает: «Если бы не его новая проза, взялся бы я за эту биографию?».

С начала 60-х годов – взрыв интереса к Катаеву, к его новой прозе. Читалось все, выходящее из-под его пера. Среди знакомых, не о литературной критике речь, хоть и она читалась, реакция была разной. Кто-то смеялся, узнав в человеке-дятле прототип – Сергея Михалкова, кто-то обижался на Катаева за Мандельштама, в частности за фразу «И я хочу экутэ»… Но Катаев был среди немногих, помогавших Мандельштаму. Об этом писала Надежда Яковлевна. И Шаргунов пишет: «17 мая на единственном запротоколированном допросе Мандельштам

показал: «материальную поддержку мне оказывали братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов»…

Упоминание Катаевым клиники дю Буше (в старых справочниках «Вся Одесса» фамилия знаменитого врача писалась Дю-Бюше) не прошло незамеченным. В 60-е годы на чердаке клиники нашли пачки ленинской газеты «Искра». Сколько было статей об этом! Для библиофилов клиника Чарльза дю Буше оказалась связанной с русской поэзией. В дочь доктора Елену был безответно влюблен Николай Гумилев. Ей посвящен цикл стихов «К синей звезде», вышедший отдельным сборником в 1923 году, после гибели поэта.

В Отраду, мимо клиники дю Буше, сворачивая с Ясной на Уютную, проходя мимо дома Евгения Ермиловича Запорожченко – Женьки Дубастого, – мы полвека ходили в любимый дом-друзей – Сергея Зеноновича и Галины Григорьевны Лущиков. Это осталось с нами навсегда.

Может быть, таких благодарных читателей, как одесситы, у Катаева не было, хоть было их у него великое множество. И таких знатоков всех одесских реалий. Поэтому в книге С. Шаргунова С.З. Лущик не раз с благодарностью упоминается. В книге много упоминаний одесситов, которые либо встречались с В. Катаевым, как Аркадий Львов, либо писали о Катаеве и встречались с ним, как Александр Розенбойм, либо, как Семен Лившин, написавший пародию «Алмазный мой кроссворд». И Олег Губарь. «Одесский краевед (краеведов Губарь зовет «короедами». – **В. Г.**) Олег Губарь, – пишет С. Шаргунов, – нашел фольклорные стихи 1920-х годов «Бунт в Одесской тюрьме»:

Раз в ЧК пришел малютка,
Стал он плакать и рыдать:
«У меня дела не шутка,
Я ищу отца и мать»…

и т. д.

Олег Иосифович – исследователь, историк и знаток Одессы с момента ее основания, пушкинской поры, Одессы времен ее расцвета в 19-м веке. Кажется, не только со всеми знаменитыми персонами был знаком, мог бы раскланиваться с ними, попади волшебным путем в *ту* Одессу, знал, кто чем владел, какого роду-племени был… Просвещенные одесситы это знают.

Пожалуй, первым откликом из Одессы на вышедший в 1982 году «Юношеский роман» В. Катаева была публикация в журнале «Юность» в 1986 году.

Это, конечно же, очень одесская и очень лирическая книга. Первая мировая война, фронтовые переживания и госпиталь, но, прежде всего, любовь.

Этот роман можно было бы считать документальным, ведь построен он на подлинных письмах и стихах, которые Ирэн Алексинская, прототип Миньоны, отдала Валентину Катаеву (по роману – Саше Пчелкину) в начале 20-х годов. А может, это литературный прием? Может, письма, составляющие книгу, написаны в 1981 году?

Но вот статья Евгения Голубовского и Анатолия Дроздовского «Юношеский роман» (Письма Валентина Катаева с фронта первой мировой войны, не вошедшие в книгу), опубликованная в журнале «Юность» в сентябре 1986 года. Она была послана в журнал при жизни писателя, в декабре 1985 года, а напечатана была через пять месяцев после его кончины. Несколько писем, сохранившихся в доме на Пироговской, 3, где жили и Алексинские, и Катаевы, не отданные в двадцатых. Они заполняют пробелы в этом документальном (подчеркиваю) романе.

Влюбленностей у Катаева в те годы было много, переписывался он и с сестрами Шамраевскими, и с Зоей Корбул.

Но вот отрывок новонайденного письма в стихах:

Ирэн, я видел вас во сне
И нынче полон только вами,
Как хорошо, как славно мне
Писать о вас, Ирэн, стихами!

В 1927 году 27-летняя Ирина Алексинская умерла от туберкулеза. И какое-то мистическое соединение с Катаевым. Она была похоронена на Втором кладбище, в ограде, рядом с родителями Валентина Катаева.

Может, напрасно Сергей Шаргунов постоянно подчеркивает, что Алексинская была генеральской дочкой. Влюбленность не признает сословных рангов. А смерть уравнивает всех.

Позже появилась публикация в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» Евы Красновой и Анатолия Дроздовского «Весен-

ние» юношеские стихи В.П. Катаева». И книга Алены Яворской «Влюбленный Валентин». И другие публикации.

Я говорю по телефону с Милой, женой (рука не поднимается написать – вдовой) Александра Розенбойма, и рассказываю, что читаю книгу о Катаеве, где много упоминаний о Саше. В частности, мне нравится сюжет, в котором Саша спрашивает Валентина Катаева о его самой первой жене Людмиле Гершуни, брак с которой длился всего восемь месяцев: «…тот вскинулся: «Откуда вы знаете?!». Милочка тут же мне отвечает: «Гершуни покончила с собой». Что значит быть столько лет женой Александра Юльевича! Я ведь ей не сказала, что у Шаргунова написано: «Лущик и Розенбойм утверждали: «После разрыва с Катаевым она покончила с собой…».

«Катаев никому не говорил о Людмиле, – пишет Шаргунов и через несколько строчек добавляет: – Об этом браке дети Катаева услышали от меня…».

Печально. Эту книгу уже не прочтут Лущик и Розенбойм. Сколько часов прошло бы в разговорах о ней, добавленных ими подробностях, деталях и прочего интересного…

Когда вышел «Алмазный мой венец», не раз спрашивали: «Кто такой «эскес»? Первым назвал настоящее имя – Семен Кесельман – Сергей Лущик. У него хранился архив Кесельмана. Несколько лет назад был издан сборник стихов и рисунков Семена Кесельмана, хранившихся в этом архиве, – «Стеклянные сны».

Один эпизод, о котором пишет автор книги, ссылаясь на Сашу Розенбойма, – последний приезд В.П. Катаева в Одессу. Это был апрель 1974 года, Валентин Катаев с женой приехали в Одессу 8 апреля – их официально пригласили власти на тридцатилетие освобождения Одессы от оккупантов. На 10 апреля. Я хорошо помню этот приезд по Жениному рассказу.

Голубовский поехал на вокзал, к поезду, чтобы попросить Катаева об интервью для «Вечерней Одессы». Я с нетерпением ждала Жениного возвращения. Кроме Жени был кто-то из Одесского отделения Союза писателей и какой-то чиновник из горсовета. Чиновник сообщил Катаеву, что жить с женой он будет не в «Лондонской», а в «Черном море». Катаев расстроился. Женя говорит, когда приезжает какой-нибудь чиновник из Киева, все стоят на цырлах, живет он либо в «Лондонской», либо в «Красной».

Разве этот клерк понимает, что такое «Лондонская» для Катаева?! Это память о прежней Одессе, о друзьях… Это символ!

В гостинице долго продолжалось оформление. Катаев заполнил карточку свою, затем жены. Нервничал. Разговаривать в такой обстановке было нелепо. Хоть перебросились несколькими фразами по дороге.

И все же Валентин Петрович на интервью согласился, но назначил встречу на следующее утро в гостинице. Когда в назначенный час Женя появился в гостинице «Черное море», администратор сказала: «Катаевы сегодня утром улетели в Москву». Голубовский ей в ответ: «Очень жаль!».

Потом, постояв еще минуту, говорит: «У вас остались регистрационные карточки Катаевых. Они вам не нужны, а мне они нужны для работы». Дама за стойкой протянула эти две карточки. Так и остался у нас этот автограф Валентина Катаева.

Когда был прочитан «Вертер…», невольно вспомнился катаевский «Отец», написанный и напечатанный в 20-е годы. Шесть месяцев, проведенные в ЧК, в тюрьме, в ежедневном и еженощном ожидании расстрела – такое остается в памяти, в подкорке на всю жизнь.

Не случайно судьба Виктора Федорова, сына писателя Александра Митрофановича Федорова, к которому на Дачу Ковалевского, к Бунину, ходил юный Катаев, была ему так близка. Сергей Зенонович Лущик показывал нам хранившиеся у него рисунки Вити Федорова (из архива писателя Сергея Бондарина, солагерника Федорова), сделанные на невзрачной серой бумаге в лагере. «Реальный комментарий…» к «Вертеру…» С.З. Лущика будет написан несколько позже, тираж тут же разойдется и станет библиографической редкостью.

В разговоре о детских воспоминаниях с литературоведом Борисом Галановым, также родившимся в Одессе, Катаев признавался: «Я могу побрехивать как беллетрист, но в подробностях всегда точен».

О волшебной точности и любви к деталям у Катаева Сергей Шаргунов пишет много и с явным удовольствием. Признаюсь, детали, вкусно выписанные, я часто запоминаю лучше, чем какие-то важные рассуждения.

Вот С. Шаргунов цитирует сына писателя – Павла Валентиновича: «…Отец был строен, моложав, обрызган английской туалетной водой «Аткинсон» из большого квадратного флакона».

Невольно вспоминается из «Разбитой жизни…» – «…источавшей тонкий запах специальных мужских аткинсоновских духов…». Я сравнительно недавно в комментариях к «Разбитой жизни…» даже цитировала Андрея Белого:

В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона…

Помню, смеялась до слез, когда учитель физики в 5-й гимназии по кличке Бурис ставил опыт превращения твердого тела в жидкость. Приносил в класс твердое тело – лед. Постепенно твердое тело превращалась в жидкость – воду. Бурис – реальный человек. Борис Тимофеевич Акацапов жил в Стурдзовском переулке, 2. Думаю, ходил пешком и в 5-ю мужскую гимназию, и на Екатерининскую площадь, 7, в женскую гимназию Ю.А. Соловей. Жалованье преподавателя и тогда было не слишком большим. Как и отцу Валентина Катаева, и многим другим, приходилось работать не в одном учебном заведении. Почасовики, сказали бы теперь.

В те времена больше ходили пешком. Юрий Олеша описал свой маршрут – с Карантинной в Ришельевскую гимназию – по Греческой, свернув на Ришельевскую до Дерибасовской, по Дерибасовской, мимо магазина Баржанского, до Соборной площади и по Садовой до Торговой, до гимназии. Семен Липкин вспоминал, как «путешествовал» с Пушкинской на Дальницкую к Багрицкому – не близкий свет… Еще дальше, к Бунину на Дачу Ковалевского, ходил и сам Валентин Катаев.

Для меня настоящий Катаев начался повестью «Отец», где сын и отец носят фамилию Синайский (подобные фамилии давали часто семинаристам), а завершился публикацией в январе 1986 года повести «Сухой лиман» в «Новом мире». Через три месяца Валентин Петрович Катаев ушел навсегда, надеюсь, в вечную весну.

Прочитав ее тридцать лет назад, больше к ней не возвращалась. Тем интереснее мне было читать главу о «Сухом лимане». Первоначальное название повести «Ветка Палестины» было отвергнуто, пишет Шаргунов, журналом. Другой вариант названия – «Икона ликом вниз» – тоже был не принят редакцией.

«В 1960-е годы, – пишет С. Шаргунов, – «бывший мальчик Саша», пожилой членкор Академии наук (в котором угадывается автор), приехал в город детства Одессу и отправился в военный госпиталь навестить двоюродного брата, военного врача в отставке.

За братом, «бывшим мальчиком Мишей», проступает двоюродный брат Валентина Петровича Александр Николаевич Катаев».

Это тот Саша, с которым в детстве играл Валя Катаев «в бобо-рыкина», перевернув вверх дном тонетовскую качалку (в «Разбитой жизни…»). В повести – двоюродные братья Синайские.

Госпиталь на Пироговской, мавританская арка на Французском бульваре. Воспоминания о детстве, о «запахе церковного ладана», которым пропитались «с младых ногтей». Последняя фраза в повести – «Сухой лиман они называли Генисаретским озером».

«Последняя проза. Предсмертная», – пишет Сергей Шаргунов и через три страницы в этой главе продолжает:

«Откликаясь на повесть, в эмигрантском журнале «Грани» из нью-йоркской больницы 81-летняя фольклорист и литературовед Елена Тудоровская в своей предсмертной рецензии восклицала: «Даже удивительно, как опубликовали в советской печати это своеобразное произведение», – и обозначала «крепкую связь с самым духом христианства», как хлеб, важнейшую в повести»: «Страницы насыщены символикой Церкви, символикой христианства… Члены семьи называли Сухой лиман, где они жили летом, Генисаретским озером. Значит, они сами сравнивали себя с последователями Христа… Не имеет ли в виду В. Катаев и себя в качестве Ученика?»

Я послала этот отрывок с цитатой из рецензии Нине Аловерт, дочери Елены Александровны Тудоровской. Вот отрывок и ответного письма Нины:

«Да, Вадимов просил маму написать рецензию на эту книгу, она вышла уже после смерти мамы. Мама редактировала свою рецензию, уже умирая в больнице. Когда я привезла ее в больницу, ее поместили в реанимационное отделение, прикрепили трубочки и провода, и мама сказала: «А теперь привези мне бумагу, ручку и черновики статей. Не буду же я лежать просто так».

Две замечательные женщины – мать и дочь!

Когда в недавнем пылу декоммунизации менялись названия улиц и городов, Ильичевск, выросший на Сухом лимане, переименовали в Черноморск. Невольно пронеслось в голове «Черноморск будет вольным городом!». Так мелькнула тень Великого комбинатора, его создателей – И. Ильфа и Е. Петрова, и подарившего им этот образ Валентина Катаева.

Об Одессе часто пишут, говорят как о городе веселом. Но в лучших, самых значительных произведениях Катаева столько трагической истории, трагических событий в истории Одессы на протяжении 20 века. Сергей Шаргунов пишет: «Катаев часто повторял: война убила его веру». Только ли война?..

Два квадрата – от Преображенской к морю и от Преображенской, под углом к ней, другой квадрат. Так на карте выглядит исторический центр Одессы с ясным и четким пересечением улиц, окруженный первой чертой порто-франко. А за ней с одной стороны – «степь нагая», с другой – море с божественной в своей безупречности линией горизонта.

Волшебный круг «Одесской квадратуры».

Каждый день, вырываясь из леса,
Как любовник в назначенный час,
Поезд с белой табличкой «Одесса»
Пробегает, шумя, мимо нас.

Пыль за ним завивается душно,
Стонут рельсы, от счастья звеня,
И глядят ему вслед равнодушно
Все прохожие, кроме меня…

Валентин Катаев. 1944 год

Евгений Голубовский

Олег Волошинов – заложник вечности

Самому молодому одесскому художнику Олегу Васильевичу Волошинову исполнилось 80 лет. Нет. Это не шутка, не стеб. Это реальное осознание его места в художественной панораме нашего города. Картины двадцатилетних-тридцатилетних рядом с его живописью выглядят навеки увядшими.

Надеюсь, что в декабре, когда выйдет этот альманах, во Всемирном клубе одесситов будет проходить новая персональная выставка Олега Волошинова. И все любящие живопись смогут разделить со мной это чувство вечной новизны, которое охватывает перед его картинами.

Когда-то к Пабло Пикассо обратились с вопросом: зачем менять манеры, если они уже понравились зрителю, для чего все время искать? Пикассо был категоричен: «Я не ищу, я нахожу». Фраза яркая, запомнившаяся многим арт-критикам. Поиск, преодоление собственных успехов – это свойство характера, темперамент творца. А всегда ли он приводит к удаче, к находкам – непредсказуемо. Но большой художник (думается, что и поэтому, в частности, он большой) всегда пытается идти дальше, не останавливаться.

Да, человечество не может изобрести вечный двигатель, но вечный поиск – право (не обязанность, а право) настоящего художника.

Обо всем этом размышлял я, разглядывая коллекцию картин одесского живописца Олега Волошинова, собранную на протяжении многих лет Михаилом Кнобелем, а затем пополненную Музеем современного искусства Одессы. И, что важно, зрелый

мастер остается в творчестве молодым, продолжает искать ту высшую, может, и недостижимую, степень выразительности, к которой стремился все пятьдесят лет творчества. Достаточно было увидеть на выставке «Абстрактная Одесса» три небольшие его картины самого последнего периода, чтобы убедиться, что Олег Волошинов не повторяет сам себя, а прокладывает новую тропу.

Возможно, такой же путь проходили и другие живописцы, но это никого не должно останавливать, тут главное – не позволять душе лениться, помнить, что так же, как отличаются отпечатки пальцев у всего человечества, отличаются человеческие души, а значит, искреннее отражение своей души на холсте всегда будет неповторимым.

Олег Васильевич Волошинов родился в семье художника. За плечами отличное образование – Одесское художественное училище, а затем ленинградская Академия художеств. Преодолеть «академизм» ему помогли одесские художники-нонконформисты. Нет, ничему они его не учили, но самим фактом своего существования, своей внутренней свободой Александр Ануфриев, Владимир Стрельников, Валерий Басанец, Люда Ястреб побудили его к поиску своего места в многоцветной палитре Одессы.

Легче было выживать, объединяясь в группы, неформальные сообщества. Олег Волошинов всегда был сам по себе. Дружил, общался, обсуждал, но творчество – процесс сугубо личностный, у мольберта перед холстом он оставался один на один со своим мировосприятием, со своими переживаниями, своими мыслями, быть может, главным воспоминанием в жизни – воспоминанием детства.

Детские впечатления – море, запах стружек при постройке яхт, раскаленный песок и животворящее солнце. Это осталось в нем навсегда и всю жизнь определяло его творческие поиски.

«Иногда я вспоминаю отца. Отец весь в белом. Белые брюки, белая рубашка, белые парусиновые туфли. А я, загорелый до черноты, южное дитя, живу под водой, дружу с рыбами. Даже отец не догадывался тогда, как мне не хотелось выходить на берег…»

Не этот ли белый цвет в воспоминаниях детства преломляется, озаренный лучезарным светом, в мужской фигуре у старого дома, в ослепительной белизне штукатурки стен домов, старого маяка и многих других образов Олега Волошинова?..

Белый цвет, усиленный синевой моря, озаренный благодатью солнечного света, – вот одна из самых ярких, самых впечатляющих доминант живописного бытия в картинах Олега Волошинова.

Нужно ли удивляться, что зал Олега Волошинова на выставке живописи в Музее западного и восточного искусства в 1980 году запомнился парусами яхт, маяком на выступающем мысе, палящим, но не испепеляющим солнцем?

С того времени по день сегодняшний Олег Волошинов для меня – искренне и неистово влюбленный в свет солнцепоклонник. Казалось бы, романтик, но не только и не столько. Он рационален в своих поисках выразить мир знаками красоты, иероглифами счастья.

10 апреля 2010 года на вернисаже в МСИО я обратил внимание на небольшую работу Волошинова 1970 года «Многофигурная композиция». Соединение фигуративной живописи и абстрактного мышления. Никаких подсказок зрителю, гармония форм, локальный цвет. Филологи могли бы заняться расшифровкой иероглифической письменности древних землян, населявших наше побережье. Мне же кажется, что Олег предложил нам обобщенный знак гармонии, уравновешенности, сосредоточенности на диалоге с самим собой.

Если окинуть взглядом, пусть даже мысленным, произведения живописца, нельзя не вспомнить завет Бориса Пастернака:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну –
Ты вечности заложник,
У времени в плену.

Редко кто с такой интенсивностью и преданностью реализует эту поэтическую формулу, как Олег Волошинов, ощущая себя «заложником вечности».

Есть зрители, как и читатели, кто может подумать, что создание знаковой гармонической картины, тем более абстрактной – уход от активного присутствия в реальной жизни. Задумайтесь, тогда почему тоталитарные режимы – и советский, и фашистский – так преследовали художников, уклонявшихся от академических канонов, тем более абстракционистов? Искусствоведы в штат-

ском давно осознали, что абстрактная живопись может активно воздействовать на зрителя. Поэтому и пресекали.

А такие художники, как Олег Волошинов, кто был все годы в поиске, перепробовал сложнейшие гармонии – на грани фигуративизма и абстракции, хоть и не выступал с программными манифестами, но находился на острие борьбы за творческую свободу.

В 2009 году я, как и многие, надеялись, что Волошинов покажет на выставке и свои самые новые картины. Художник решил, что еще не пришло время. Но именно тогда я побывал в его мастерской. К сожалению, уже не в прежней, на Канатной, где он когда-то работал. Ту мастерскую разрушили строители, и ему пришлось срочно перебираться в одну из «клетушек» в здании Союза художников.

Рассматриваю новые работы. И думаю, какой энергетикой нужно обладать, чтобы решиться на еще один поворот руля, не уйти от себя предыдущих лет, а поставить перед собой еще более сложную живописную задачу…

– Хочу избавиться от хаоса на плоскости холста, от усложненности форм.

И правда, новые работы запомнились тем, что цвет – чистый, плоскость – чистая, от символов пейзажа остались лишь намеки на фигуративность. Художник избавляется от сюжетности, хочет решить художественные, формальные задачи, и лишь потом ввести минимальное количество фигуративной информации. Если раньше зритель смотрел на флажки, яхты, и ему казалось, что он понимает живопись, то теперь художник ищет «своего зрителя» среди тех, кто эмоционально воспримет его картины, почувствует глубокое переживание живописца не по угаданному знаку, а по цвету, солнечному ожогу. Это уход от того, что когда-то замечательный одесский художник Александр Ацманчук называл «ползучим реализмом»…

Если определять нынешний этап творчества Олега Волошинова, я бы назвал это минимализмом. Кстати, этот термин недавно стали применять в оценке новой прозы и новой поэзии. Мастер стремится к тому, чтобы минимизировать художественные средства, и именно этим достигает максимальной выразительности своих работ. Как когда-то в портретах, по сути, еле намеченных, в выжженных солнцем пейзажах – знаком ощущалась эмоция,

я бы сказал, страстная любовь, так теперь в композициях цветных плоскостей прочитывается любовь к недостижимому земному раю, любовь к самой жизни.

Как я уже писал, на выставке «Абстрактное искусство Одессы» Музей современного искусства показал три из новых картин Олега Волошинова. Вечный поиск продолжается. Удивительно скупыми средствами художник заставляет нас не искать подсказки в сюжете или в изысканной, пусть и абстрактной форме, а только вчувствоваться в цвет. И эмоционально откликнуться на этот поток цвета и света.

Моя ли только это субъективная реакция? Нет. Вот как недавно для альманаха «Смутная алчба» Олег Волошинов рассказывал о своей работе:

«Мне кажется, что в основе идеи картины, плоскости, лежит цвет. Вот какой ты цвет заложил… Человек стоит перед этим цветом, и этот цвет на него уже психологически влияет. Он сам как-то еще не сообразит, а уже ощущает. Там нет никакого изображения. Мы привыкли, когда висит картина, человек начинает сразу носом искать, где же там чего-то там за предмет, за сюжет или за что-то там. А мне просто так: исключить это – и пусть человек смотрит на этот цвет, в него проникает. Ну, тот, кто дает этот цвет, это передатчик, а кто воспринимает – приемник, ну, у него тоже должны там какие-то шарики работать, душа какая-то… Он спокоен должен быть… Ну, вот такая идея, если так, примитивно… Но тут можно потерпеть поражение.. Но я так подумал: я уже столько написал, в конце концов, я, по программе, уже должен сматывать удочки? Но у меня не воплощенных несколько идей есть, которые, если я для себя это не сделаю, мне уходить туда рановато. И это не дает мне покоя. Какую-то веру в меня вселяет. Я этим занимаюсь, психую. Это жизнь».

Да, такова жизнь настоящего художника.

На сегодняшнем живописном небосклоне Одессы Олег Волошинов давно находится среди звезд первой величины. Молодой в свои 80 лет. Свидетельством этого и является нынешняя экспозиция во Всемирном клубе одесситов.

Если бы меня спросили: «А для чего это художник все время что-то ищет?» – я использовал бы раздраженную реплику Пикассо.

Волошинов не ищет. Волошинов находит.

Вера Зубарева

Как меня иллюстрировал Эрнст Неизвестный

9 августа, 2016. День с утра отливал скорбью, будто что-то отрывалось от жизни там, за кулисами восхода.

Все разрешилось известием о смерти Эрнста. В восемь утра его не стало. На вопрос, заданный мной его жене Ане: «Как ты?» – ответ последовал: «Каменная».

И сразу представилось, как со смертью Скульптора окаменевают его творения, полные жизни и мысли, каменеет дом, трава, деревья, небо… Каменеет он сам в ожидании последней дани скорбящих или вне ожиданий, смятений и привязанностей. Но ненадолго. Оцепенение не может победить движения.

Вдруг вспоминается, как Аня с Эрнстом спешили на службу в церковь, оставив меня в мастерской заканчивать просмотр рисунков для моей книги. Аня набросила на голову ажурный шарф и моментально преобразилась в одну из толстовских героинь.

– Анна Каренина, – невольно вырвалось у меня.

Эрнст бросил на нее быстрый взгляд, понял, что имелось в виду сходство с Самойловой в этой роли, улыбнулся и сказал:

– Аня Каренина.

С Эрнстом меня свели «Ангелы», и он стал их крестным отцом.

Используя как лекало зодиак,
Вывернутый звездами наружу,
Ангелы выкроили небо так,
Чтобы можно было сшить из него душу.

«Трактат об ангелах» ему передал наш общий знакомый, который сам с увлечением прочитал эту вещицу. А через какое-то

время он сообщил, что Эрнст восторженно отнесся к «Трактату…», несколько раз прерывал чтение, звонил моему знакомому, зачитывал куски, делился впечатлениями и наконец попросил, чтобы я связалась с ним.

Я обрадовалась известию о том, что моя поэмка произвела впечатление, но что касается звонка, то к этому я была не готова. Вообще, обсуждать свое произведение, о котором в конце знаешь еще меньше, чем вначале, вещь рискованная. А уж обсуждать с таким собеседником, как Эрнст Неизвестный… У него явно столько ассоциаций, о которых я никогда и не думала. Перед моим мысленным взором замелькали корешки каких-то непрочитанных книг с богословскими теориями, и укоряющие взгляды классиков открыли мне бездну моего незнания. Нет, нет, ни за что не позвоню!

Тем временем мой знакомый диктовал мне номер телефона.

– Записала? Звони.

– Но…

Гудки в трубке.

Главное было набрать номер и представиться.

Три-четыре…

– Здравствуйте, это Вера Зубарева. Могу ли я погов…

– А, Вера! Здравствуйте! – стремительность приветствия отмела мои раздумья по поводу того, что сказать дальше.

Эрнст тут же взял инициативу в свои руки. То, чего я боялась, было только в самом начале, и то недолго. После того как он понял, что я ни на кого из богословов или философов не опиралась в «Трактате…» и никакой концепции, кроме концепции Арона Каценелинбойгена о развивающемся Боге, не обыгрывала, он даже как будто обрадовался, и это освободило нас обоих от ярма ученой беседы. Он похвалил оригинальность замысла и воплощения, отметил чувство юмора, и мы перешли к следующей фазе нашего разговора.

Эрнст сразу понял, что направленность «Трактата…» игровая, и что здесь обсуждаются не богословские вопросы, а сознание современного человека, от имени которого все это написано. Это сознание, смешавшее в себе столько всего, и показалось ему чрезвычайно интересным и оригинальным. Суть нашего разгово-

ра сводилась к тому, что при чтении Эрнст обнаружил не просто сходство взглядов на многие вещи, занимавшие его в последнее время, но и сходство стилей.

– У меня есть альбом с графикой, над которым я работал именно в этом же ракурсе и практически в тот же период, когда писались «Ангелы», – сказал он, когда беседа коснулась вопроса издания «Трактата…» отдельной книгой.

Так родилась идея совместного проекта, издателя для которого еще только предстояло найти. В процессе обсуждения напряжение первых минут не просто исчезло, а перевоплотилось в дружески деятельное общение. Одной из удивительных особенностей Эрнста было его умение моментально строить отношения с людьми. Строить на равных, что важно. Он не выносил чванства, элитарности и тусовочности и считал это дурным тоном и признаком плебейства. Он не зависел от мнений, не примыкал ни к какому кругу, но многие, очень многие примыкали к нему. Он был исключительно доброжелателен к молодым и демократичен, но панибратства не допускал. Уважение – вот главный принцип, на котором он строил отношения. А если этот принцип нарушался, если вдруг начинались какие-то закулисные игры, то тут уж он превращался в Зевса.

В тот первый вечер нашего телефонного знакомства Эрнст говорил и о том, что иллюстрировать книги – последнее дело, что настоящая книга – это синтез искусств, где рисунок должен высветить неожиданную сторону текста и наоборот. Я соглашалась, помня теорию Эйзенштейна, и уже мысленно пыталась представить, как все будет выглядеть в книге.

– Ангелы ваши не существа с крылышками. Суть их другая. И вот эти вещи я и воплотил в графике, – подытожил он.

Мы договорились о встрече. Эрнст пригласил приехать к нему в студию и познакомиться с альбомами.

Я не заставила себя ждать. Через несколько дней я сидела в его студии, созерцая все те сокровища, о которых он говорил. Глаза у меня, прямо скажем, разбежались.

– Выбирайте, – сказал он, указывая на альбомы.

– Все, что пожелаю?

– Все, что пожелаете.

Рисунки и в самом деле настолько соответствовали духу «Трактата…», что позднее, когда вышла книга, все думали, будто Эрнст специально иллюстрировал ее.

Щедрость Эрнста была под стать щедрости его таланта. Я отобрала 50 рисунков. Даже проницательный Эрнст не ожидал таких аппетитов от скромной поэтессы. Пока его помощник помогал снимать копии с отобранного, я призналась Эрнсту:

– А мне в школьном драмкружке дали читать стихи о вас.

– Вознесенского?

– Ну да. «Лейтенант Неизвестный Эрнст. / На тысячи верст кругом…»

– Ну и как, получилось?

Я видела, что его уже начал разбирать смех.

– Да не совсем.

– А что не получилось?

– Да строчка одна…

– Какая строчка?

– «В атаку – зовут – твою мать!»…

Эрнст уже еле сдерживается.

– А что именно не получилось?

– Я ведь была ученицей младших классов, мне лет 9-10 было, и я никак не могла понять, чью мать зовут в атаку, а потом решила, что это вашу мать призывают, и вы за ней отправляетесь. Так и прочла, как понимала. А наш новый худрук – молодой актер из ТЮЗа – постоянно вызывал меня на индивидуальные репетиции, и как только я доходила до этой строчки, он срочно выбегал из класса… Так мы репетировали, пока однажды не навестила нас директриса. На этом закончились и наши репетиции, и школьная карьера актера из ТЮЗа.

Я еле дошла до конца рассказа, потому что сама уже загибалась от смеха.

И могла ли я представить себе тогда, что однажды буду рассказывать эту историю Эрнсту?

А что касается матери Эрнста, то сыном он был нежнейшим. На одной из вечеринок, уж не помню, чему посвященной, присутствовала и величественная Белла Дижур. Он подвел меня к ней, сидевшей в кресле, как подводят к царице.

– Мама, это Вера Зубарева.

Она кивнула.

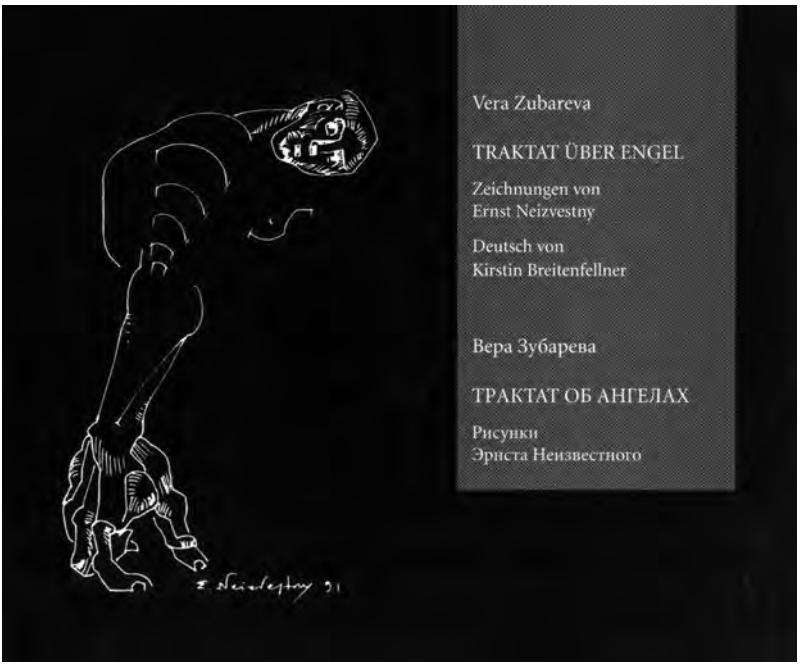
– Я вас сразу узнала.

И голос, и стать, и манера говорить – точь-в-точь как у Эрнста. В руках у нее были мои книги, подаренные Эрнсту при первой встрече. На обеих красовались мои портреты, по которым она и узнала меня. Она взяла «Ауру», вышедшую с предисловием Беллы Ахмадулиной, и стала с увлечением рассказывать, почему ей нравится моя поэзия, а в конце разговора выразила надежду на то, что наша совместная книга с Эрнстом найдет хорошего издателя. К тому времени ей было 90 или около того, но энтузиазм, с которым она включалась в беседу, превосходил мой собственный.

Эрнст не отходил от нее, пока ее не отвезли домой после торжественной части. Все это время он внимательно и почтительно слушал все, о чем она говорила, и мне даже в какой-то момент показалось, будто он примеряет ее возраст на себя, как бы желая разглядеть в ней себя в будущем.

Вернувшись в Филадельфию, я разложила драгоценные рисунки и стала тщательно продумывать каждую подпись, пытаясь объединить словесный текст с графическим подтекстом. Когда все было готово, я отправила Эрнсту по факсу все 50 рисунков с подписями, чтобы он дал добро. Я тогда училась в докторантуре Пенсильванского университета, и во мне все еще жила робкая студентка (сознание перестраивается последним). Поэтому, когда я вновь набрала его номер, чтобы узнать мнение мэтра по поводу своего синтеза наших искусств, сердце мое трепетало. Но и этот экзамен я выдержала. Эрнст одобрил сделанное, и начался поиск издателя.

Книга нашла не только несколько хороших издателей, но и переводчиков на русский и английский. Она издавалась дважды – в Украине и Швейцарии. Последнее издательство – Pano Verlog – до того специализировалось на классической русской литературе в переводах. «Ангелы» стали первой ласточкой, и книга возымела успех, и получила много интересных отзывов в немецкой прессе. Одна из заметок в «Берлинском литературном критике» называлась «Убедительный синтез» (Überzeugende

Обложка книги «Трактат об ангелах»

Synthese). Значит, мне удалось убедить не только Эрнста, но и немецкую литературную общественность. Помимо всего, книга получила четыре диплома и приз на международной книжной ярмарке «Зеленая волна». Эрнст искренне радовался успехам нашего совместного проекта и хвалил оба издания. Совсем недавно «Трактат…» приземлился на страницы «Нового мира». Я успела сообщить Эрнсту об этой замечательной долгожданной новости.

Его всегда окружали молодые – это соответствовало его искрометному темпераменту и демократичному духу. Рассказчик он был великолепный. Помню, как-то мы заехали к нему с Ароном Каценелинбойгеном. Об Ароне, профессоре в департаменте Уортона при Пенсильванском университете, ученике Канторо-

Эрнст Неизвестный и Арон Каценелинбойген

вича, авторе многочисленных трудов по индетерминизму, покинувшем Москву в 1970-х, Эрнст знал, но с концепцией развивающегося Бога хотел ознакомиться, поскольку она была нова для него, а все новое особо притягивало его внимание. Он был жаден до новых идей, слушал их с особым вниманием, пытался вникнуть и сопоставить с тем, что он делает в искусстве. Познание никогда не сводилось для него к формальным знаниям, которыми щеголяют эрудиты. Все усвоенное он должен был пересотворить, перевоссоздать, перевоплотить. И Арон тоже очень чтил

Эрнст Неизвестный, Арон Каценелинбойген и Вера Зубарева

Эрнста, и рад был узнать, что «Трактат...» вызвал у него такой интерес. Я пообещала Эрнсту устроить встречу с Ароном, и вскоре они встретились. Говорили о многом и всеохватно – о России, Москве, истории, политике, вспоминали эпоху, в которой оба выросли. Это было неповторимым зрелищем – два неординарных человека, беседующих в окружении скульптур и набросков.

А потом Эрнст повел нас на второй этаж и показывал свои новые работы из цикла «Экклезиаст». Разговор менял свое русло, беспрестанно перетекая из религии в философию, из искусства в метафизику... Как жаль, что не удалось записать его! Осталось только впечатление от говорящих – спокойная мудрость слов Арона и зажигающиеся глаза Эрнста, моментально реагирующего на сказанное.

Все это будет длиться – в памяти, в пространстве его творческой вселенной, которая нескончаема, как нескончаем Эрнст.

США

Феликс Кохрихт

Свободная зона: мастера и фрайера

Заметки с проекта «Фрайерфест»

Открытие фестиваля в МСИО

На мой взгляд, девиз масштабного проекта, осуществленного в минувшем сентябре содружеством молодых кураторов и Музея современного искусства Одессы, удивительным образом соответствовал и статусу, и имиджу нашего города у моря – во всяком случае, в период с конца XVII века по 1917 год… «Фрайерфест» – термин состоит из двух немецких слов, смыслов: «свободный» и «праздник»

«Праздник свободы». Красиво и пафосно, что противоречит этике и эстетике нынешней креативной молодежи, да и творцов постарше. Но, признаемся, есть в слове «фрайер» и второй, а то и третий смысл, вошедший в обиход довольно давно и понятный коренным одесситам. Если в криминальной среде так называют не связанных с ней (не блатных), то в обыденной жизни так определяют индивидов с, выразимся тактично, облегченными представлениями об общественной морали и устоявшихся нормах… Как правило, эта коннотация не носит категорически уничижительного характера. Примем за основу в наших рассуждениях: фрайер – легкий человек с большей степенью свободы, чем у пишущего и читающих эти строки, и тогда доля лукавства устроителей окажется уместной и остроумной.

Но следует уточнить: решение темы фестиваля, его концепция, масштаб содеянного и увиденного – все это настраивает на серьезный лад.

Порто-франко. Свободная зона – 1

Действительно, Одесса с первых дней своего появления на карте стала олицетворением свободы, разумеется, в рамках, отпущенных верховной властью Российской империи, а степень свободы добывалась просьбами, ходатайствами, а то и лоббированием наших интересов правителями молодого города, и в первую очередь Дюка де Ришелье, юбилей которого мы недавно душевно отпраздновали… В апреле 1817 года (еще одна ближняя круглая знаменательная дата) высочайшим указом Одессе был дан статус порто-франко (свободного порта), а спустя два года он вступил в силу – в 1819-м заработала свободная экономическая зона, принесшая городу процветание и невиданные темпы роста не только в экономике, морской отрасли, финансах, но и в сферах науки, культуры, искусства (музыкального и изобразительного, литературы, архитектуры), плодами которого мы продолжаем пользоваться и сегодня. Порто-франко

На Чайной. В центре – триптих Александра Ройтбурда «Сон в летнюю ночь»

официально просуществовало до конца 50-х годов XIX века, но традиции и навыки остались и развивались у нас до 1917 года. Как писал Салтыков-Щедрин, далее «история прекратила свое течение».

Об этом и многом другом – в книгах Александра Дерибаса, Доротеи Атлас, Патриции Херлихе, Александра Третьяка, Олега Губаря, Ростислава Александрова и других, но прежде всего – у Александра Пушкина, в Одесской главе «Евгения Онегина».

Важным обстоятельством, определяющим, по крайней мере для меня, символический и даже сакральный аспект ситуации, есть то, что практически все локации проекта «Фрайерфест» находились в пределах городской территории, входившей в ареал порто-франко. Граница тогда проходила по Старопортофранковской и загибалась в районе Чумки, а далее – по направлению к Ланжерону. Таким образом, основные площадки – Музей современного искусства Одессы (на Белинского, 5) и Чайная фабрика (Карантинная, 21, угол Троицкой) сегодня расположены в приграничье нашей первой свободной зоны, но отнюдь не на ее периферии.

На моей виртуальной карте памяти есть «Свободная зона – 2»

Что делает нашу ситуацию сходной с нынче модными киношными форматами – франшизами или сиквелами, продолжением и развитием полюбившегося сюжета блокбастера (чаще всего – исторического и фэнтези), но с новыми реалиями…

Знаменательно, что этот, один из первых по-настоящему профессиональных одесских проектов в сфере контемпорари арт, состоялся в 1994 году и был посвящен 200-летию города, которое отмечалось широко и собрало у нас представителей разных стран и городов – были они и среди участников выставок, симпозиумов, диспутов, перформансов и хеппенингов «Свободной зоны».

Кураторами этого многоплощадочного и многофункционального действа стали молодые наши земляки – искусствовед Михаил Рашковецкий и художник Александр Ройтбурд, создавшие, как и автор этих строк, Ассоциацию «Новое искусство», ставшую базовой структурой проекта.

Разумеется, был опубликован манифест, обозначающий концепцию фестиваля, и назывались некоторые направления, по которым будет развиваться коллизия. Одной из главных ее составляющих стала акция по созданию восьми ступенек Потемкинской лестницы (недостающих до 200) и торжественный перенос их к Художественному музею, что и было нами проделано, как и многое другое, порой возвышенное, порой земное, порой классное, порой наивное…

Тогда, 22 года назад, мы с энтузиазмом ждали возвращения статуса порто-франко порту и другим формациям и территориям Одессы, но – не сложилось, как, впрочем, не складывается и сегодня…

Среди молодых активных участников проекта были и те, кто нынче приобрел известность, – Александр Ройтбурд, Игорь Гусев, Анатолий Ганькевич, участвующие в «Фрайерфесте»… Но об этом – впереди. Может быть, я кого-то упустил, и заранее прошу прощения.

И тут я вспомнил, что была и «Свободная зона – 2», которая в нашем списке одесских художественных блокбастеров идет под номером 3

Так назывался Международный фестиваль современного искусства, включавший проекты: Александра Ройтбурда «Академия холода» – в Художественном музее, «Валентин Хрущ. Фотографии» – в ЦСИ «Тирс», международный симпозиум «Батискаф-2» в Доме ученых и т. д. Конференция проходила под эгидой нашего ЦСИ «Сорос-

В соей работе (в центре) Константин Лизогуб приглашает поразмышлять о запутанности отношений между женским и мужским началами в каждом из нас…

Одесса» и собрала известных художников, кураторов, искусствоведов из многих стран, в том числе и председателя Международного наблюдательного совета ЦСИ Сороса Константина Акиншу.

Тогда и был заложен фундамент заслуженного авторитета Михаила Рашковецкого, недавно реализовавшийся во включении его в состав экспертов, оценивающих экспонаты для павильона Украины на будущем Венецианском биеннале современного искусства.

«Фрайерфест». Свободная зона – 4

Она, как и предыдущая, возникла в канун празднования Дня рождения Одессы – на сей раз ей (нам) в 2016 году исполнилось 222 года.

«Праздник свободы» продлился в Одессе всего неделю, но, поверьте мне, ветерану движения, повидавшему многое и в городе,

и в стране, и в мире классического и нового искусства: количество событий и их качество были достойны и осмысления, и обсуждения, и анализа происходившего, что уже делается искусствоведами, критиками, любителями искусства и, несомненно, будет продолжаться.

У каждого из нас свое видение ситуации, свои приоритеты. Вот почему я, с уважением и интересом относившийся ко всем событиям, происходившим в разных локациях, остановлюсь на двух – МСИО и лофте на Чайной фабрике.

И вот почему: в сопоставлении двух экспозиций, при всех их отличиях (камерная и масштабная, ретроспективная и злободневная), авторы работ и кураторы (рискну их условно обозначить как «мастера» с Белинского и «фрайера» с Карантинной) явили важную и радостную для меня реальность. В нашем городе не только не прерывается, но и развивается традиция уникальной Одесской школы.

Понимая и субъективность своих суждений и, чего греха таить, возросшие с возрастом сентиментальность и неуместный оптимизм, все же поделюсь ими с читателями.

Ученики Теофила

«В Одессе нужно жить долго, и тогда ты…» Такова расхожая, банальная, но, в общем-то, проверенная жизнью сентенция, имеющая разные формы реализации не слова, а пространственно-временного состояния: «тогда». Не стану их перечислять: к примеру, доживешь до того времени, когда вернутся скумбрия и (или) белоснежные лайнеры с портом приписки Одесса…

Но вот наш вариант. Жить долго и ты (Евгений Голубовский, я и еще несколько коллег) успеешь: в юности быть удостоенным знакомства с одесскими парижанами – Амшеем Нюрнбергом и Теофилом Фраерманом, в молодые и зрелые годы – писать о них, о выставках Дины Фруминой, Николая Шелюто, дружить с Олегом Соколовым и Юрием Егоровым, пить с ними вино, получать в дар их картины и рисунки…

Разумеется, мы и раньше видели работы участников экспозиции в МСИО под девизом «Фраерман и его ученики». В их мастерских, в частных коллекциях в музеях, на выставках, у себя дома. Но я, признаюсь, никогда не задумывался о том, что они – питомцы одного замечательного педагога и художника, Теофила Фраермана, настолько они разные во многом. Разнятся и излюбленные темы – сюжеты и масштабы работ, и техника, и жанры, и степень успеха, и достаток, и круг почитателей…

Роднит главное: мастерство, преданность искусству, верность базовым основам Одесской художественной школы (Костанди – Фраермана). Каждый из нас выделит свои ее признаки, я же рискну назвать особое ощущение цвета, света и звучания голоса окружающей нас природы – между Морем и Степью, то, что Пушкин гениально определил одной фразой: «Здесь долго ясны небеса…».

Теофил Фраерман (в центре), его соратники и ученики

Ощущение гармонии эклектичной архитектуры города и классического наследия, обретенного и в античные, и в новые времена: артефакты эллинских городов и – Эйзенштейн – Довженко – Кандинский – Бабель – Рихтер…

Все это роднит наш город с уникальными местами на планете, над которыми парит Гений места. Он кружил и над молодой Одессой, и над Парижем, где молодой Фраерман соседствовал и в общежитии на Монмартре, и на вернисажах в Салоне с Дега, Роденом, Матиссом. Он кружил и над той Одессой, в которую Фраерман вернулся в 1917 году и набрал своих первых учеников…

Имя Теофил в переводе с латыни означает «любимый Богом», но любимцем богов Теофила Борисовича не назовешь: его судьба не очень-то отличалась от общей, постигшей творческую нашу интеллигенцию в революционные, военные и последующие годы. Удивительным образом сочетается это имя с фамилией, обозначающей на немецком языке «свободный человек». Свободный человек, любимый Богом. Сейчас уже не узнаешь, о чем думали, на что уповали родители, давая сыну такое имя к такой фамилии…

Вряд ли студенты, а затем и молодые одесские художники задумывались о сакральном смысле имени и фамилии своего учителя. Но я решился именно так назвать этот раздел своих заметок: «Ученики Теофила», что стилистически относит нас и к средневековым рукописям, и к романам Умберто Эко…

О художниках, представленных в МСИО, написаны монографии, им посвящены альбомы и диссертации. Не стану рассказывать об их работах, полученных для экспозиции от одесских музеев и коллекционеров, – это уже сделано в заметках и статьях моих коллег. Следует особо подчеркнуть, что эти картины, рисунки, наброски, этюды никогда раннее не встречались друг с другом, и это придает выставке особый настрой, за что особый респект директору МСИО Семену Кантору. Все работы достойны внимания, но именно в эти дни мы получили возможность побывать в классе Фраермана, где десятилетиями ученики сменяли друг друга. Мы увидели четырех, пожалуй, лучших – на мой вкус.

Крайне важным стало то, что торжественное и официальное открытие «Фрайерфеста» как масштабного проекта, разместившего экспонаты по всему городу, состоялось именно в старинном одесском особняке на Белинского. Среди участников выставок были и приехавшие из других городов Украины и разных стран. Да и среди нашей молодежи были те, которые впервые услышали о Теофиле и его учениках и увидели их работы.

Возвращение Данте

На следующий день мы отправились на бывшую Чайную фабрику – она всего в нескольких кварталах от МСИО, но это уже другая Одесса, другой мир, хотя и находящийся в границах не только исторического порто-франко, но и моего представлении о традиции и поиске, о мастерах и фрайерах. В конце концов, Рома Громов и Дима Эрлих, кураторы проекта, придумавшие и осилившие «Фрайерфест», сами дали себе это определение.

Как вы лодку назовете, так она и поплывет…

В последние годы это фабричное здание – типичный пример советского промышленного дизайна и архитектуры – стало ареалом одесского некоммерческого нового искусства. В нем, в частности, разместился «Театр на Чайной», на мой взгляд – самый интересный и перспективный из всех нынешних студий, хотя уже не клуб, а театр. Знаменательно, что, подымаясь по лестнице, ведущей к экспозиции «Фрайерфеста», мы первым встретили его создателя – режиссера Александра Онищенко, причем в рабочей спецовке и с «болгаркой» в руках. И это был не сценический костюм, не вхождение в образ очередного персонажа, а реальный процесс: готовится к приему зрителей новый, более вместительный и функциональный зал.

Вверх по лестнице, ведущей к крыше многоэтажного фабричного здания, зияющего проемами бывших цеховых дверей…

Вообще-то, мы с трудом отыскали вход, ведущий на выставку с Троицкой. Как объяснил Рома Громов, указатели каждый день срывали неизвестные участники некоего хулиганского

перформанса, судя по всему, фрайера – в одном из низких вариантов этого определения.

Но вот мы и в огромном помещении – на чердаке фабрики, где разместилась экспозиция. Отсюда выход к крыше, на которой сотни петушков деловито клюют зерно, спорят с соседями, а некоторые глядят вниз – рассматривают одесские соборы и дома. Мы следуем их примеру и узнаем знакомые церкви и жилые здания – панорама настраивает на ностальгию и любопытство.

Петушки – киевляне, керамические фигурки, родившиеся в голове и под руками демиурга этого птичьего мирка, которого именуют Костя Півниктайм, что на украино-английском означает «Час петушков». Ну не Петухов же, в самом деле!

Но на этом пастораль и идиллия заканчиваются: основная экспозиция интересна совсем иными сюжетами. Преобладают артефакты, наполненные драматизмом, отсылающие нас к вечным сюжетам мировой классики.

Можно было бы подробно объяснять, почему эти работы вызвали у меня именно такие аллюзии и ассоциации. Но, повторю в который раз: эти заметки не претендуют на статус искусствоведческого анализа, но, надеюсь, и не поток сознания. Скажу лишь важное и главное. Дело в том, что за довольно-таки долгий период я почти разочаровался в том, что и как производят на свет одесские и не только молодые представители изобразительного искусства.

Почти пожалел о том, что стоял у истоков создания структур, помогающих неофитам создавать и показывать свои произведения. Я видел немало выставок на наших площадках, где демонстрировались работы, сделанные наспех, небрежно (это касается и концепции, и технологии, и манеры подачи). Преобладали наивные инсталляции, время от времени производились шумные перформансы и хеппенинги…

Разумеется, в Одессе есть мастера, художники, входящие в элиту современного отечественного и европейского искусства, но, как правило, они в большинстве местных групповых проектов и даже биеннале не участвовали, что создавало обедненную картину ситуации в новом искусстве Одессы. Заслуга Громова и Эрлиха состоит в том, что они сумели включить в состав

участников проекта и зрелых мастеров, и молодых художников, ищущих себя в жизни и искусстве. При этом большинство работ, разумеется, у мастеров, но и у молодых авторов выполнены профессионально, с добротным качеством – и концептуальным, и технологическим, что вовсе не означает примата мастеровитости над одаренностью, а наоборот – синергия этих качеств ведет к настоящему успеху.

Этот раздел моих заметок озаглавлен «Возвращение Данте» – так называется работа киевлянина Константина Павлишина, соратника Арсена Савадова. Почему она стала для меня как бы символом, выражением выявленной тенденции, к которой, как я понимаю, вовсе не стремились кураторы проекта? А именно, во-первых, преобладание в экспозиции не работ вообще, а именно картин – основного и фундаментального жанра изобразительного искусства. Картинщиками были Рафаэль, Караваджо, Дюрер, Сезанн, Репин, Кандинский… Во-вторых (повторюсь), – наиболее интересными мне представились работы, так или иначе выражающие преемственность по отношению к великому наследию классики в искусстве и литературе.

Одним из ярких проявлений подобных устремлений я полагаю картину К. Павлишина. Многофигурная сложная композиция создана и для созерцания, и для размышления. Можно долго искать среди персонажей самого Данте и так его и не найти. А есть ли он на этом полотне – поэт, побывавший в Аду и Чистилище, среди крепких мужчин – моряков, рыбаков, бойцов скота: судя по всему, бык обречен на то, чтобы стать жертвоприношением или ужином экипажа лодки, отчалившего от берегов подземного Стикса и вернувшегося со своим гениальным пассажиром на теплую и благоухающую итальянскую землю…

Даже если мы так и не найдем на этой картине фигуру Данте, то не станем сомневаться: поэт вернулся, и познакомиться с ним можно в библиотеке. Возьмите том с «Божественной комедией», если повезет – с иллюстрациями великого Гюстава Доре. Чтение занимательное и поучительное, и если вы доберетесь до песни семнадцатой, то узнаете, что в круге седьмом Ада обречены на вечную муку насильники над естеством и искусством…

Поблизости от Данте – композиция Константина Лизогуба, круги с вписанными кистями – пальцами рук, как настаивает автор, – мужскими и женскими. Они то ли запутывают, то ли распутывают (второе – предпочтительнее) нити и узлы отношений между Инь и Ян, между нами и нами… Почему-то я вспомнил гениальный фрагмент Сикстинской капеллы с сюжетом Микеланджело: рука Бога тянется к руке человека… Понимаю, такая ассоциация может возникнуть лишь у меня, но возникла же!

Наши известные мастера, участвовавшие в давнишних проектах «Свободная зона», к моему удовольствию, тоже вдохновились сюжетами великих и культовых произведений.

Александр Ройтбурд представил триптих-парафраз к гениальной работе Босха «Сад земных наслаждений», которую мне посчастливилось видеть, как говорится, в натуре, что относится и к флорентийскому дому Данте, и к Сикстинской капелле, что дает мне если не право, то возможность задаваться (возраст) и сравнивать (много на себя беру).

Свое представление о «Сне в летнюю ночь», не совсем совпадающее с тем, что владело Шекспиром во время написания этой комедии, у Стаса Жалобнюка, не разделяющего оптимизма великого драматурга. И пьесу эту я тоже видел в берлинском театре…

Вадим Бондеро представил работы, навеянные культовыми кинолентами – о Супермене и Звездных войнах. Их герои (суперлюди и обыкновенные роботы) естественно и непринужденно соседствуют и уживаются с нами… Смотрел в кино, но в этом я не оригинален.

И, наконец, Лаокон, воссозданный Анатолием Ганькевичем, единственный мифический и исторический персонаж из упомянутых выше, которого можно лицезреть в Одессе в начале Приморского бульвара у здания Археологического музея. Наш художник запечатлел его опутанным клубком зловещих гадов, сделал это убедительно и лаконично – даже легкая ирония здесь неуместна. Добавлю лишь, что видел я (как Пушкин – царей) трех Лаокоонов: в Ватикане, во флорентийской галерее Уффици и нашего. Наш если не крепче, то интеллигентнее всех…

Олег Соколов. Демократический принцип. 1975

Киевские півники и их создатель Костя на одесской крыше

Константин Павлишин. Возвращение Данте

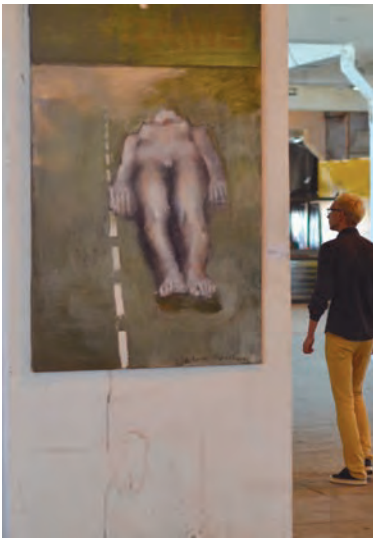
Теофил Фраерман. Без названия

Николай Шелюто. Уголок в парке. 1941

Анатолий Данькевич. Лаокоон

Стас Жалобнюк. Сон в летнюю ночь

Дина Фрумина. Боль. 1938

Юрий Егоров. Скоро отправляемся. 2006

Формируя цветную вкладку, посвященную участникам проекта «Свободная зона», мы решили не распределять репродукции работ их участников по эпохам и месту экспозиции. Такое соседство, на наш взгляд, свидетельствует о непрерывности и динамизме художественной жизни Одессы.

Разумеется, в экспозиции на Чайной были интересные работы, не связанные с классическими сюжетами и их интерпретацией. Современное изобразительное искусство, в особенности то, которое принято называть поисковым, экспериментальным, может и вовсе не базироваться на сюжете и являть собой вовсе и не картину, а объект, который и описать трудно. Были и такие – и тоже интересные.

Вадим Бондеро познакомил работящую крестьянку XIX века с роботом из «Звездных войн»

И о них уже написаны и пишутся статьи, и я их с интересом читаю. Благодаря публикации Маши Гудымы вспомнил, что пространство чердака на Чайной безостановочно оглашал голос попугая (как и киевские цыплята, ненастоящего), сидевшего в клетке и вопрошавшего нас: «Почему меня взяли на эту выставку?». Конечно, механическая птичка – не Гамлет, и проблема эта (« Быть или не быть?») волнует скорее ее создателя – одесского фрайера Никиту, но все же как-то вписывается в мое восприятие экспозиции как аллюзии вечной классики.

Ответ, на мой взгляд, должен быть лаконичен, мотивирован и иметь два варианта. Серьезный: «Потому». Шутливый: «По качану».

Проект «Фрайерфест» оправдал статус международного: на Чайной, в Музее современного искусства Одессы, в других музеях, галереях показали свои работы не только наши земляки, но и художники из Роттердама, Кракова, Берлина, Киева, Москвы.

Все ли они знают все тонкости полифункционального слова «фрайер», неизвестно. Но это и неважно, ибо вторую составляющую девиза проекта – «фест», праздник – знают все.

Комендanты одесской креативной «Свободной зоны» Михаил Рашковецкий и Рома Громов

P. S. В Одессе таки нужно жить долго… Вспомнил, как в 60-е годы минувшего века в этом городе снимали фильм из итальянской жизни «Роман и Франческа», и перед оперным театром декораторы поставили картонную статую поэта Данте с лаконичной табличкой – «Dantes», на что некоторые прохожие реагировали бурно: негодовали по поводу того, что в центре власти поставили памятник убийце нашего Пушкина.

Фото Льва Райзмана и Евгения Хлебникова

Евгений Голубовский

Увлечение как биография

Сколько раз каждый из нас писал автобиографии… Родился. Учился. Работал…

А о чем думал? Чем жил?

Вот один из вариантов ответа – о смысле содеянного, о том, как суету сует хотя бы для себя структурировать.

Ну и что, что на этот ответ понадобились восемьдесят лет.

Не приемлю слово «коллекция» по отношению к книгам. Коллекционируют почтовые марки, монеты, открытки… Книги собирают, так возникает собрание твоих друзей, с которыми ты общаешься, в которых находишь собеседников, в конце концов, поддержку в трудные часы.

Сегодня я могу сказать, что за полвека сложилось мое собрание русской поэзии XX века, есть книги с автографами, есть просто очень редкие книги. А начиналось собрание, по сути, еще в школе – в десятом классе. Я ходил по улицам Одессы и бормотал про себя строки раннего Маяковского – «Лиличке, вместо письма…». Мне казалось, что я все знаю о любви поэта, о трагедиях поэта, о его друзьях и врагах. Но меня уже не устраивали бесчисленные советские переиздания, где даже лирика была цензурирована. И я начал заходить в букинистические магазины (тогда их в Одессе было несколько!) в поисках первых сборников Маяковского, тех, что он выпускал, редактировал сам. Так началось увлечение футуризмом, которое пронес через долгую жизнь, так втянулся в чтение, осмысление Велимира Хлебникова (его вообще в послевоенные годы не издавали), затем пришла пора взахлеб читать, бормотать Бориса Пастернака…

Кстати, первой «самиздатовской» книгой, которую мы сделали с моей подругой Мусей Винер, был томик стихов Пастернака. Шел 1958 год, еще не было сообщений о присуждении Борису Леонидовичу Нобелевской премии, еще не был прочитан нами «Доктор Живаго», но стихи из романа мне удалось получить в Москве (не только те, что были опубликованы в журнале «Знамя», но весь корпус). Тогда и возникла мысль, хоть в пяти экземплярах (больше не удавалось зарядить в пишмашинку) сделать для друзей книгу Б. Пастернака, как из новых стихов, так и из старых книг из моего собрания.

Естественно, начавшаяся с футуристической поэзии, библиотека росла. Как было пройти мимо русского акмеизма – Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама? А потом в круг интересов вошли русские символисты, начиная с первой книги Александра Блока «Стихи о Прекрасной даме», изданной в 1905 году. По сути, сегодня это начало собрания, а завершает его Иосиф Бродский, все прижизненные сборники которого удалось найти, включая первый, изданный в США, когда поэт был в ссылке.

Постепенно поэзия обрастала и прозой. Как можно представить Андрея Белого без романов «Петербург», «Серебряный голубь»? Андрей Платонов вошел в литературу книжкой стихов, но остался в ней прозаиком. Илья Эренбург, прежде всего, считал себя поэтом, но без «Хулио Хуренито» русскую литературу уже не представить.

Я мог бы рассказать о самых редких книгах в своем собрании. И это была бы одна статья. Там нашлось бы место и литографированным книжкам А. Крученых, и ежемесячному журналу стихов «Остров» № 1 (на этом журнал и закончился), изданному в 1907 году тиражом в 30 экземпляров со стихами Макса Волошина, Вячеслава Иванова, Григория Потемкина, Алексея Н. Толстого… В мой экземпляр вклеен листик: «Редакция: Царское село, Бульварная улица, дом Георгиевского. Н.С. Гумилев».

Я мог бы рассказать о книгах с автографами. Только один пример. На первом сборнике Николая Асеева «Ночная флейта», вышедшем в Москве в 1914 году, дарственная надпись: «И.В. Игнатьеву – Ник. Асеев. 914.1.15. Moscou». Трагизм этой надписи ощущаешь лишь тогда, когда знаешь, что лидер эгофутуристов,

поэт Иван Игнатьев покончил с собой через пять дней после получения книги. Игнатьеву было 22 года, за день до того, как он перерезал себе бритвой горло, он женился.

Вообще, держать в руках книгу с автографом – все равно что обменяться рукопожатием. Маяковский надписал «Мистерию-буфф» Мейерхольду, я ощущаю их присутствие в своем доме, Николай Гумилев подарил поэму «Мик» Всеволоду Рождественскому, Иван Бунин надписал «Жизнь Арсеньева» журналисту С.В. Яблоновскому… Теперь я знаю, когда, как, почему это произошло. Это и моя биография. А книги, надписанные мне? Череда встреч, общений – Виктор Шкловский и Семен Липкин, Николай Ушаков и Леонид Вышеславский, Борис Слуцкий и Всеволод Азаров, Григорий Петников и Рюрик Ивнев, Андрей Вознесенский и Белла Ахмадулина, Василий Аксенов и Руфь Зернова…

Можно было бы рассказать и несколько «детективных» историй об охоте за той или иной книгой, представить такую своеобразную «андрониковщину», к примеру, как собирались книги одесского издательства «Омфалос», как переписывался с поэтом Зинаидой Шишовой в желании разгадать тайны псевдонимов авторов, составивших сборник-мистификацию «Омфалитический Олимп»…

Недавно меня попросили посмотреть на мое собрание книг в неожиданном аспекте. Невозможно себе представить собрание русской поэзии и прозы без… еврейской полки. Большая она или маленькая, судить тем, кто любит стихи Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, Саши Черного и Эдуарда Багрицкого, прозу Исаака Бабеля и Василия Гроссмана… И вдруг убедился, что оно не только представительно, но и продуктивно, так как побуждало и побуждает к издательской деятельности, к счастью, уже не самиздатовской.

Естественно, в стеллажах книги стоят не по алфавиту. Но если бы разложить их от А до Я…

Марк Алданов. «Святая Елена. Маленький остров». Берлин. Издательство «Слово». 1926 год. На авантитуле автограф, обращенный к писателю, многолетнему редактору газеты «Новое русское слово» в Нью-Йорке Андрею Седых (Якову Моисеевичу Цвибаку): «С самым сердечным приветом Вам, дорогой Яков

Моисеевич, от автора». М. Алданов после перестройки начал издаваться в России, вышло его собрание сочинений. Но родился Марк Александрович Ландау (Алданов – псевдоним) в 1886 году в Киеве, окончил два факультета – юридический и химический, стал блестящим стилистом, автором исторических эссе и романов. Его прозой восхищались Иван Бунин и Владимир Набоков. Может, придет время, когда киевлянина Марка Алданова начнут издавать и в Украине. Кстати, его эссе о Дюке де Ришелье, блестяще написанное, могло бы украсить любое издание, посвященное истории Одессы.

Джек Алтаузен. «Безусый энтузиаст. Элегическая поэма». Москва. 1933 год. Обложка и рисунки Бориса Пророкова, ставшего в 60-е годы очень популярным графиком. На книге автограф: «Тов. Бойчевскому – усатому энтузиасту литературы. Джек Алтаузен. 22.11.33 года». Почти по М. Светлову можно спросить: «Откуда у парня испанская грусть?». Откуда у Алтаузена экзотическое имя Джек?

В действительности он Яков Моисеевич, но, попав мальчишкой в Харбин, став продавцом газет, приобрел кличку Джек. С нею и перебрался в 20-е годы на Дальний Восток. Его стихи заприметил В. Маяковский, поддержал Э. Багрицкий. В 1941 году ушел на Великую Отечественную войну. Первым среди советских поэтов был награжден орденом Красного Знамени. Погиб 25 мая 1942 года под Харьковом, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм – Барвенково – Лозовая. И вновь-таки стихи Джека Алтаузена после Великой Отечественной вышли в России, тогда еще Советском Союзе, в Украине, где он погиб, стихи его не переиздавались.

Еврейскую полку, начатую буквой «А», естественно завершить буквой «Я». И тут обращу внимание на раритетную книгу.

Ярошевский Лев. «Песнь песней». Стихотворное переложение библейского текста. Редакция и предисловие Михаила Кузмина. Петроград. 1917 год.

На сегодняшний день стихотворных переложений «Песни песней» существует множество. Но неизменен интерес к первому русскому переложению Абрама Эфроса и второму – Льва Ярошевского. Интересно и то, что в 1919 году, через два года, это

петроградское издание было повторено в Одессе. Но в моей библиотеке одесского издания книги Льва Ярошевского, увы, нет.

Человек собирает книги, книга собирает человека. Это именно так. Книга воспитывает вкус, определяет род занятий, в конце концов, побуждает к действию.

В шестидесятые годы я прочитал роман Владимира Жаботинского «Пятеро». И буквально влюбился в эту нежную эмоциональную книгу. О том, чтобы издать ее в Одессе, речь тогда не могла идти. Хотелось иметь хотя бы ее экземпляр в своей библиотеке. Тем более что у меня был том стихов и поэм Хаима-Нахмана Бялика в переводе Жаботинского. Позднее попалось издание «Пятеро», выпущенное в Израиле в библиотеке «Алия», не было возможности сравнить ее с парижским изданием 1936 года (мне давали когда-то книгу на одни сутки), но не мог избавиться от ощущения, что в израильском издании что-то не так, изменился ритм. И вот наконец парижский журналист Виталий Амурский нашел для меня изданный в Париже томик «Пятеро» с иллюстрациями одесского художника MAD'а. Это было в конце восьмидесятых, во времена перестройки. Время возвращения в нашу жизнь замечательных книг, украденных у нас советской властью. И вот уже в 2000 году в одесском издательстве «Друк» вышел том «Пятеро», подготовленный мной, где текст Владимира (Зеева) Жаботинского сопровождался статьями Е. Каракиной, А. Мисюк, А. Розенбойма, Е. Свенцицкой и моей. А затем в том же издательстве я выпустил стихи и поэмы Хаима-Нахмана Бялика в переводе Жаботинского, повторив петроградское издание 1917 года. Третьим томом стали «Стихи и переводы» Владимира Жаботинского, изданные Марком Соколянским и мною. Одесса первою вернула русской литературе произведения своего замечательного земляка.

Так библиотека подсказывает, как воскрешать литературу, возвращать забытое.

Иногда это отдельные книги, иногда публикации в альманахах и сборниках. Я очень обрадовался, что неустанный исследователь литературы XX века Вадим Перельмутер подготовил и издал том стихов и прозы Георгия Шенгели, куда впервые вошла замечательная поэма «Повар базилевса». Но одновременно и огорчился,

что в этот том не вошла стоящая на моей полке книга Г. Шенгели «Еврейские поэмы», изданная в Одессе в 1920 году. Когда-то этот томик подарил мне выдающийся одесский историк и археолог П.С. Карышковский. Как книга в книге вышли «Еврейские поэмы» Г. Шенгели в сборнике Одесского литмузея «Дом князя Гагарина». А недавно я получил письмо от В. Перельмутера о том, что он подготовил новое издание Г. Шенгели, куда включил и этот томик стихов.

Библиотека, собрание книг все время побуждают к созидательной работе, к желанию заполнять лакуны в живой литературе. У меня хранится сборник «Чудо в пустыне», изданный в Одессе в 1917 году, подаренный мне литературоведом профессором А.В. Недзведским. В книге стихи Э. Багрицкого, П. Сторицына, А. Фиолетова (это одесситы), но наряду с ними – В. Маяковский, В. Шершеневич. На книге автограф: «Милому, глубокоуважаемому Скальковскому Ан. Фиолетов. 1917 год, 4 марта».

Замечательные стихи А. Фиолетова, включая знаменитое «О лошадях простого звания», сами требовали переиздания. Но не хватало «малости» – первого сборника стихов А. Фиолетова «Зеленые агаты», не сохранившегося ни в одной из одесских библиотек. Немало прошло времени, мы с Александром Розенбоймом писали и публиковали статьи, запрашивали коллекционеров и в конце концов нашли эту книжечку, проследили биографию Натана Шора (подлинное имя и фамилия Анатолия Фиолетова). В результате родилась книга, изданная в Одессе в 2000 году. Старался не цитировать тексты, но тут не могу не познакомить читателей со стихотворением Фиолетова, которое знали и любили Ахматова, Бунин, Катаев.

О сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

А ведь с 2000 года нашлись еще неопубликованные стихи Анатолия Фиолетова. Мы с Аленой Яворской ищем мецената для нового издания, вдвое расширенного.

В моем собрании книг несколько сборников стихов Веры Инбер. И самый первый – «Печальное вино», изданный в Париже в 1914 году с иллюстрациями Осипа Цадкина, ставшего впоследствии всемирно знаменитым скульптором. И второй – «Горькая услада», вышедший в Петрограде в 1917 году, на нем автограф «Милым и чудесным Кемперам с любовью Вера Инбер. 26 ноября 1917 года. Москва». Напомню, что В. Кемпер выступал на эстраде под псевдонимом Владимир Коралли (муж Клавдии Шульженко). Но больше всего я люблю третью книгу Веры Инбер, «Бренные слова», вышедшую в Одессе в 1922 году. Именно эту книгу я и вернул читателям, переиздав ее и постаравшись объяснить, что произошло с талантливым поэтом и прозаиком (вспомним ее повесть «Место под солнцем») во второй половине 20-х годов. Ее обуял страх. Закономерный, так как она была двоюродной сестрой Льва Троцкого. Вера Инбер не замолчала. Хуже, она начала петь не своим голосом. Пропал талант.

Естественно, я условно назвал эти книги из своего собрания «еврейской полкой». Но продолжаю смотреть на стеллажи. Вот передо мной книга «У стен Вавилонских». Национальная еврейская лирика в мировой поэзии». Составил Л.Б. Яффе. Издательство «Сафрут». Москва. 1917 год. Здесь библейские стихи К. Бальмонта и И. Бунина, В. Гюго и Г. Гейне, В. Соловьева и А. Майкова в одном ряду со стихами Х.-Н. Бялика и В. Жаботинского.

А вот сборник стихов Леонида Гроссмана «Плеяда», изданный в 1919 году в Одессе. Леонид Гроссман, конечно же, больше известен как прозаик. Но я рад, что и эта книга стихов вошла в сборник Одесского литмузея «Дом князя Гагарина» как книга в книге.

Последнее мое издательское приключение – возвращение в литературу после 50-летнего забвения погибшего на фронте писателя Ефима Зозули. Кто знает, быть может, все началось со стоящего у меня на полке альманаха «Трилистник» за 1922 год, куда входил и рассказ Ефима Зозули. Но, надеюсь, что о вышедшей в издательстве «ПЛАСКЕ» книге Зозули «Мастерская человеков» в замечательной серии «Одесская библиотека» (редактор Феликс Кохрихт) будут помнить долгие годы. Это возвращение в литературу прозаика, стоящего в одном ряду с Пильняком и Бабелем, с Платоновым и Булгаковым…

Иногда кажется, что будь у книг голос, они бы громко требовали: «Переиздай меня!».

– Кто крайний в очереди? – как любили когда-то говорить в Одессе.

Может, Петр Моисеевич Пильский, который вывел на литературную сцену Багрицкого, Катаева, Олешу, замечательного эссеиста, издавшего в Риге в 1929 году книгу «Затуманившийся мир». На моем томе владельческая печать писателя Антанаса Венцловы, отца выдающегося поэта Томаса Венцловы, друга Иосифа Бродского.

А может, Юрий Казарновский, попавший в ГУЛАГ еще в 20-е годы, вышедший на год-два, – вот тогда-то, в 1936 году, и была издана его книжка, но в 1937 году автора вновь забрали, сборник уничтожали, где могли. Мой экземпляр с автографом «Сергею Бондарину – в знак дружбы и любви. Ю. Казарновский. 12.36».

Книги побуждают к действию. Действительно собирают человека. А это ведь и есть вечный двигатель, над изобретением которого тысячелетия ломало голову человечество.

Можно было бы расставить эти книги по годам, когда они попадали в мою библиотеку. И это была бы моя автобиография, как и рисунки, акварели, живопись на стенах – от первой миниатюры Олега Соколова, подаренной в 1956 году (мне 20 лет), до рисунка Алика Князика «Мыслитель», подаренного в 2016 году. И это была бы автобиография, куда более эмоциональная, чем черточка между датами.

Олег Губарь

«Мы – спина к спине – у мачты...»

Евгений Михайлович Голубовский – «моя броня и кровная родня». Если бы не его деятельное участие, моя судьба могла бы сложиться как-то иначе. Вполне вероятно, не сумел бы реализоваться по тому сценарию, который выстроился в итоге.

«Вечернюю Одессу» и «Комсомольску іскру» в 70-80-е читал весь город. Аудитория составляла сотни тысяч. Сегодня о таком многие СМИ могут только мечтать, в том числе сетевые. Даже нештатный сотрудник мог проснуться знаменитым или, по крайней мере, широко известным благодаря буквально одной острой, актуальной или занимательной публикации. «Вечерка» в самом деле зажигала звезды. Деревянко, Гипфрих, Михайлик, Лившин, Лошак, Романов, Розов, Крохмалева, Кердман, Грудев, Рыковцева, Женевская, Марущак, Ромм… Вечеркинцы были не менее популярны, нежели солисты оперы, ведущие актеры оперетты, русского театра или лидеры «Черноморца». Голубовский – эрудит, книжник, мастер, заведующий отделом культуры; публикации чрезвычайно востребованные, далеко не всегда «идеологически выверенные», часто новаторские.

С Евгением Михайловичем меня познакомила словесница Лидия Мартыновна Полуянова, мать знакомого одесситам старшего поколения художника Алеши Лопатникова. То был довольно сложный для меня период: после перенесенного клещевого энцефалита заново учился ходить, настраивался оптимистически, стал что-то пописывать в университетской газете, куда перевелся в штат с одной из кафедр естественных наук. Тут я как бы не о юбиляре, а о себе любимом, но вне этого контекста не удастся объяснить значимость роли Голубовского. Он не только по-человечески вошел в мое положение, но заметил и оценил мои

потуги на литературную деятельность, что-то во мне распознал. Мало того, после нескольких чисто краеведческих публикаций умело закамуфлировал под эту серию один из моих первых рассказиков. По тем временам это было событие, памятное посейчас.

Евгений Михайлович всегда пристально, с нескрываемым интересом, неравнодушно наблюдал за моей повседневной работой, стимулировал, сопереживал, ставил вопросы, предлагал варианты, регулярно и деликатно указывал на то, что помимо «короеденья» в природе существуют и другие творческие занятья. Это усваивалось незаметно, исподволь, открывало какие-то неведомые шлюзы, реализовывалось в неожиданных проектах.

К самым близким людям – родне, друзьям, товарищам – всегда самые завышенные требования. И это нормально, если проецировать таковые запросы симметрично на себя. Наверное, я не всегда бывал симметричен в отношениях с Е. М.: обижался, сердился по пустякам, что-то некорректно трактовал, чего-то не понимал или не хотел понимать, с чем-то не мог или не желал примириться и т. д. и прочее. Извинительное молодечество, юношеский максимализм… Но, подчеркиваю, это нормальные родственные отношения старшего и младшего. Тут как раз тот случай, когда важно не столько рационально понять, истолковать, сколько иррационально прочувствовать, интуитивно довериться сердцу.

Евгений Михайлович – вот такой человек, которого люблю сердцем. Всякие мелкие разногласия, разночтения, нюансы – дело житейское, в конце концов, «Отцы и дети» – и о нас. Пардон за пафос и патетику, мы плечом к плечу прошли непростые десятилетия, а теперь, когда «о душе пора подумать», не по своей воле угодили в водоворот событий и их чудовищных последствий. Но убежден, сможем выстоять до конца: «Мы – спина к спине – у мачты. Против тысячи вдвоем!».

Мы – семья. Нанесенное Голубовскому или его домочадцам оскорбление – это оскорбление, нанесенное лично мне. Его (их) неприятности, горести, несчастья, как и радости, успехи, удачи – тоже мои, а мои – его (их). Мы всегда рядом. Как ни наивно это прозвучит, но я хочу, чтобы так было всегда.

Фото Анны Голубовской

Феликс Кохрихт

Нас волновали одинаковые страсти…

Внимательные читатели наверняка заметили, что одна из самых знаковых цитат из «Конармии», стоящая в заголовке этих заметок, не заключена в кавычки и, к тому же, ключевое слово «потрясали» заменено на «волновали», чем заметно снижены ее экспрессия и накал.

Я сделал это, поверьте, не из-за плохого знания текста классика, а руководствуясь тем, что в таком виде это признание, звучащее у Бабеля чуть ли с ни с библейским, во всяком случае – романтическим пафосом, больше соответствует характеру моего долголетнего общения с Евгением Михайловичем Голубовским, с Женей, которое длится уже более полувека. Сразу замечу, что наши жены – Валентина и Татьяна – познакомились несколькими годами раньше в одесском Гипрограде, где в молодости набирались стажа и опыта перед поступлением в вузы.

Наши семьи рядом и вместе всю сознательную жизнь.

Начну с топонимии и топографии. В одни и те же годы мы жили практически по соседству. В начале они на Кузнечной, мы на Садовой; затем соответственно на площади, ныне носящей имя Бориса Деревянко, и Якира (ныне – Ицхака Рабина); на ближних углах Большой Арнаутской и Успенской, да и сегодня – на одном троллейбусном маршруте, № 3, идущем к морю…

И работали с молодых лет в редакциях, находящихся на одном квартале Пушкинской и затем в одном здании – Комбината печати на Черемушках. С середины 90-х – и вовсе вместе. Вместе с Олегом Губарем создали журнал «Одесса» и альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Он выходит уже 16 лет (рекорд для подобных одесских изданий за всю историю города), и в нем поочередно публиковались материалы, посвященные нашим юбилеям,

и вот в нынешнем номере мы отмечаем круглую и знаменательную годовщину Евгения.

В этом выпуске опубликованы две статьи Голубовского. Он, человек многосторонних способностей и навыков, работал большую часть жизни в, по сути, ежедневных изданиях. Он, как и я, подчинялся требованиям редактора и руководствовался нуждами газеты. Мы писали на разные темы, но для Жени самыми желанными и актуальными были публикации, посвященные литературе и искусству, главным образом изобразительному. И поиск материалов о знаковых личностях – зачастую опальных в советское время, и творческие портреты известных художников, и открытие новых имен, тех, кто искал себя в творческих экспериментах. Многие из них нынче признанные мастера. К примеру, Олег Волошинов, о котором Голубовский пишет с этом номере. И еще в нем содержательная и вместе с тем личностная статья о том, как он начал собирать старые раритетные издания, посвященные авангарду, и какие встречи были на этом пути.

Я занимался в газетах, да и в жизни, практически теми же темами и так же, как Женя, организовывал выставки молодых и не признанных художников, создавал творческие объединения, в том числе и центры современного искусства. Но, и это важно, я был моложе и во многом шел по пути, проложенному Голубовским. Я был школьником, когда он, студент политехнического института, был подвергнут жестоким преследованиям за то, что познакомил своих соучеников, да и вообще многих одесситов, с творчеством… импрессионистов. От исключения из вуза его спас Илья Эренбург.

И эта знаковая фамилия – далеко не единственная в перечне выдающихся писателей, поэтов, художников, искусство- и литературоведов, собирателей, живущих по всему миру, с которыми Евгения Михайловича связывают и профессиональные, и дружеские отношения, плодами которых питаются и наши музеи, и библиотеки, и наш альманах.

Понимаю и даже ощущаю дискомфорт оттого, что некоторые из читающих эти строки скептически, если не более остро, реагируют на то, что я в материале, посвященном Евгению Голубовскому, вспоминаю и о себе, но ведь нас, знающих друг друга с мо-

лодых лет, помнящих друг друга полными стремлений и надежд, переживших многое и что-то сделавших в силу возможностей и способностей, осталось мало. И кто же еще, кроме нас, помнит то время, когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли…

Что делать, если и работы одесских художников, многим из которых мы помогали в трудные для них и нас годы, Женя и я начали собирать практически одновременно – он, разумеется, раньше, и мне приходилось догонять…

В дни, предшествующие юбилею Евгения Голубовского, в Одессе был реализован масштабный международный проект Музея современного искусства и группы молодых кураторов «Свободная зона», где был раздел «Теофил Фраерман и его ученики», знатоком творчества которых он является; в Литературном музее экспонировалась выставка, посвященная Владимиру (Зееву) Жаботинскому, произведения которого впервые в советские и постсоветские годы вышли в Одессе его тщаниями, при его активном участии состоялись открытия мемориальных досок Велимиру Хдебникову и Давиду Бурлюку; идет подготовка к юбилею Василия Кандинского…

И это лишь часть важных, но и повседневных дел Евгения. А еще – клуб «Зеленая лампа» и газета «Всемирные одесские новости»: он ее создатель и редактор. Вице-президент Всемирного клуба одесситов, кавалер ордена Маразли, мой товарищ.

P. S. Перечитал эти заметки и понял, что все же необходимо привести здесь цитату из «Конармии», чтобы наши читатели, особенно молодые, сполна оценили и темперамент, и необыкновенную образность прозы Исаака Эммануиловича:

«Нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба (персонаж повествования – кавалерист Хлебников. – **Ф. К.**) смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

Иван Липтуга

На все времена

Так уж вышло, что в узком кругу нашего редакционного совета альманаха я самый молодой, и мне не повезло, в отличие от моих старших наставников, знать Евгения Михалыча более полувека. Но так как мне посчастливилось быть сыном директора Одесского литературного музея, то имя Евгения Голубовского мне было знакомо с ранних лет. Как это заведено в Одессе, мы даже родственники по бабушкиной линии с маминой стороны. Став старше, я вошел во Всемирный клуб одесситов, подключился к проекту Одесского альманаха, затем Одесской библиотеки, и так можно сказать, что всю жизнь, все время мы рядом.

Для меня большая честь находиться в кругу таких людей, как Феликс Кохрихт, Евгений Голубовский и Олег Губарь, потому что они олицетворение настоящей одесской литературно-художественной интеллигенции, которая, к огромному сожалению, не регенерируется. Если сложить энциклопедические знания всех троих об Одессе, то, наверное, вышла бы гигантская пирамида размером с наш оперный. Они уникальны, поэтому уникален и альманах. При таком редакционном совете очень легко и приятно выступать в роли мецената. Всегда спокоен и уверен, что материалы очередного выпуска подобраны и выверены вплоть до мелочей. Когда слушаешь очередную презентацию литературного блока альманаха от Голубовского, складывается ощущение, что Евгений Михайлович жил во все времена, лично общался со всеми писателями и поэтами и может спокойно и обстоятельно обсудить любое произведение любого автора за последние лет 220.

Ценю ваш талант, ваш профессионализм, горжусь нашей дружбой и тем, что судьба свела нас и дала возможность смотреть, слушать и учиться у вас.

«Но вы – дорогие – живите! Живите!..»

Воспоминания о Марине Хлебниковой

Сейчас имя Марины Хлебниковой в одесских околопоэтических кругах практически забыто. А зря. Ведь Марина была одним из наиболее ярких и самобытных русскоязычных поэтов современности. Увы, была… В декабре 1998 года, за 20 дней до своего сорокалетия Марина трагически ушла из жизни. Остались публикации в различных одесских, московских, американских журналах и альманахах, три книги, изданные ее мужем Сергеем уже после ее смерти тиражом 300 экземпляров, и воспоминания друзей.

Светлана Крижевская, художник

Марину привел к нам брат известного графика Володи Межевчука. Он работал вместе с Сережей Хлебниковым в пароходстве. Как-то он пришел к нам и сказал: «Вы такие отличные ребята, вам надо познакомиться». И привел к нам Сережу и Марину. И тогда выяснилось, что Марина пишет стихи. Ну, раз пишешь стихи – почитай. И когда она начала читать… Знаете, это была любовь с первого взгляда.

Геннадий Гармидер, художник

Стихи она начала читать не сразу. Когда они пришли ко мне в мастерскую, то сначала внимательно посмотрели то, что развешано по стенам, затем я показал офорты, которые хранятся в папках. Затем мы сидели, был общий разговор, и вот тогда Марина читала стихи. Потом таких встреч было много. Мы дружили семьями, общались, я подарил Марине пару работ своих. У нее были любимые офорты. С Сережей нас объединяла любовь к парусу. А с Мариной нас связала ее поэзия. Это была действительно высокая поэзия, безупречная по форме

Марина Хлебникова и Геннадий Гармидер в мастерской

и по содержанию. К тому же, она великолепно читала на память. Она все помнила. Мое субъективное мнение, может, оно и неправильное, но это лучшая современная русскоязычная поэзия.

Светлана

И в дальнейшем, когда она приходила к нам, как только открывалась дверь, я сразу просила: «Мариночка, почитай»…

Сергей Осташко, журналист

Мы подружились с Мариной в литературной студии Владимира Домрина в Ильичевске, где они с мужем – известным одесским яхтсменом Сергеем Хлебниковым – тогда жили. Сергея я шапочно знал раньше по Черноморскому яхт-клубу, а с Мариной познакомился, когда он привел ее в студию и, слегка смущаясь, сообщил, что его жена начала писать стихи, и хотелось бы услышать мнение знатоков. И когда она начала читать, это было потрясение и для студийцев, у которых уже было немало опубликованных произведений, и для руководителя – известного поэта

Владимира Викторовича Домрина. Когда она читала, замирали даже те, кто скептически воспринимает поэзию.

Светлана

Марина к нам любила приходить почему? Она чувствовала, что здесь ее воспринимают в первую очередь как поэта. Мы ее могли слушать до утра. А некоторые в ней ценили совсем другое… Нет, хорошо к ней относились все. Плохо к ней относиться было невозможно. Но когда я поближе познакомилась с людьми, которые ее окружали, мне показалось, что ее воспринимали как угодно, но в последнюю очередь как поэта.

Марина была человек открытый, щедрый и очень ранимый. И когда ее воспринимали не так, она очень переживала.

Сергей

Интересно еще вот что. Писать она начала в достаточно взрослом возрасте, 26 лет, уже будучи замужем. Ни в школе, ни в институте даже попыток никаких не было.

Светлана

Марина была очень разносторонним человеком. В школе ей одинаково легко давались и точные науки, и гуманитарные. Воз-

можно, тут сказались гены. Отец Марины был капитаном дальнего плавания, а мать – преподавательницей русского языка и литературы. Не знаю, будет ли корректно упомянуть, но Марина всегда говорила, что с отцом она всегда находит большее взаимопонимание, чем с матерью.

Школу Марина окончила с золотой медалью и к удивлению родителей поступила… в политех. В институте вышла замуж, родила сына, и пришлось совмещать обязанности жены, матери и студентки. Было непросто, но вуз она окончила, как положено, через пять лет, причем с «красным» дипломом, и получила назначение в СКБ на заводе «Электронмаш».

Геннадий

Она потом смеясь рассказывала, что «довольно быстро стала наращивать инженерные мускулы» – инженер, старший инженер, инженер высшей категории… Казалось бы, чего еще желать молодой, красивой, успешной на работе и счастливой в семье женщине?! Но тут появилась поэзия.

Сергей

В Москву, в Литературный институт имени Горького она поступила сразу и сама, без всяких

протекций. О ее стихах очень хорошо отзывался один из столпов советской поэзии – Кирилл Ковальджи. Он же написал предисловие к ее первой книге «Проверка слуха», которая должна была выйти в издательстве «Московский рабочий» в 1991 году. Но случился ГКЧП, и все планы полетели в тартарары. Книга в то время так и не вышла, но сыграла свою положительную роль. За эту – еще не изданную – книгу Марину приняли в Союз писателей России. За дипломную работу, фактически за рукопись. Случай, можно сказать, уникальный.

К сожалению, Марина так и не успела увидеть свою книгу, так сказать, живьем. Уже после ее смерти трехтомник произведений Марины – стихи, проза, драматургия – издал ее муж Сергей.

Когда я был в Москве, я сообщил Кириллу Владимировичу о смерти Марины, и он переписал предисловие к книге. Но, к сожалению, в изданный Сергеем трехтомник это переписанное предисловие не вошло. Так же, как и великолепные иллюстрации Гены Гармидера, часть которых публикуется в альманахе.

Геннадий

Мне Марина вспоминается очень хорошим, красивым человеком. Причем не только внешне, но и внутреннее. Красивой женщиной.

И очень умной. Как-то она пришла в мастерскую и сказала, что будет издавать книжку своих стихов, и хотела бы, чтобы эту книжку иллюстрировал я. Я с удовольствием согласился. Она принесла рукопись, я познакомился с ее творчеством уже не на слух. Стихи мне жутко понравились. Это была настоящая поэзия.

Я сделал несколько эскизов к обложке и иллюстраций и показал ей. Ей очень понравилось. У меня была такая идея. Круглый столик. Она сидит за ним, подперев щечку. Кофе, листики. А чуть позже появился чертик, выглядывающий из-под стола.

Светлана

Там есть еще один мистический момент. Везде в этом оформлении идет развитие круга. Он везде. В иллюстрациях и к разделам, и к отдельным стихам. Все оформление черно-белое. И только на обложке стоит красная точка. И получилось, что эта красная точка была поставлена в конце ее жизни. То есть в каком-то смысле графическое решение книги оказалось пророческим.

Сергей

У Марины всегда было очень болезненное восприятие проблем, с которыми она

сталкивалась в жизни. Мы несколько раз говорили с ней на эту тему. И я, и Света с Геной. И в какой-то момент нас просто не оказалось рядом.

Геннадий

Сережа и Марина были слишком разные люди. Очень хорошие люди, но очень разные. Сережа весь в яхтах, а яхтсмен – это не увлечение, это диагноз. У него логическое инженерное мышление, а Марина более эмоциональная. У нее какие-то свои внутренние проблемы были, в которые она никого не посвящала.

Сергей

Марина рассказывала, что Сергей первое время пытался ее приучить к яхте. Она честно пыталась, но это было не ее. И кроме того, она укачивалась…

Светлана

Талантливому человеку легко никогда не бывает. У каждого бывают такие моменты, когда весь негатив сходится. У нее были сложные отношения с одесскими письменными. Они ее не принимали.

Сергей

Это парадокс какой-то. Член Союза российских писателей…

Светлана

…а в Одессе ее не принимали. Как-то не вписалась…

Сергей

Это была ревность. Пожалуй, единственными одесскими «мэтрами», которые не ревновали ее к творчеству, были Владимир Домрин и Станислав Стриженюк. С последним ее просто связывали годы дружбы. А у Домрина была такая теория: в любой строфе любого, даже самого гениального поэта есть одна лишняя строчка. И он доказывал это на примере Пушкина, Лермонтова, не говоря уже о Слуцком и прочих Вознесенских. Так вот, в стихах Марины он этой самой лишней строчки не находил. Как, например, в этом, написанном незадолго до смерти.

Я – мимо…
Беспечных, усталых, безумных – я мимо,
я мимо домов, где идет пантомима,
я мимо рисованных рощ и оврагов,
я мимо владений и мимо бараков –
туманом, дыханьем, дымком сигаретным
взлетаю туда, где ни зла, ни запретов!
Туда, где порвутся последние нити…
Но вы – дорогие – живите!
Живите!..

Записал Сергей Осташко

Марина Хлебникова

Стихи

* * *

Когда-нибудь, пройдя и Крым, и Рым,
по трещинкам судьбу сложу в ладони…
…На улице жгут листья. Теплый дым
в осеннем небе гасится и тонет.
И город вьется тысячью дымков –
как будто в мир иной перелетая,
душа земной оставила альков
и легкий дым по улицам сметает…
…Когда-нибудь, за день до холодов,
сгребу листву руками без перчаток,
и в разнобойных контурах листов
своей ладони встречу отпечаток,
и обращусь в отечественный дым,
и отлечу, не спрашивая визы…
Налево будет Крым, направо – Рым,
и оба вместе – позади и снизу…

Я – мимо…
Беспечных, усталых, безумных – я мимо,
я мимо домов, где идет пантомима,
я мимо рисованных рощ и оврагов,
я мимо владений и мимо бараков –
туманом, дыханьем, дымком сигаретным
взлетаю туда, где ни зла, ни запретов!
Туда, где порвутся последние нити…
Но вы – дорогие – живите!
Живите!..

Записал Сергей Осташко

Марина Хлебникова

Стихи

* * *

Когда-нибудь, пройдя и Крым, и Рым,
по трещинкам судьбу сложу в ладони…
…На улице жгут листья. Теплый дым
в осеннем небе гасится и тонет.
И город вьется тысячью дымков –
как будто в мир иной перелетая,
душа земной оставила альков
и легкий дым по улицам сметает…
…Когда-нибудь, за день до холодов,
сгребу листву руками без перчаток,
и в разнобойных контурах листов
своей ладони встречу отпечаток,
и обращусь в отечественный дым,
и отлечу, не спрашивая визы…
Налево будет Крым, направо – Рым,
и оба вместе – позади и снизу…

* * *

Белый лист чист и гол,
Гол и чист белый стол.
Белый свет стар и сед,
Видел все белый свет.
Видел все белый лист –
Чист бывал и нечист,
Молчалив и речист –
Все стерпел белый лист.
Видел Ветхий Завет,
Видел кляуз букет,
Вязь бухгалтерских смет
И Шекспира сонет…
Тянет ноту кларнет,
А ответа все нет:
Мне садиться за стол?
Он пока чист и гол.
Что вписать в белый лист?
Он пока гол и чист…

* * *

Небичеванных, молодо-гордых,
Под тревожное ржанье подруг
Жеребят на коротеньких кордах
Объезжать выводили на круг.

Первый хлыст – и не боль – изумленье,
Вера в руку, творящую зло,
Но на третьем сгибает колени
Вороной – он готов под седло.

Круг за кругом – измученной тенью,
Клочья пены роняя с боков…
И Гнедой, замечтавшись о сене,
Принимает своих седоков…

День к закату – последний на корде,
Хлыст звенит, как натянутый лук!
Это Рыжий несется по хорде,
Вырывая веревки из рук!

Бросьте хлыст – он не станет послушней!
Хоть с откоса – но сам, без петли!
Рыжий ветер, надежда конюшни,
Золотая веснушка земли!

* * *

Вечерний бриз причесывает скверы,
Дневные раны лечит терпким йодом,
Вечерний бриз – всего лишь полумера:
В июльской топке краткосрочный отдых.

Вечерний бриз петляет по бульварам,
На стенах сушит легкие ладони,
Следы сметает с пыльных тротуаров
И влажно мой целует подоконник.

Вечерний бриз не свищет и не злится,
Течет водой прохладной из баклаги,
И будто бы боясь навек проститься,
Строкою замирает на бумаге…

* * *

Ну, что мне поля – горожанке в шестом поколеньи?
Ну, что мне дрозды, если путаю их с соловьем?
К мощеному плену привыкнув еще до рожденья,
на мир я смотрю сквозь привычный оконный проем.

В деревне я – гость, ошалевший от запахов леса,
от трав, петухов, необычно густой тишины,

от ягодных мест и от хлеба ручного замеса,
и свежих ветров, уносящих печные дымы…

Прости мне, деревня! Приемлю любые резоны:
начало, источник, основа, целебный родник!..
Но я – Робинзон. И, как всяческие робинзоны,
я паруса жду – каждый день, каждый час, каждый миг!

Сыну

Хочешь, я все придумаю:
беседку в лиловых сумерках,
сосну в золотых фонариках
и дом из воздушных шариков?..
Придумаю, хочешь, зиму?
Летит она мимо, мимо –
вдоль улиц пустынно-тихих
в хрустальной неразберихе…
На крышу взберусь по лестнице
и солнце поймаю зеркальцем,
свяжу золотые лучики –
и желтый гамак получится.
Гамак привяжу под радугой –
хоть капельку, хоть ненадолго –
но мы с тобой полетаем,
а после – пускай растает…
И пусть будет все неправильно,
навывортно, неправедно,
придумано – не украдено!
Ведь сказка – начало праздника!
В ней звезды звенят в бубенчики,
и выдумкой все повенчаны…

Спи, мальчик, на лоб твой дуну я
и сон до конца додумаю…

* * *

Почему не степнячке-скифянке,
вольной дочери вольного рода,
а степенной посадской славянке
посмуглила ты кожу, природа?

И в каком стародавнем колене,
на каком обороте земли
положила раскосые тени
на славянские скулы мои?

Где сплелись? На каком пепелище
две любви напоили коней?
Срез земли, обнажив корневища,
не распутает тайны корней…

Да и надо ли корни тревожить?
Давний след затерялся в пыли…
Я славянка со смуглою кожей.
Я – землянка с корнями земли…

* * *

Опять крылом взметнулся парус,
опять все сказаны слова,
и вымпела веселый гарус
опять ласкает синева…
Отжатый линией прибоя,
ты даже в мыслях не со мной:
азартно ждешь начала боя,
а я прошу быть легким бой!..
Я постою еще немного
и посмотрю на хрупкий след –
твоя любовь, твоя дорога,
а мне туда дороги нет!
Мы в духе времени, ты видишь,

но все же чуть тревожно мне:
твои дела – дела твои лишь.
Мои дела – мои вполне…
Мне не смешно, но рот смеется –
в дороге горечь не нужна,
и я желаю, как ведется,
семь футов под килём до дна!
Тебе гадает ветер свежий,
как в сказке о Златом руне…
Да поведет тебя надежда!..
А что ты пожелаешь мне?..

* * *

И ветер сорвался…
И снова глухая тоска
наполнила парус
причудливых детских фантазий…
Когда-то – Бог весть! –
на пустом Каролино-Бугазе
короткие волны
по отмелям шли до песка,
свивались в ажурные гребни,
ложились у ног,
мое бормотанье,
шурша,
относили обратно,
ломая черту, оставляли неровные пятна,
на миг остужая холодный зернистый песок.
То эллинский бог забавлялся –
из многих забав
он выбрал одну:
отбежать – подождать – и в погоню…
У Черного моря
до дрожи, до скуки устав,
я жду десять лет…
Но тебя даже свет не догонит.

* * *

Я твой колоколец-бубенец,
отзовусь на каждое касанье,
разгоняя утренний свинец,
золотыми звякну волосами,

пропою короткое: «Пора!» –
не влагая горестного смысла,
в то, что мы дожили до утра
и совсем изжили наши числа…

Пять минут судьбы – к лицу лицом,
пяти минут судьбы – но телом к телу!..
Золотым залетным бубенцом
по твоей душе я пролетела,

но – кто знает? – может, над крыльцом
в доме, где и так всего в избытке,
я когда-то стану бубенцом
певчим наваждением на нитке…

* * *

Давай покурим или посвистим,
заполним как-то паузу…
Хотела…
хотела бы сказать – меж поцелуев!..
Но это будет первая неправда,
а мы с тобою, в общем, не вруны…
Давай заполним паузу в молчаньи,
попробуем хотя бы на секунду
соприкоснуться голосом,
а вдруг
мир обретет – и мы разбогатеем –
какой-то небывалый инструмент,
не струнный, не ударный и не медный,
созвучный только Божьему старанью
увидеть в нас хоть капельку добра…

...Пора, мой друг, я чувствую – пора!..
Подай же мне хоть слово,
Спутник бедный!..

* * *

Мое поколение,
рожденное и созревшее
от потепления,
до потепления,
упавшее не орлами,
а решками,
и невостребованное временем,
закрывшее брешь
между шестидесятыми
и восьмидесятыми,
рассыпанное на инертные атомы,
молчаливое – хоть режь,
не ломаное, но мятое,
несъедобное,
но склонное к самосъедению,
самокопанию,
самоубийству,
мое поколение,
бегущее от идолищ и мекк,
мое поколение,
замыкающее двадцатый век,
сегодня пробует голос
хриплый и мятый,
как слежавшееся белье,
запоздалый от долгого
неупотребления...
МОЕ поколение,
только МОЕ,
да станешь ты гумусом
ВОСКРЕСЕНИЯ!

Рисунки Геннадия Гармидера

Преданный рыцарь Одессы

Беседы с Александром Розенбоймом

13 июня 2015 года ушел в мир иной Александр Розенбойм – ведущий одесский краевед и исследователь, писатель, биограф, историк, автор сотен газетных и журнальных статей и более двух десятков книг об Одессе. Он был блестящим рассказчиком, умным собеседником, эрудированным человеком, незаменимым консультантом, знатоком старой Одессы, которой он был верен и предан до последнего дня.

Краевед по призванию, инженер-строитель по профессии, Александр Юльевич начал заниматься историей литературной Одессы в далеких 1960-х. Это произошло, когда в газете «Комсомольская искра» в феврале 1967 года с легкой руки журналиста Евгения Голубовского была открыта новая рубрика «Одессика». Именно тогда вышла первая статья Ростислава Александрова (такой псевдоним взял себе будущий историк Одессы Александр Розенбойм), посвященная истории «Гамбринуса». Он первый занялся одесскими реалиями знаменитого рассказа Александра Куприна и прототипом главного героя – Сашки-скрипача.

Александр Розенбойм:

– Помните у Конан Дойля «Первое дело Холмса»? Так вот, мое первое дело было – о «Гамбринусе». Была проделана огромная работа. Я нашел родственников Сашки-музыканта и вел с ними переписку. Его сын и внук стали потомственными настройщиками. Кстати, смычок Сашки внук подарил другу музыканту. Я ходил в этот подвал, там в то время был склад ювелирного магазина. Чтобы начальство магазина поверило в мои благие намерения, пришлось предъявлять паспорт. Я нашел всех лабухов, там игравших, в том числе – последнего аккомпаниатора Сашки-музыканта. У меня есть письма человека, который делал роспись на стенах «Гамбринуса». Я слушал человека, который рассказывал, как Куприн, вусмерть пьяный, спал на газетных рулонах.

Публикация вызвала поток читательских писем. Это было время всплеска интереса к одесскому краеведению и появления новой газетной рубрики «Одессика», пользовавшейся огромной популярностью.

Александр Розенбойм:

– Цензоры у нас были зубастые. Как-то проскочила у меня фамилия архитектора, который в 1944 году ушел вместе с румынами. Что тут началось! К счастью, друзья нашли газету, в которой его фамилия была упомянута раньше. Это снимало с авторов всякие обвинения. Так я выпутался из этой истории.

Краеведческая и журналистская работа шла параллельно с моей основной научной и производственной деятельностью: я 33 года проработал в НИИ. Иногда мне удавалось уйти на час раньше, часто оставался на работе на ночь, чтобы печатать свои статьи на пишущей машинке. Как я был счастлив, когда купил в Кишиневе свою, югославскую, в футляре! Я смог работать ночью дома, но приходилось закрывать окна, чтобы соседи не жаловались, что я им мешаю спать.

Работая в «пуско-наладке», Александр Юльевич использовал регулярные командировки для встреч с людьми, чьи судьбы вплетены в судьбу города: писателями, вдовами и детьми писателей, их друзьями

и родственниками. Статьи Ростислава Александрова знакомили одесситов с забытой, запрещенной или замалчиваемой Одессой. Постепенно хобби Александра Юльевича стало главным делом его жизни, а главное дело поставило его в один ряд с теми, о ком он писал или рассказывал с экрана телевизора.

Закончив первое дело, он взялся за следующее.

Александр Розенбойм:

– «Дела» пошли одно за другим, поразительно увлекательный процесс.

Я бывал на той самой даче по улице Амундсена, где Куприн написал свой «Гранатовый браслет».

Я пивал чай за черным дубовым столом в доме Буковецкого на Княжеской, 27, тем самым, за которым сидел Иван Бунин в свои «окаянные дни» в Одессе.

Я бывал у первой жены Бунина – Анны Николаевны Цакни, которая после стала женой Александра Дерибаса, внучатого племянника основателя города. Предваряя расспросы, она всех заранее предупреждала: «Если вы об Иване Алексеевиче, то – ни слова». А после ее смерти близкие обнаружили в чемоданчике фотографию Бунина, вырезанную из старого журнала.

Я всегда любил разговаривать со старыми одесситами – от них можно было услышать совершенно невероятные истории.

Однажды на Приморском бульваре я познакомился с очень пожилым человеком, который видел празднование столетия Одессы в 1894 году и рассказал мне все в подробностях.

А в другой раз на Дворянской улице я присел на лавочку к старушке, как бы просто закурить, и она поведала мне об Исааке Бабеле, за родственником которого она была замужем.

В моей исследовательской работе судьба ко мне благоволила.

Я переписывался с Валентином Катаевым, у меня есть его несколько писем. Почерк у него всегда был плохой, к старости – еще хуже. Он писал письма только от руки тридцатикопеечной шариковой ручкой. А однажды я приехал к нему домой в Переделкино. Это было накануне его 85-летия. Дом был двухэтажный. Жена писателя встретила меня, я поднялся на второй этаж. Катаев

попросил подождать несколько минут, пока он закончит работу. Я понял, что он дал мне время освоиться, осмотреться. Помню книжные шкафы, большой письменный стол, кушетку с пледом, большое окно в сторону леса, а там – сосны в снегу. Я подумал, как далеко от Одессы занесло Катаева. Согревал одесский акцент. Я привез ему с малой родины гостинцы – одесскую брынзу и… фотографию парохода «Тургенев», описанного им в повести «Белеет парус одинокий». Увидев фото, он так закричал, что снизу прибежала перепуганная жена.

– Вот мой пароход! – воскликнул писатель.

А это был заштатный колесный пароход, который Катаев пустил в долгое литературное плавание.

Катаев уже в то время плоховато слышал, и, памятуя, как такие именитые люди относятся к интервью, я просто внимательно слушал, не перебивая и улавливая каждое его слово. Мы проговорили с ним четыре часа. А потом по свежим впечатлениям я всю ночь записывал его рассказ. Уверен – будь у меня в руках диктофон или ручка с блокнотом, он бы так не раскрылся. Это было последнее интервью большого мастера слова. Я сделал два материала к 85-летнему юбилею Валентина Катаева – для «Вечерки» и для «Моряка». А кроме того, мне удалось порадовать и одесских радиослушателей. Главный редактор областного радио Валентин Мороз попросил меня сделать радиопередачу. Я позвонил в Переделкино, взял трубку сын, позвал отца. Я сказал: «Валентин Петрович, одесситы хотят услышать голос своего земляка». Катаев сказал: «Я прочитаю стихи». И прочитал две строфы из стихотворения 1944 года.

Каждый день выбегая из леса,
как любовник в назначенный час,
поезд с белой табличкой «Одесса»
пробегает, шумя, мимо нас…

Радиопередача получилась отменная, с голосом самого юбиляра. Голосом «того времени».

Во время беседы с Валентином Катаевым я очень надеялся заполучить для газеты отрывок из какого-нибудь его произве-

дения. И он подарил мне несколько листков машинописной рукописи «Юношеского романа», ее потом опубликовали в Одессе, и книгу «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» с автографом. Под конец жизни писатель говорил, что не признает жанры литературного произведения. Книжка его у меня осталась, а рукопись я подарил Литературному музею.

Круг моих интересов иногда выходил за рамки Одессы. В 1969 году к 25-летию освобождения Одессы от фашистов я опубликовал интервью с Юрием Левитаном. Помню, был конец марта, я находился в командировке в Москве, когда мне удалось встретиться с легендарным диктором. Тот, вопреки моим представлениям, оказался довольно маленького роста. Тембр известного на всю страну голоса никак не вязался с его тщедушным телосложением. Но голос у него был от бога. Беседа получилась интереснейшей.

Мало кто знает (это было засекречено), что все сводки Информбюро Левитан читал, находясь… в Свердловске, а не в Москве. Потом, когда обстановка немного улучшилась, – из Куйбышева. Налеты на Москву продолжались, и в телефонном режиме все материалы шли в Свердловск, чтобы сигналы не пеленговали. Теперь на здании, откуда он вещал, установлена мемориальная доска, мне прислали фотографию. Но в 1969 году обнародовать эти факты было еще нельзя.

Неожиданным было и то, что все свои радиосообщения для фильмов и исторической хроники Левитан начитывал уже после войны: в 40-х годах еще не было звукозаписи. А при Брежневе и для выдающегося диктора наступили застойные времена. Его много лет не выпускали в эфир: по мнению генсека, голос Левитана тревожил население. А кто-то из ЦК КПСС ему прямо сказал: «Юрий Борисович, когда я слышу ваш голос, мне хочется бежать в бомбоубежище или в магазин за солью».

Умер Левитан трагично. Он поехал вести передачу на ТВ – кажется, по случаю юбилея Курской битвы – и умер прямо в студии.

Я был на последнем концерте Леонида Утесова в Одессе, в помещении Украинского театра, кажется, в 1963 году. Помню – еду в концерт на трамвае, а кондукторша, матерая

одесситка, объявляет остановку: «Торговая, следующая остановка – концерт Утесова».

Я дружил с вдовой Эдуарда Багрицкого Лидией Густавовной Суок. Бывая в Москве, непременно наносил визиты «сестричкам». Их было три сестры-одесситки, которые стали женами знаменитых писателей: Серафима – женой Владимира Нарбута, затем – Виктора Шкловского; Ольга – женой Юрия Олеши, прославившего фамилию Суок в своей бессмертной сказке «Три толстяка».

В последней квартире Олеши, которую я посещал, жили его вдова Ольга Густавовна и Лидия Густавовна, вдова Багрицкого. Они не оставили ни листочка воспоминаний. Только рассказы. А я слушал и запоминал.

Они меня, в свою очередь, представили стольким интересным людям… Так, сестры Суок свели меня с писателем Сергеем Александровичем Бондариным, тоже одесситом. Благодаря им я познакомился с Эдвардом Радзинским и его отцом – одесситом Радзинским-старшим, Станиславом Адольфовичем. Он уехал из Одессы позже других, работал тут журналистом, позже – театральным критиком, печатался в одесском журнале «Шквал». Он рассказывал мне о последнем приезде в Одессу Багрицкого и как тот останавливался у него на Нежинской улице.

У меня было несколько встреч с Лилей Брик, музой Маяковского. Меня в то время интересовали выдающийся пролетарский поэт и его одесские автографы, я знал шапочно его сестру Людмилу Владимировну. Тогда люди, знавшие Маяковского, были разделены на два лагеря: одни отдавали должное Лиле Брик, преклонялись перед ней, другие считали ее абсолютным злом. Моя первая встреча с Лилией Юрьевной состоялась в Гендриковом переулке, на вечере в Музее Маяковского. Меня представили как человека, занимающегося Одессой. Ее заинтересовал мой материал «Маяковский и чужие стихи». Она, конечно, была яркой, неординарной личностью. У меня хранилось письмо Лили Брик, но оно «ушло» от меня.

Еще одна встреча с Л. Брик произошла на похоронах поэта-футуриста Алексея Крученых. Лиля стояла с закрытыми глазами.

Она была в ужасном состоянии, ведь это был последний человек ее времени. Когда опускали гроб, вокруг была лишь жалкая кучка старушек. Выступил от Союза писателей Борис Слуцкий. Он прочитал Ахматову: «Когда погребают эпоху, надгробный псалом не звучит...». Там, на траурной церемонии, я зацепил одного мужичка, который хорошо знал А. Крученых в юности. Оказалось, что жил по соседству со мной на Малой Арнаутской и когда-то учился в Одесском художественном училище. Вот так рождались мои рассказы.

Итогом многолетней исследовательской деятельности Александра Юльевича стала книга «Прогулки по литературной Одессе», которая ныне является раритетным изданием и обречена на бессмертие.

Розенбойм, как мало кто, знал старую Одессу и готов был делиться своими знаниями, рассказывать об «исхоженных детством» памятных местах. Как-то во время нашей с ним прогулки по старинным одесским улицам я включила диктофон.

Наталья Бржестовская:

– Парадокс: интерес к Одессике все растет, но незаметно, чтобы поколения выросших за это время одесситов стали бережней относиться к своему историческому наследию. Десятки домов, которые могли бы быть отреставрированы, сносятся, а их место занимают высотные строения, не всегда соответствующие облику старинного города.

Александр Розенбойм:

– У каждого поколения – своя Одесса: и у наших дедов, и у наших отцов, и у нас. Возьмем, к примеру, комплекс Пале-Рояль, созданный архитектором Торичелли. Изначально это было длинное здание в виде буквы «П» вдоль Екатерининской, Ланжероновской улиц и нынешнего переулка Чайковского – сохранилась литография. Потом его начали распродавать по кускам, собственники перестраивали по своему усмотрению. Судите, что получилось. Был великолепный дом с колоннадой Крамарева на углу Преображенской улицы. Сломали и на его

месте построили гостиницу «Пассаж». Кому-то это тоже, наверное, тогда не нравилось. Таких примеров много. Я инженер-строитель и понимаю, что Одесса – не музей под открытым небом, а живой организм, в котором что-то отмирает, что-то появляется. Но каждый организм развивается по генной программе. А город должен развиваться по Концепции исторической застройки. У нас сложился исторический центр, и его следует сохранять. Мы любим говорить, что намерены превратить Одессу в туристический центр! Но нынешние наши новостройки никакого интереса для туристов не представляют. А что представляет, то взывает сегодня о спасении.

Сколько пришлось писать и жаловаться, чтобы взялись за мемориальный Дом-музей А.С. Пушкина, когда он «затрещал». А ведь этот дом первым был восстановлен после войны (туда попала бомба).

А сегодня безнадежно гибнут дома Либмана, Русова, Гоголя. Их довели до необратимого состояния. Умышленно, чтобы разрушить и построить там что-нибудь никчемное?! В центре города! Позор. А мы принимаем высоких иностранных гостей, рассказываем о нашей самобытности! Возьмите Лондон. Там хозяин частного дома не имеет права передвинуть камень в заборе, не то что перестроить сам дом. Даже если это не первая застройка Лондона, ее охраняют. Не надо жить так, как будто до нас ничего не было!

Сегодня самое старое здание в Одессе – дом Феликса Дерибаса на Дерибасовской улице. Еще недавно там находился магазин медицинской литературы, сейчас – ресторан, но важно не это, а то, что его новые хозяева испортили фасад. Почему во Львове никто не покушается видоизменить бесценные дома на Ратушной площади, и они украшают город своим первозданным ликом? А ведь здание на Дерибасовской, примыкающее к Городскому саду, построено в 1807 году! Там бывали А. Пушкин, герцог Ришелье, Воронцов… Должны бы отнестись бережно к такому дому, повесить доску. Умные предприниматели сделали бы внутри этого ресторана маленькую экспозицию по истории дома, и это было бы лучшей рекламой, как за границей, где используют любую мелочь!

Взять реставрацию Оперного театра. Не надо это возводить в заслугу – в нормальном городе следят за объектами такого ранга. Кстати, название «Оперный театр» появилось в советское время, а ранее он всегда назывался Городской театр, так как являлся муниципальным еще со времен Ришелье, все же остальные были частные. Но, реставрируя Оперный театр, мы почему-то забываем о чугунной лестнице, что спускается в переулок Чайковского. Однажды, проходя мимо, я подобрал чугунный обломок перил. И с тех пор взываю: спасите старинную лестницу! Одну, с противоположной стороны, уже безнаказанно уничтожили. Эта, последняя, на глазах разрушается, и никому нет дела. Я понимаю, что у города нет денег, что есть более жизненно важные задачи, но лестницу необходимо сохранить.

Наталья Бржестовская:

– Как вы оцениваете реконструкцию Горсада?

Александр Розенбойм:

– Двояко. Есть понятие «сад». В саду должны быть мягкие песочные аллеи, прорастать трава. А это не сад, а площадь с газонами. Почему нельзя было оставить хотя бы одну-две аллеи или дорожки, а не заковывать все в каменную броню? Как-то, будучи в Петербурге, я проходил мимо Таврического сада и увидел табличку: «Сад закрыт на просушку». Ленинградский климат сырой. Вот это – хозяйский подход. Я не люблю декораций нигде, кроме театра. А решетки Горсада со стороны Преображенской и Ланжероновской есть декорации, потому что на Дерибасовской ее нет, а когда-то была – старые одесситы это помнят.

Интересно, что учреждение, призванное охранять наше достояние, носит название «управление охраны объектов культурного наследия». Куда верней учреждение этого профиля назвали во Львове – управление по охране исторической среды. Тогда не нужно решать: старый камень булыжной мостовой – это памятник или не памятник?

Меня очень волнует состояние одесских мостов: Коцебу, Новикова, Строгановского моста. Они же гибнут уже не одно

десятилетие у всех на глазах. Строгановский арочный каменный мост еще в советские времена хотели реставрировать, сделали декоративные бетонные арки и бросили, так и не достроив. Сейчас там автостоянка.

Но для города непростительно так обращаться с памятниками истории и оставлять в исторической части города развалку, режущую глаз!

А мемориальные мраморные доски Одессы? Туристы, гуляющие по городу, видят неухоженные, ставшие серыми доски и судят по ним в целом о городе и о горожанах, об их отношении к историческому наследию.

Я не брюзга. Возможно, я многих удивлю, если скажу, что мне нравится новый дом на Греческой площади. Считаю, это удачный компромисс, современное решение.

Другое дело, что мы потеряли саму площадь, окружив ее каменными уродцами: «домиком» на углу Красного переулка и Греческой улицы, тем, что нагородили на площади за бывшим рестораном «Киев». Кто все это утверждал? Куда смотрели градостроители?!

Я не идеализирую прошлое. В 1827 году сломали домик, где жил герцог Ришелье, там сейчас сквер рядом с гостиницей «Моцарт». Впоследствии на этом месте стояла гостиница «Ришелье», разрушенная во время войны. Что мешает сейчас установить там стелу с изображением этого домика и надписью «На этом месте находился дом-резиденция герцога Ришелье»? Тогда название обретает привязку, становится понятным, почему улица носит имя Ришелье. Это же не обременительно по финансам.

И на месте нынешнего дома на улице Польской, 16, не помешала бы табличка «На этом месте стоял дом, в котором жил основатель Одессы Иосиф Дерибас». Город, его улицы, переулки и площади должны говорить! А у нас – по Маяковскому: «…Улица корчится безъязыкая»… Из таких мелочей складывается историческая привлекательность города.

Но у нас от тех, кто это понимает, ничего не зависит; а те, от кого зависит, заняты другими делами.

Другой пример. Меня искренне радует воссоздание Спасо-Преображенского кафедрального собора в его первозданном

виде. И пусть он хранит, как и прежде, наш город. Но на Соборной площади еще недавно были два фонтана. Один стараниями В. Филатова был установлен на месте алтаря взорванного собора. А тот, что располагался по соседству, был построен осенью 1873 года в знак освящения Днестровского водопровода, когда в город пришла вода. Почему бы этот факт не отметить табличкой с подобающей надписью? Ведь Одесса – это не только Оперный театр и Потемкинская лестница.

Традиции – это тоже историческая ценность, недаром англичане так за них держатся. Знаете, в старое время на Дерибасовской находилось кафе, где в стене была круглая дырка. И хозяин рассказывал, что ее пробил своей железной тростью Александр Пушкин, завсегдатай кафе. Возможно, миф, но красивый. И посетителям было приятно находиться там, где сам Пушкин вкушал кофе. А на углу Екатерининской и Дерибасовской, напротив кафе «Алые паруса», испокон веку сидели цветочницы. Это была традиция, это было живописно. Я бы мог процитировать десятки литературных произведений, где об этом написано. А сейчас цветы продают в огромном стеклянном пассаже, но давняя традиция утрачена.

Работы по поддержанию исторического облика города часто не требуют больших капиталовложений. Нужно только иметь душу и желание. Есть такое понятие – малые формы достопримечательности. Так вот, еще не так давно на булыжной мостовой, там, где Греческая улица пересекает Пушкинскую, оставались рельсы первого одесского трамвая, пуск которого описал Юрий Карлович Олеша. И если уж волею судьбы они сохранились, чем была плоха идея поставить там гранитную стелу с надписью: такого числа в таком-то часу по этому маршруту пошел первый трамвай от Александровского парка до Греческой площади? И дать цитату из Ю. Олеши.

Увы. Когда я поинтересовался у чиновников, по какой причине их выкорчевали, мне ответили: «Они портят скаты машин». Это что, было единственное место, где рельсы пересекали улицу? Далее. Трамвайная станция на Греческой площади была последней в городе. Сначала сломали узловую станцию на Тираспольской площади, затем – на Куликовом поле, построив там прачечную.

А потом пришел черед и последней. Много лет краеведы мечтали устроить там Музей городского транспорта и, может быть, пустить конку вокруг круглого дома. Теперь поздно – снесли. Похоронена мечта.

Не так давно реконструировали Преображенскую улицу, верней – только половину, хорошо. Установили «старинные» фонарные столбы. Но исключения только подтверждают печальное правило. Посмотрите, что творят на Малой Арнаутской! Вырывают старинные чугунные столбы и устанавливают бетонные «карандаши». В исторической части города! Или на углу улиц Преображенской и Пастера, там, где контора мобильной связи, на чугунных кронштейнах установлены фонарики. А знают ли те, кто их устанавливал, что это сохранившиеся кронштейны газового освещения Одессы середины 60-х годов XIX века? Что мешает поставить рядом мраморную табличку? Ведь это тоже немая достопримечательность!

Краеведы не делают из исторических фактов тайны, стараются выступать с предложениями и в эфире, и в прессе. Нужно, чтобы город заговорил. Усилиями меценатов и коллекционеров можно было бы открыть, скажем, музей техники, музей часов, аптечный музей… Собиратели с удовольствием предоставили бы для них экспонаты.

Когда-то к интеллигенции больше прислушивались. Так, в начале прошлого века возникла идея расширить помещения новой биржи (ныне – филармонии) за счет парадной лоджии. Члены одесского отделения Императорского Русского технического общества запротестовали. Как видим, к их мнению прислушались.

Или, к примеру, до наших дней сохранилось в Одессе здание бывшего Ришельевского лицея (дом Вагнера) с воротами на Ланжероновскую, Дерибасовскую и Екатерининскую. В 1912-13 годах прошел слух, что хозяин дома намеревается его снести и построить новый. Одесситы так взволновались, что управляющему не оставалось ничего другого, как через газеты официально заявить, что знаменитому дому ничего не угрожает.

А сейчас? Прогуливаясь по Пушкинской, обратите внимание на старинные двери филармонии. Раньше их украшали брон-

зовые ручки в виде химер. Лет 15 назад химерам, как говорят в Одессе, приделали ноги. Администрация филармонии на их место поставила современные бронзовые ручки, но и они вскоре исчезли. Теперь там зияют дырки, которые точно не украдут.

А на углу Пушкинской и Еврейской вместо старинных резных дверей, служивших украшением дома, некогда принадлежавшего известному банкиру и негоцианту Артуру Анатре, появились суперсовременные стеклянные створки! И это на виду и к стыду всего города!

Может быть, я скажу не всем приятное, но за последние годы в Одессе ни одного стоящего памятника, кроме 12-го стула и памятников С. Уточкину и Л. Утесову, не появилось. Разве можно назвать удачными скульптуры А. Мицкевича и И. Франко? Они были бы в духе и стиле времени лет 50 назад, но не сегодня. Удачной была идея телефонной будки у памятника Л. Утесову, можно было послушать песни Леонида Осиповича. После реконструкции Горсада она исчезла, как песня.

Еще хочу сказать о мастерах. На перилах разрушающейся лестницы у Оперного театра, о которой мы уже говорили, и сейчас можно прочесть надпись: «Архитектор Ускат, завод Рестеля» (был такой чугунолитейный завод на Приморской улице). Или на мраморном обрамлении одного из окон здания биржи на Пушкинской/Бунина мастер оставил автограф – «мастерская Молинари», был такой одесский мраморщик, итальянец. А в лоджии здания филармонии, где в нише установлен бюст архитектора А. Бернардацци, автора проектов биржи и гостиницы «Красная», бывшего «Бристоля», обратите внимание на две мраморные колонки. На них вырезаны фамилии тех, кто работал на строительстве биржи: мастера по дереву, металлу, камню…

Люди трудились так, что им не стыдно было оставить свои имена. Если внимательно прогуляться по Одессе, можно прочесть фамилии искусников прошлого и на решетках под деревьями, и на витых лестницах. А современные «мастера» и архитекторы… Им бы от позора скрыться.

А ведь еще К. Паустовский, высоко ценя искусство одесской архитектурной среды, писал, что отдельные уголки Одессы

напоминают ему старую Испанию. Кто-то может вспомнить Италию. Это уникальный город, оставленный нам предками.

Всегда считалось неприличным промотать наследство. Не будем уподобляться таким людям, тем более что в городе делается и что-то хорошее. С удовольствием смотрю на новое здание корпуса экономического университета, который не только не режет глаз, но отлично вписался в архитектурный облик Пушкинской улицы.

Но мы, одесситы, жадные до жизни, и нам хочется большего и поскорей, потому что, как говорят в Одессе, можно и не дождаться.

Фото Анны Голубовской

Татьяна Щурова

«Утверждение театра»

Порой тему для публикации подсказывают посетители отдела искусств ОННБ. Например недавно, подбирая материалы о творчестве известных певиц начала XX века Надежды Плевицкой и Анастасии Вяльцевой, мы обратились к книге А. Кугеля «Театральные портреты». Вышла она в 1923 году, но до сих пор представляет интерес и, безусловно, является библиографической редкостью, впрочем, как и другие работы этого много одаренного человека.

Александр Рафаилович Кугель (1864-1928) – известный театральный критик прошлого века, создатель и бессменный редактор одного из самых долголетних театральных журналов («Театр и искусство», 1897-1918). Он был также организатором и художественным руководителем знаменитого питерского сатирического театра «Кривое зеркало» (1908-1918, 1922-1928). Юрист по образованию, он со студенческих лет «был отравлен театром», хотя признавался, что театр «самая соблазнительная, но и самая жестокая игрушка человека». Перед нами пример того, как человек, работая сначала в газете,

упорно, постепенно входил в непростую профессию театрального критика. Он писал потом: «Актер имеет радости настоящего, а печать создает ему и славу в потомстве. Театральный же критик не имеет настоящего, и наш долг по крайней мере отвоевать ему угол в истории».

Кугеля называли «певцом актера», признавали, что в его поле зрения попадало все значительное, и он умел своими тонкими и меткими наблюдениями раскрыть сложную пьесу и увидеть самую яркую краску в раскрытии сценического образа, не скрывая при этом и слабых сторон даже самых выдающихся актеров и актрис. Естественно, это нравилось не всем. Но и сегодня соглашаешься с мнением критика: «Талант – это собственная интонация, собственный жест, собственное отношение… Талантливый всегда будет оригинален, и даже впав в шаблон, даст свой собственный шаблон». Он умел это описать и в своих очерках о великих актрисах, своих современницах – Савиной, Ермоловой, Дузе, Бернар…

Создавая творческие портреты актеров-мужчин, он выбирал в каждой личности ярко индивидуальное и проницательно оценивал масштаб таланта актера. Так было, например, с Василием Качаловым. Кугель, сложно относившийся к МХТ, понимал, что именно в театре Станиславского и Немировича-Данченко этот актер состоялся по-настоящему. Вообще, поражает широта теат-
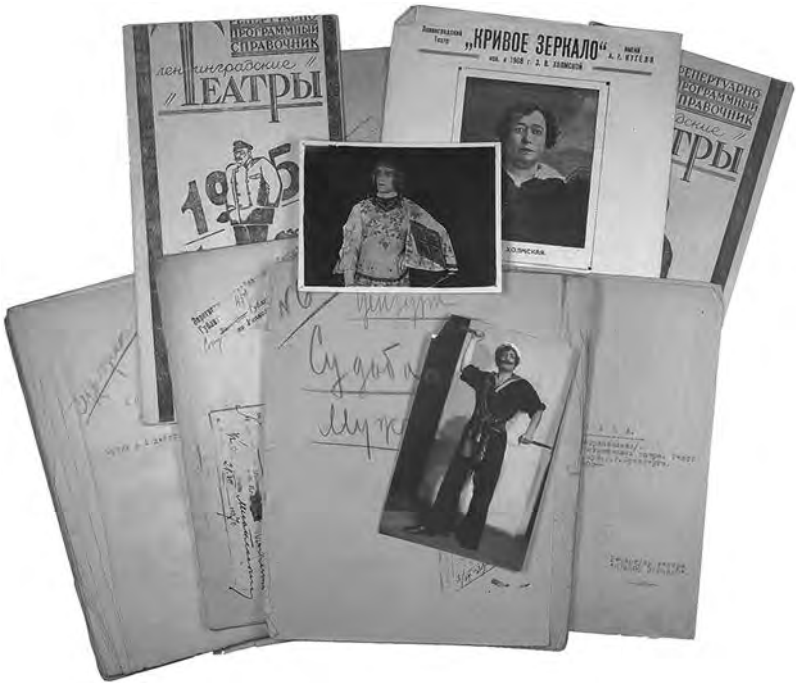

ральных интересов критика и его заинтересованность в практической деятельности сценического искусства. Те, кто собирается посвятить себя профессии театрального критика, думается, найдут в его небольших, но емких очерках, мемуарных книжках, публикациях в журнале яркую картину русской и европейской сцены конца XIX – начала XX вв.

Идиллический рисунок характера и личности Александра Кугеля несколько нарушают воспоминания о нем известного историка театра Бориса Варнеке, опубликованные в научном сборнике «Театральная периодика в России (М., 2009). Неожиданно весьма полемически этот именитый уважаемый ученый, хорошо известный в Одессе, оценил деятельность Кугеля во всех ее проявлениях. Изложены записки Варнеке в духе бульварной желтой прессы, преподнося читателям негативные человеческие моменты из жизни Кугеля и его семьи, а также его работы в журнале. Почему так? Вероятно, это была банальная зависть такого же «отравленного театром» человека, наблюдавшего с раздражением за успешно сложившейся журналистской карьерой, за выходом одной за другой книг своего товарища, от которого Варнеке зависел в те годы, получая гонорары в журнале «Театр и искусство».

А ведь у Кугеля еще был и свой театр «Кривое зеркало», который он организовал со своей супругой Зинаидой Холмской (1866-1926), талантливой актрисой и антрепренером. Задумано было создать «веселый, свободный от всякой театральной рутины, оригинальный театр гротеска и художественной пародии». Кугель стал его бессменным художественным руководителем. Он был хорошо знаком с варьете, кабаре, театрами фарса, бывал в кабачках Монмартра и Берлина, восхищался яркими актерскими талантами, много писал о звездах шансонье. Желающим узнать о театре «Кривое зеркало» побольше советуем обратиться к книге Георгия Крыжицкого «Дороги театральные» (М., 1976). Этот театр не зря называли «лабораторией смеха». Художественная интеллигенция его приняла сразу, оценив хорошие пародии – один из главных козырей «Кривого зеркала». Забавно описывается очевидцами пародийный спектакль театра на «Ревизора» в постановке якобы театра режиссерской школы Станиславского, обыгрывалось увлечение МХТ натурализмом, а потом театром настроений. Доставалось и мистическим

З. В. Холмская и А. Р. Кугель. «Театры и зрелища». Карикатура на обложке приложения к № 47 журнала «Жизнь искусства».

постановкам в стиле Гордона Крэга и Макса Рейнгарта. Грандиозный успех выпал на долю спектакля «Вампука», необыкновенно смешно показавшего оперные штампы и театральную безвкусицу. Спектакль этот шел много лет, название его приобрело нарицательное обозначение сценической фальши. Видели его в свое время и одесситы. Театр «Кривое зеркало» прочно вошел в историю. Недавно друг ОННБ библиофил Анатолий Шойхет прислал нам из Израиля многотомное миниатюрное издание «Веселящийся Петербург» Юрия Алянского (1921-2014). Автор успел издать шесть томиков, включивших по алфавиту заведения «малых и легкого жанров» от А до М. «Кривое зеркало», к счастью, попало, и можно в этом источнике почерпнуть сведения о его истории, топографии, хронике.

Книжки Кугеля, безусловно, вошли в сокровищницу театральной публицистики не только потому, что они изданы в далекие 20-е годы. Лишь одна из них, «Театральные портреты», была переиздана в 1967 году, и ее тоже сейчас найти непросто. Не может забыться имя человека, так неистово любившего мир театра: «Театр – это прежде всего искусство о человеке, о внутреннем мире личности… Самое человеческое из искусств, и в этом вся его красота… Оно имеет дело только с человеком, ибо сама форма этого искусства, орудие его, инструмент есть человек… Человек как цель, человек как сущность, человек – материал, человек – идея, человек – содержание, человек – форма, – вот что такое театр».

Хотим познакомить вас с забавным фельетоном Кугеля «Дядюшка-Водевиль» из его сборника «Театральные рассказы» (М., 1926). Надеемся, он придется по вкусу одесситам, которые на протяжении всей своей истории были благосклонны к «легким» театральным жанрам.

Дядюшка-Водевиль

У дядюшки-Водевиля есть племянница, по имени Путаница. Путаница – миленькая маленькая особа в темно-зеленой бархатной шубке, с большой горностаевой муфтой. В милом старом водевиле, где все, по обыкновению, «съехались, перепутались, и разъехались», всегда и неизменно присутствует Путаница, душа водевиля. А водевиль – это «золотая театральная пыль», «фиалка в старой табакерке». Хочется взять миленькую маленькую Путаницу за руку и полететь с ней по городу. И всюду, куда бы мы с ней ни постучались, начиналась бы какая-нибудь забавная или трогательная, фантастическая или романтическая история, и сразу стало бы светло и тепло, и интересно. Маленькая Путаница в бархатной темно-зеленой шубке, с горностаевой муфточкой – это привкус, сказка нашей жизни. И непримирим антагонизм между позитивизмом нашей повседневности, ясным и широким, как столбовая дорога, и кокетливой, загадочной, пестрой, извилистой путаницей.

Я люблю Путаницу. Ее нельзя не любить, мне кажется. Вот в математике нет путаницы, но я никогда не был математиком. Жить без путаницы чрезвычайно скучно. Все ясно, последовательно, верно: после вторника среда, после среды четверг, дважды два четыре, кто богат да умен – два угодья в нем, вставать надо в 8 часов,

а ложиться в 12, пред обедом следует совершать моцион. В часовом механизме совершенно нет путаницы. Но и нет ничего безжалостнее времени и последовательного хода секунд.

Путаница ходит по городу и путает мысли. Она питает любовь, романтику, поэзию. Она порождает скачки жизни, очаровательность, хаотичность и бессистемность в круге порядка и системы. Ах, милая Путаница, шалунья с загадочными глазами, в темно-зеленой шубке, с горностаевой муфточкой!..

В театре, когда мы были молоды, мы увлекались путаницей, сложной извилистой интригой, неоткрытой тайной, прикровенной откровенностью!

Путаница – нет только племянница старого дядюшки-Водевиля, она в родстве со старой драмой, мелодрамой, трагедией. С замиранием сердца следишь за кривыми путями и закоулками, по которым бродит истина прежде, чем выбраться на свет и стать очевидностью. И представьте, что не было бы Путаницы? Не стало бы не только романтических пьес, но и реальных. Без путаницы – что был бы «Гамлет»? Что открывать пришлось бы ему в деяниях своей матери? И Отелло, не будь путаницы, не знал бы мук ревности, и Лир, кабы не путаница, сразу почуял бы Корделию. Все это путаница – своенравия, мнительности, ревности.

Вся иллюзия от путаницы, весь нас возвышающий обман. И так тяжело нам жить без путаницы, что и до сих пор, несмотря на все завоевания позитивизма, сохранился обычай в морозную снежную рождественскую ночь сидеть у камелька и слушать запутанные истории и сказки о том, чего не бывает, чего никогда не бывает, о сугробах снега, который намела вьюга, и о кучах небылиц, что наметает путаница. Загадочные, кособокие, кривые, запутанные пути мысли и логики – называются фантазией, а если угодно, поэзией, а коли хотите правду знать, то и искусством.

Старый дядюшка-Водевиль был бы совершенно беспомощен, если бы не Путаница в темно-зеленой шубке и с горностаевой муфтой, которая путает, путает, путает. Если б А не приняли за Б – что стал бы делать дядюшка-Водевиль? Зачем А и принимать-то за Б в действительности? Нет никакой нужды! Но вы понимаете, что жизнь стала бы непроходимо скучной, если бы А всегда казался именно тем, что он есть.

* * *

В маленьком театре – не все ли вам равно в каком и где – давали старый-престарый водевиль «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», или, иначе, «Жано и Жанета». Пришел я в театр без всякого намерения увидеть что-нибудь занятное. В ожидании поднятия занавеса даже зевнул несколько раз – так сказать, a priori. Когда заиграла Жанета, а потом заиграл Жано – оба сии показались мне достаточно посредственными. И, тем не менее, по мере того, как шел водевиль, как он развивался, я, к великому своему изумлению, все больше приходил в благодушное настроение, одобрительно кивал головой и приятно улыбался. Я должен был сознаться – себе самому, как на духу, – что провел занимательно полчаса, и что как будто посвежел, – вот тут, в этом почти сарае, где люди сидели в шубах и шапках и тяжко дышали капустой и грибами. Все это наивное представление доставило истинное удовольствие. И чем яснее было, что актриса притворяется Жанетой, а актер – Жано, и не особенно старательно притворяются, – тем это было, в сущности, приятнее.

Крестьянка Жанета, в шелковой короткой юбке под мрамор, в кокетливом батистовом чепце и бархатном вырезном корсаже – разумеется, не подлинная крестьянка. Жано в широчайших воротничках, в синевато-сером фраке с отворотами – тоже не крестьянин. И куплеты, которыми они сопровождали все самые любопытные моменты своей короткой истории, – в жизни также не поются. И вообще, так скоро, как в водевиле, ничто не совершается. И совершеннейшая чепуха, чтобы в течение двадцати минут Жанета влюбилась в Жано – раз, приревновала его – два, из работницы стала хозяйкой дома – три, отказалась от наследства – четыре, притворно взяла его – пять, разыграла роль хозяйки – шесть, и вышла за Жано – семь. Точно так же и Жано не мог все это пережить и проделать в мгновенье ока. Да еще зажарить утку, да еще разбить тарелку, да еще приревновать к кому-то третьему, да еще танцевать. И совершенно невероятная чепуха, что умница Жанета – дура, а глупая Жанета – умница. И, несмотря на то, что я не верю ничему тому, что здесь рассказывается, я верю и радуюсь представлению. Мне смешно и забавно, что это анекдот, в котором только жизненная сущность – правдива, а изложение невероятно ни по форме, ни по подробностям.

Наивная прелесть мечты – вот очарование старого дядюшки-Водевиля. Блаженная мечта буколической жизни охватывает вас, когда Жано поет куплеты с Жанетою. Это хорошо, потому что отсеяны плевелы от трав, отруби от умолота, потому что суровая, грязновато-серая жизнь освобождена от всей ее грубости, и показано только самое блаженное, идиллическое и доброе, что в ней есть, потому что злу не дают торжествовать даже ни одной минуты, потому что всякому горю – и не только горю, а призраку горя – и Жано, и Жанета высовывают языки, и вы, вообще, не верите и не хотите верить в возможность зла, горя, болезней.

Здесь слезы – намеки на слезы. Здесь бедность ходит в атласных башмачках и шелковых юбках. Здесь нет недоедающих, сплевывающих, потных и грубых мужиков, а одни пейзане, очаровательные и воздушные. Хотите верьте, хотите – нет, это ваше дело, но у Жано с Жанетой пойдет так, как изложено.

Мне приятен вид Жанеты в шелковой юбке и бархатном корсаже. Мне приятно даже то, что она явно играет, явно притворяется; что я не верю ей, что я отлично понимаю, какую она рассказывает мне сказку, – понимаю и говорю: продолжай, Жанета, рассказывать сказки, продолжай в шелковой юбке и бархатном корсаже обманывать меня, говоря, что ты крестьянка, хотя я знаю, что ты принцесса или очень, очень важная дама. Но эта буколическая мина тебе к лицу; она пикантна, она мила…

Мечта, как сказка, должна быть наивна, проста, обращена к природе, к примитиву. Я хочу быть совсем наивен, быть, как дитя. Моя мечта, как Жанета – простая крестьянка, а не сверхженщина, Только юбка на ней шелковая, да башмачки атласные – вот все, что я дал ей от своего богатства.

Жанета топочет маленькими ножками в атласных башмачках, но я гляжу вверх, в бездонное синее небо. Мне кажется, что чья-то родная теплая рука расчесывает мои кудри, гладит по голове, что я подыму глаза и увижу дорогие материнские глаза, полные любви и ласковой нежности... И вот я ребенок, я снова живу сладкою жизнью пробуждающейся весны. И седина исчезла, и ум забыл свои холодные наблюдения, и сердце освобождено от горестных замет... Сказка баюкает, как волна! Где-то плещутся молочные реки о кисельные берега...

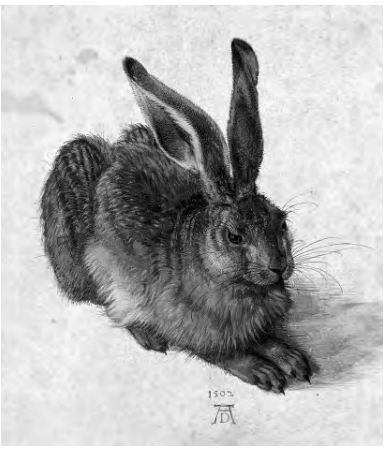
«Слушай, Симплициссимус, слушай, простак из простаков! Счастье в забвении жизни и возврате детства!»

Когда мы перестаем быть профессионалами и отдаемся потоку чувств – нас охватывает старый ласковый водевиль, как дыхание весны. Жано любит Жанету, хотя она глупа... Потому, что она глупа.

Феликс Кохрихт

Нюрнберг: заяц Дюрера

Так вот он какой, молодой полевой заяц, шедевр Альбрехта Дюрера

Как известно, Германия состоит из федеральных земель, и Бавария занимает в ней ведущее место. Она и сама могла бы стать федерацией по многим параметрам (площадь, населенность, промышленность, сельское хозяйство, капитал, наука, искусство), в том числе и потому, что на ее территории живут не только баварцы, но и представители других этносов, имевших сравнительно недавно (до создания Германской империи в середине XIX века) свою государственность. И среди них – франки, населяющие север Баварии. Нюрнберг, основанный в VI веке, был столицей и Франконии, и Священной Римской империи, и Германии, а вот нынче – лишь второй по величине и значению город Баварии: уступил место Мюнхену, который гораздо моложе.

О том, почему, когда и как это произошло, можно узнать из научных трудов, художественной литературы и Интернета.

Мюнхен и Нюрнберг сегодня разделяют полтора часа на современной электричке, но они разительно отличаются друг от друга. Столицу Баварии иногда именуют Северной Италией, Мюнхен схож с Флоренцией, а вот Нюрнберг ассо-

циируется скорее со Скандинавией – суров и монументален, в отличие от изящного, креативного и веселого Мюнхена. В новой истории Германии они знаменуют начало и конец зловещей эпохи фашизма. В Мюнхене – начало: пивной путч в Хофбройхаузе, патетические кривляния будущего бесноватого фюрера, театральные парады, азарт первых побед, а в Нюрнберге – людоедские законы Третьего рейха и его закономерный конец. Здесь состоялся Нюрнбергский процесс, осудивший преступления нацизма и его главарей.

Салют Мастеру!

Будем надеяться, что его уши принесут удачу…

Здание, где проходил Суд народов, сохранилось, но мы туда не пошли…

Начали знакомство с городом с самого светлого места – с Рыночной площади, где высится шедевр высокой готики, собор Девы Марии. Его еще называют Фрауенкирхе, но, на мой взгляд, в отличие от знаменитой одноименной мюнхенской церкви, здешнее здание куда наряднее, изысканнее и внутри, и снаружи.

Построена главная церковь города в XIV веке по указу кайзера Карла IV на месте… И тут придется уточнить, что сегодня это место светлое: дивный собор окружен Рыночной площадью, куда на Рождество съезжаются со всего света любители карнавальных мистерий, знаменитых нюрнбергских пряников, особых жареных колбасок, глинтвейна и пива… А семь столетий назад, идя навстречу пожеланиям торговцев и ремесленников, настаивавших на объединении северной и южной частей города, кайзер приказал разорить старинное еврейское поселение, и при этом погибли более тысячи его жителей… В те времена было принято замаливать

У дома Альбрехта Дюрера

В летний день здесь прохладно и тихо…

Главный и самый знаменитый собор Нюрнберга – Фрауэнкирхе

Жил на свете рыцарь…

Алтарь и витражи собора

грехи – вот Карл посвятил новый храм памяти убиенных им мучеников…

Грешное и праведное, возвышенное и земное – такие составляющие сумрачного германского гения, отмеченного проницательным Александром Блоком. Вот почему Нюрнберг для меня ассоциируется скорее с Вагнером, с его мистическим надрывным культом сильной личности, с презрением к иным расам, кроме потомков нибелунгов. Скорее, чем с титаном Северного Возрождения Альбрехтом Дюрером, работавшем здесь до самой смерти в 1528 году. Он, уже знаменитый и состоятельный, в 1509-м купил роскошный фахверковый дом (особый архитектурный стиль) и создавал здесь свои шедевры, главным образом рисунки и офорты, среди которых и знаменитый «Молодой полевой заяц», пленивший Дюрера в 1501 году и запечатленный им в акварели, сменил многих владельцев, в том числе и императора Рудольфа II, а последним хозяином этого шедевра стал герцог Альберт Саксен-Тешинский, создатель знаменитого венского музея «Альбертина», где мы им

(зайцем) и любовались. А копии можно приобрести в доме художника – они отпечатаны на станке того времени, отличаются высоки качеством и сравнительно недороги.

Увы, в доме нет ни одной работы великого хозяина, практически ничего, кроме стен и планировки помещений, не напоминает о Дюрере. Комнаты и кухня заполнены мебелью и утварью тех далеких лет. Его самые знаменитые работы, в том числе и автопортреты, можно увидеть в Старой пинакотеке соседнего Мюнхена и в лучших музеях мира.

Подобная ситуация сложилась и в доме, где родился и работал еще один гений – голландец Вермеер. В родном Делфте нет ни одной его работы – надо ехать в Амстердам, а вообще-то, до нашего времени их сохранилось мало. Больше подделок, и весьма умелых…

Современная чугунная композиция, созданная спустя 501 год (2003), – плод фантазии скульптора Юргена Герца. Массивная

Призыв от имени Бога «Не убивать никого!» звучит в Нюрнберге с особым смыслом

и зловеще гротескная, она представляется нам неуместной у дома великого гуманиста – гения Северного Возрождения. Его землякам она не по душе, но туристы уверены, что если потереть его уши, то счастье им будет. Во всяком случае, местный деликатес, пряники лебкухен («пирог жизни»), им гарантированы на каждом шагу.

Старинные фасады украшены скульптурами, среди которых выделяется изображение святого Георгия в рыцарских латах на роскошном доме Пилата, где в XV веке обитал знаменитый оружейник Грюневальд. Стены многочисленных храмов, дворцов, особенно ратуши и здания суда – галерея средневекового искусства на свежем воздухе: лики святых, библейские сюжеты, но и – ухмыляющиеся физиономии шутов, и зловещие обличия монстров…

Несмотря на имперское прошлое и многовековую историю, Нюрнберг сегодня ближе к провинции, чем к современному

Здесь можно купить и тут же съесть дивные пряники, название которых в переводе с немецкого означает «пирожные жизни»

В витрине антиквара соседствуют каски времен второй мировой войны и ретро-гаджеты

полису. Его крепостные стены, помнящие столь многое, как бы огораживают его от нас и нас от него. Может быть, это и к лучшему.

Но пряники мы все же привезли, и до Рождества они вряд ли сохранятся.

P. S. Уже в Одессе подумал о том, что кроме Дюрера в Нюрнберге могла начаться родословная еще одного художника – Амшея Нюренберга, одного из одесских парижан, замечательного мастера и педагога. Поделюсь этой гипотезой с Евгеним Голубовским – знатоком его биографии и творчества, и Женей Деменком: он успешно ищет и находит следы знаменитых одесситов, оставивших заметный след в искусстве.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Сергей Осташко

Давно это было…

Чисто первомайская формулировка

Давно это было, а кажется, что не так уж и… Что такое сорок лет для истории?

Короче, шли глубоко советские времена. Нас, студентов университета, как и любых других студентов университета и вообще любых других вузов, заставляли ходить на демонстрации. И что интересно, ходить мы любили. В отличие от обязательного в остальных компаниях алкоголя, мы брали с собой патефон с пластинками. Да-да, самый настоящий патефон, в синем прямоугольном чемоданчике, с вращающейся ручкой сбоку, с фигурным рычагом, оканчивающимся оконечностью динамика, куда нужно было вставлять металлические иголки. И пластинки у нас были соответствующие, идеологически выдержанные: «Варшавянка», «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Мой миленок хоть куда, он теперь герой труда!».

На каждой остановке, а их от здания университета на Пастера до Куликового поля, пардон, площади Октябрьской революции, было штук 40, если не все 120. До сих пор удивляюсь, неужели нельзя было организовать все так, чтобы не останавливаться каждые двадцать метров. Или это делалось специально, чтобы подогревать энтузиазм масс горячительными напитками в подворотнях.

Так вот, мы брали с собой на демонстрацию патефон и на каждой остановке заводили его, ставили на мостовую и устраивали вокруг него хоры и хороводы. Тут же собиралась толпа, люди смеялись, подпевали, знакомились, предлагали выпить. Потом по команде некоего неуловимого дирижера колонна сдвигалась, а через 20 метров все повторялось снова.

Последняя остановка была в самом конце Пушкинской, перед выходом на Привокзальную площадь. Слева на балконе второго этажа на табурете в позе Наполеона, уперев руки в колена, сидела тетка одесских размеров. Она всегда там так и сидела, я помню ее с детства. И услышав наш патефон, тетка с трудом привставала, перегибалась через перила и зычным голосом, который был слышен, наверное, и в Отраде, возвещала: «Слава советскому студенчеству». Это, наверное, было сигналом для распорядителей шествия, потому что сразу после того, как в колонне восстанавливался слух, она двигалась с места, и уже не останавливаясь, проходила через площадь.

На этом собственно демонстрация для большинства людей заканчивалась, и они расходились по домам допивать водку. Но была, была одна несчастная прослойка особо доверенных людей, которым доверяли не только пройти через площадь, но и пронести через нее знамена. И эти знамена как особо материальную ценность предстояло вернуть в университет.

Обычно от такой чести мы старались отлынивать, приходя на демонстрацию, когда колонна уже двигалась, и все знамена были розданы. Но в тот год отвертеться не удалось. Узнав из личного дела, что я живу неподалеку от универа, меня заранее назначили ответственным за группу знаменосцев. И друзья – вот они, настоящие друзья – не остались в стороне. «Раз все равно тащить символы государственной власти в альма-матер, то мы тебе поможем. Но и отмечать Первомай будем у тебя дома». На том и порешили.

От Куликового поля до Приморского бульвара сплоченная группа из 10-12 знаменосцев, неся на себе 10-12 единиц материальной ответственности, шла более-менее спокойно. Но возле памятника Пушкину нам стало скучно. Захотелось отчебучить чего-нибудь такого, чтобы слух о нас прошел по всей Руси великой. Очевидно, пушкинской строкой навеяло. И мы придумали. Развернули знамена и, хором распевая «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут…», двинулись в сторону Дюка.

Ну что вам сказать? Во времена Пушкина охранное отделение работало гораздо хуже, чем наши компетентные органы. Тем более что создана первая охранка была лет через тридцать после смерти поэта. Наши же отреагировали молниеносно. У Дюка нас

уже ждали четыре «воронка». Погрузили нас внутрь, а длинные материальные ценности как-то на крыше закрепили.

Привезли нас в райотдел на Греческой, а что делать с нами, никто не знает. Ну в обезьянник посадили – это как здрасте. Материальные ценности пересчитали. Оказалось не 10 и не 12, а целых 13. А что дальше? Вроде приличные ребята, относительно трезвые, с символами государства опять же. Нужно же протокол составлять, а что писать, даже если умеешь? Сержант бедный аж измучился над чистым листом бумаги. И тут наш Сэм, самый подкованный, у него по общественным дисциплинам никогда меньше тройки не бывало, сжалился. Говорит: «Пиши, диктую. Первого мая группа неустановленных лиц шла по улице с развернутыми знаменами и пела революционные песни».

Сержант аж просиял. Но не сразу, а минут через пятнадцать, когда закончил выводить эту тираду. «Вот спасибо, говорит, выручил, век не забуду». И взялся за телефон сообщать куда следует о раскрытой организации новых эсэров – студентов-революционеров. И неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы в этот момент в отделение не заглянул начальник – майор, который, по счастью, кроме звания умел еще и читать. Прочел он запись сержанта в протоколе, схватился за голову, затем быстро, чтобы никто не видел, разорвал бумаженцию и выгнал нас ко всем чертям. Даже не стал выслушивать благодарность за то, что его хлопчики нам на целых четыре квартала сократили путь к университету.

Вечером первый тост у меня дома мы подняли не за солидарность трудящихся, а за ликвидацию неграмотности, которая даже майора милиции научила читать. А на следующий день вражьи голоса передали, что на Первое мая власти разогнали мирную демонстрацию трудящихся. Но это уже совсем другая, не первомайская история.

Сухой нам не закон

31 год назад, в мае 1985 года, всю страну буквально потряс Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», положивший начало антиалкогольной кампании. Помню, как это начиналось в Одессе.

Стоял прекрасный майский день. Я возвращался с работы, и мое внимание привлекла группа хмурых мужиков, столпившихся возле открытого окна. Изнутри торжественным, чуть ли не левитанским голосом доносилось нечто страшное:

«Трудящиеся справедливо требуют проведения более эффективных мер по искоренению пьянства, создания нетерпимого отношения к любым его проявлениям, решительного пресечения самогоноварения, дальнейшего укрепления общественного порядка и трудовой дисциплины».

Прослушав все шесть пунктов об усилении ответственности (за распитие спиртных напитков в общественных местах и появление в общественных местах в пьяном виде; за распитие спиртных напитков на производстве; за вовлечение несовершеннолетних в пьянство; за нарушение правил торговли спиртными напитками; за изготовление, сбыт, хранение и приобретение крепких спиртных напитков домашней выработки; за управление транспортными средствами в состоянии опьянения), я проникся, зашел в ближайший гастроном, идя навстречу пожеланиям трудящихся, и на все имеющиеся в карманах деньги уменьшил запас спиртного в свободной продаже.

Подходя к дому, я увидел, что через дорогу двое работяг, судя по запаху, тоже уже уменьшивших запас спиртного, причем вовнутрь, сколачивают какую-то будку.

– Что это будет? – поинтересовался я.

– Завтра увидишь, – последовал ответ.

А назавтра, выйдя из дома, я увидел, что в свежесколоченной будке тетенька вовсю торгует пивом. И понял, что этот указ я как-нибудь переживу.

И действительно, в Одессе антиалкогольная кампания была какой-то щадящей. Да, исчезла водка в гастрономах, но на расстоянии одного квартала от дома появились два подвальчика, где, выстояв считанные 20-30 минут, можно было взять целых две бутылки. Причем из-за того, что бутылок разрешалось покупать именно две, резко сократилось потребление вина и на такое же число бутылок возросло потребление водки. Действительно, какой смысл брать вино, если водка «вставляет» гораздо сильнее. Ну а если тебе приспичило до 14:00 или после 18:00, то всегда

можно подойти за угол к заветному окошечку в полуподвале напротив Украинского театра, съездить на Среднюю или, на худой конец, остановить практически любой «зеленый огонек». Водку в багажнике в те лихие времена возили все таксисты.

В общем, Одессе повезло. До сих пор с содроганием вспоминаю километровые очереди возле московских ликеро-водочных с руганью, драками и чуть ли не со смертоубийством.

Однажды это едва не закончилось смертельным исходом лично для меня. Правда, не сами очереди, а невозможность из-за них купить водки. Тогда, едучи холодной зимой в командировку, я полежал ночь в поезде под оконной щелью и добрался до столицы абсолютно больной. В таких случаях – я себя знаю – помогает: 20 минут под кипятком в душевой, стакан водки с перцем и хорошенько ночь пропотеть под шерстяным одеялом. Но на мою беду, водки у друга, где я остановился, не оказалось, а поход за ней в ближайший магазин (три остановки метро) не принес никаких результатов и едва не закончился смертельным исходом по причине давки за вышеупомянутым продуктом. В результате всю командировочную неделю я провалялся в постели.

Собираясь в командировку в следующий раз, я уже подготовился и прихватил с собой сразу четыре бутылки водки. Узнав, что из Одессы приехала такая гуманитарная помощь, у друга собрались все московские знакомые и, когда водка подходила к концу, начались воспоминания:

– А помнишь, как в общагу зашел Серый, мы зашли за Серегой, взяли бутылку и нагрянули к Сережке с Ленкой? И как она потом была недовольна…

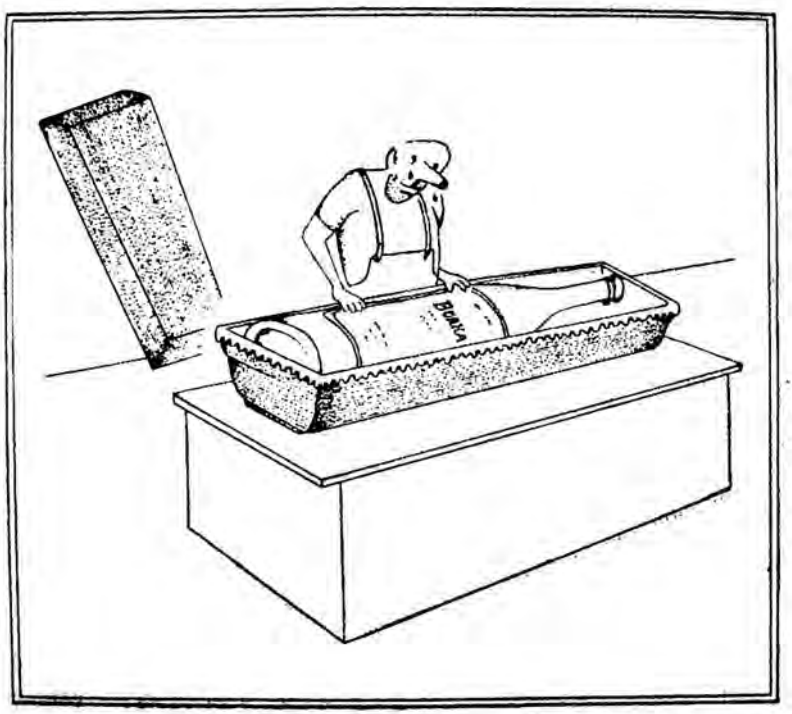
– А помнишь, как мы классно посидели в ресторане «София»? Съели четыре ассорти из барашка и выпили четыре литра «Гамзы»…

– А помнишь, как мы оторвались на дне рождения у Наташки? Трижды за добавкой бегали…

Тут же возле стола, кайфуя, что на него никто не обращает внимания, копошился годовалый Гошка. И глядя на него, я вдруг подумал: «Ну хорошо, нам есть что вспомнить. А что будет вспоминать он?..». И поднял тост за то, чтобы нашим детям тоже было что вспомнить!

И оказалось, я как в воду глядел. В 1988 году антиалкогольная кампания благополучно сошла на нет, и у гостившего у меня недавно уже великовозрастного Гошки прекрасно есть что вспомнить.

Но это было уже потом, а тогда, в 85-м, газеты запестрели сообщениями о перепрофилировании ликеро-водочных заводов, вырубленных под корень виноградниках и безалкогольных свадьбах. Народ выдумал лозунг: «От безалкогольной свадьбы к непорочному зачатию», – а многочисленные карикатуры на заданную сверху тему получались почему-то с легкой грустинкой, как, например, этот рисунок Александра Митника, опубликованный в газете «Знамя коммунизма».

А вершина наглядности антиалкогольной агитации, отмеченная даже в обкоме партии, заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью:

Погулял…

Когда машинист локомотивного депо Одесса-Сортировочная В.С. Перепелица в один из летних дней потянулся к очередной рюмке, вряд ли думал он тогда, во что это выльется…

После ночи, проведенной в медвытрезвителе, пришлось В.С. Перепелице держать ответ на заседании комиссии по борьбе с пьянством, на собрании трудового коллектива. А на следующий день в депо на видном месте появилась «молния», в которой подсчитано, во что в денежном выражении обошелся машинисту очередной загул.

Приводим полностью:

Спиртное – 5 рублей 30 копеек.

Закуска – 2 рубля 20 копеек.

Услуги за обслуживание в медвытрезвителе – 15 рублей.

Лишение премии за июнь – 50 рублей.

Лишение тринадцатой зарплаты –150 рублей.

Штраф – 30 рублей.

Лишение доплаты за выслугу лет – 150 рублей.

Разница в зарплате (переведен на нижеоплачиваемую должность) – 300 рублей.

Итого – 702 рубля 50 копеек.

Такая скрупулезная «калькуляция» заставит задуматься не одного выпивоху.

Олег Школьник

Стихи о Соне и Мане, а также об их близнецах-сестричках Вере и Любе

Если вы пришли к нам в дом,
Ну, а в доме все вверх дном,
На полу лежат игрушки,
А ботинки на подушке,
Все вещички где попало,
Что стояло – то упало,
Все доведено до ручки…
Значит, здесь гостили внучки!

Велосипед

Мне вчера любимый дед
Подарил велосипед!
Чтобы мне на нем гонять,
Надо рано утром встать,
Сразу застелить кроватку,
После сделать физзарядку,
Мылом с теплою водою
Вымыться перед едою,
Приодеться, причесаться,
Сесть поесть, позаниматься.
Ну, а дальше, спору нет,
Оседлать велосипед.

Семья

У меня есть три сестрички,
Три сестры у Сони есть,
Если заплетать косички,
То выходит ровно шесть.

Я люблю их сильно очень.
И в обиду их не дам,
Обниму и позабочусь,
Поделюсь всем пополам.

Ну, а если скучно станет,
Рассмешу их быстро я.
Вера, Любочка и Маня –
Вместе мы одна семья.

Мама, папа, Таня, дед
Внуков ждали много лет.
И теперь на наши руки
Девочек четыре штуки!
Ничего нет страшного,
По одной на каждого.

Мы идем по зоопарку

В зоопарке мы живем.
Здесь у каждого свой дом.
Мы для вас – артисты,
Только было б чисто,
Только б нас любили
И досыта кормили.

Рысь

Мне никто не скажет: «Брысь!» –
Хоть для всех я кошка.
А на самом деле – рысь,
Дикая немножко.

Крокодил

Есть река, названье – Нил.
В речке нильский крокодил.
На песке он вроде спит,
Но в нем зверский аппетит.

Волк

Да, я волк, но я не злой,
Просто так считается.
Я же с доброю душой,
А меня пугаются.

Бегемот

От меня в моей вольере
Нет ни для кого хлопот.
Просто я в своей карьере
Часто открываю рот.

Верблюжонок

Я – верблюжонок, красивый и гордый.
Каждый из вас меня может ласкать,
Но если вдруг что-то сунут мне в морду,
Я на вас сильно могу наплевать.

В Африке

В жаркой Африке далекой
Среди желтых мутных вод
Жил большой и одинокий
Очень грустный Бегемот.

На песке у океана
Он под пальмою сидел.
Кофеек пил из стакана
И в морскую даль глядел.

Если б вдруг у горизонта
Появился пароход,
Думал Бегемот под зонтом,
Улыбаясь во весь рот,

Я б его как друга встретил,
В гости сразу пригласил,
Расспросил про все на свете,
Самым вкусным угостил.

А потом в ночном тумане
Он расскажет мне о них,
О любимых Соне с Маней,
Добрых девочках моих.

Алла Гудзенко

Одесский маркетинг

Выходи гулять, Сережа

Одесский двор. Окна распахнуты в тихое утро.

В солнечных пятнах греется кошачья мишпуха.

– Эинн, эээ-инн, – надсадно скрежещет бельевой блок.

Через него хозяйка из флигеля наполняет двор цветением фиолетовых и розовых маек.

Майки, покачнувшись, зависают над клумбой. Джинсы растопыриваются прямо в развилке молодой вишни. Вишня фыркает упругими ветками.

Колокол на башне Соборки отсчитал четверть девятого утреннего часа.

– Сереоожа! Се-ре-оожааа! – орет, прислонившись полосатой спиной к клумбе, мелкий местный пацан. – Сереоожа!

Из окна второго этажа сонный женский голос справедливо интересуется:

– Ты обалдел?

– (*Пауза. На полтона ниже*) Сережааа…

– Аа?? – откуда-то из кроватных недр квартиры левого флигеля.

– Сереежа! – тихо радуется мелкий пацан. – Сереожа, я хотел тебе «привет!» написать. А у меня интернет не работает. Выходи гулять, Сережа.

Собачники

Собачники – отдельные люди.

Все у них… нет, не по-другому.

По-правильному.
Смотришь в глаза.
И понимаешь: вот человек не падлюка.
Или наоборот.
Развернись в профиль – тяпнет за щиколотку.
Потому шо в глазах плещется такое. Невыразимое.
Это ни плохо, ни хорошо.
Просто знаешь, к кому можно в профиль.
Или даже спиной.
А к кому только с улыбкой на пятьдесят четыре зуба.

Давай сам!

– Давай сам!
Заставляя трехлетнего ребенка самого надевать ботинки, помни:
через десять лет тебе понадобится его помощь.
Разобраться в новых гаджетах и технологиях.

Одесский маркетинг

Книжная раскладка у вокзала. Книги с прожитой судьбой, второе пришествие.
Словари, покетбуки, классика, кулинария и макраме.
– Девушка! стойте! сколько вы даете за Монтеня?
– О! Вот это разговор…
– Так а шо вы так резко развернулись и ушли?
– Так а шо вы такую цену резкую сказали? 40 гривен??
– Ну я же вижу – вы можете! А сколько вы даете?
– Что ж мне, в лохмотьях сюда ходить? Двадцать.
– Берите! За двадцать. А чего ж не сказать, если я вижу, шо вы можете.

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

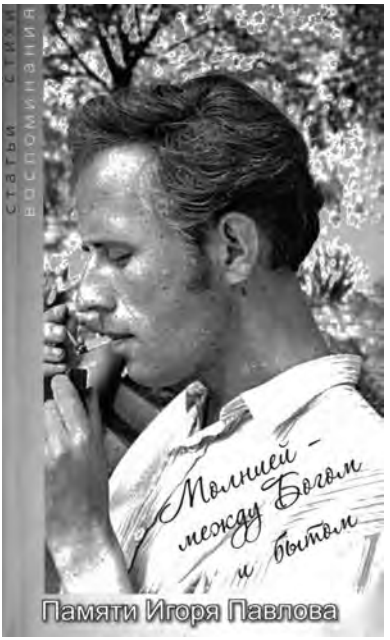

И.Л. Бронз
Знаки судьбы
Одесса, Акватория, 2016

Иосифу Львовичу Бронзу, члену Президентского совета Всемирного клуба одесситов, известному адвокату, исполнилось 80 лет. К этому событию и была приурочена книга его воспоминаний: о родителях, о своем пути – сквозь спорт, футбол в юристы.

Написанная легко, с добрым чувством юмора, книга подкупает точностью в деталях быта. Не каждый сегодня вспомнит и расскажет, сколько стоил стакан семечек или буханка хлеба.

Тяжелое детство, омраченное войной, ранняя смерть родителей… Путевку в жизнь Иосифу Бронзу дал футбол. И он воспользовался этой путевкой, учился, строил свою жизнь. Думаю, для всех одесситов будет интересна эта книга, написанная человеком, чьи предки жили в Одессе с начала XIX века.

Молнией – между Богом и бытом
Памяти Игоря Павлова
Одесса, Порты Украины, 2016

Строка поэта Игоря Павлова, вынесенная в заголовок, во многом характеризует его личность. Поэт милостью Божьей, человек без быта, я бы сказал, безбытный. В книгу ее составитель Светлана Паршенкова включила и стихи Игоря Павлова, не вошедшие в его «Избранное», и стихи, посвященные ему, и воспоминания о нем.

О Павлове вспоминают Ефим Ярошевский, Галя Маркелова, Виктор Матизен, Вадим Чирков, Алла Крикун, Анна Стреминская, Светлана Паршенкова и другие, знавшие поэта. И, как в сотне зеркал, мы видим объемный портрет незаурядного человека, мудрого поэта, аристократа духа.

И несколько слов о стихах. Их немного, но тут и детские стихи Павлова (я вообще не знал, что он писал для детей), и экспромты, и наброски, так называемая «кухня поэта». Тем ближе и интереснее становится этот незаурядный человек.

Владимир Пяст
Поэмы
Одесса, Optimum, 2016

Впервые опубликованы две большие поэмы Владимира Алексеевича Пяста, одного из известных поэтов начала XX века, а ныне почти забытого литератора. О нем помнят как о друге А. Блока, как об авторе интереснейших мемуаров «Встречи», изданных

в 20-х годах. Но 80 лет в семье его жены, одесситки Клавдии Стояновой, а Пяст в 30-е годы был отправлен в ссылку в Одессу, хранились две поэмы (можно сказать, романы в стихах), чудом сохранившиеся во время обысков, репрессий. И вот наконец усилиями Анатолия Катчука, занятого изучением, популяризацией наследия семьи Стояновой-Полторацких, этот том вышел в свет.

Это уже совсем другой Пяст, не символист, а смысловик, ощутивший, что такое Россия в тридцатые годы, и передавший это в классических русских стихах.

Остается надеяться, что книга, изданная в Одессе, попадет в крупнейшие университеты, станет доступной широкому кругу славистов.

Руслан Боделан
Простите меня, одесситы!
Одесса, ООО «Грин», 2016

Очень часто, читая книги государственных, общественных деятелей, я чувствую руку записчика, а иногда и подлинного автора текста. Помните знаменитые книги Л.И. Брежнева, услужливо написанные ему группой журналистов? Почему

я об этом? Потому что книга Р. Боделана написана им самим – так он говорит, думает, и даже не правлена редакторами.

Это не автобиография. Это размышления о жизни. Объяснения своим поступкам. Помните, не так уж давно Р. Боделан, вечный конкурент Э. Гурвица, вдруг в ходе выборной кампании призвал голосовать не за Костусева, а за Гурвица? Почему? И об этом написал Боделан. Но его не послушали. И зря.

Книга убеждает, что каждый человек, способный наблюдать, анализировать происходящее вокруг, постепенно меняется. Но процесс этот сложный и мучительный. Думаю, после этой книги у Руслана Борисовича появятся новые друзья и новые враги. Но он знал, что делал, когда захотел публично извиниться перед одесситами. У нас есть свобода выбора, пусть будет и свобода мнений.

Андрій Хаєцький
Три крапки
Одеса, КП ОМД, 2016

Радуюсь выходу первой книги молодого поэта. Он не раз приходил во Всемирный клуб одесситов на «Зеленую лампу» и читал новые стихи. Чувствовалось, что уже складывается книга. Тонкая и нежная, полная раздумий о смысле бытия. И вот она перед нами. Ее выходу помог Евгений Деменок, за что ему благодарность не только от автора, но и читателей.

Хотелось бы цитировать. О силе слова и силе молчания, об осени и о море, в конце концов о жизни во всех ее проявлениях. Но предпочту переадресовать в альманах «Дерибасовская – Ришельевская» № 66 и в саму книгу, которую можно купить в книгарні-кав'ярні на Екатерининской у пани Галины Дольник.

Олег Фомин
Два цвета времени
Одесса, Optimum, 2016

Это первая книга рассказов «бывалого человека», полковника в отставке Олега Фомина. Все рассказы автобиографичны, подсказаны жизнью автора. И, конечно, это литература. Жизнь лишь дарила сюжеты, а О. Фомин с удовольствием их компоновал, переосмысливал, привносил в них свойственный ему юмор.

Книга легко читается. У молодого (50-летнего) автора отличный язык, умение весело говорить о грустном и просто излагать запутанные сюжеты. Рассказ «Два цвета времени», перед тем как он был опубликован в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», редактировал Олег Губарь. Это тоже был для автора урок работы над прозой.

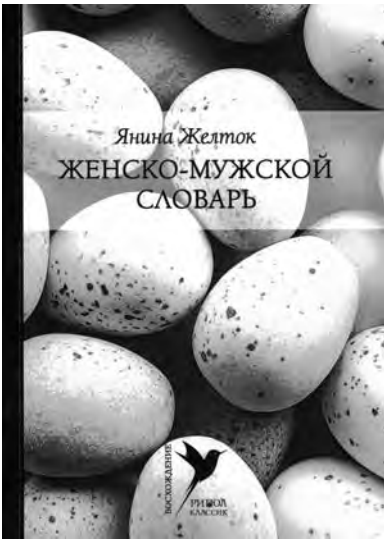
Слушая, как Олег Геннадиевич импровизирует разные истории, веришь, что после этой книги не заставят себя ждать и новые.

Не одним, двумя словами: «настоящий полковник».

Издано в Москве

Янина Желток
Женско-мужской словарь
Москва, Рипол-классик, 2016

В первом номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» в 2000 году у нас дебютировала Яна Желток с репортажем о жизни московских одесситов. Тогда она писала светские хроники для

«Вечерней Москвы», а выйдя замуж и переехав в Одессу, поняла, что материалов для светской хроники здесь ей не собрать, отказалась от журналистики, предпочтя ей короткую прозу.

– Кто мой самый любимый писатель? – спросила себя Яна. И ответила: – Хемингуэй.

И вспомнив его уроки, написала рассказ «Кофе под дождем». Этот рассказ мы опубликовали в «Дерибасовской – Ришельевской». Сейчас он открывает первую книгу писательницы.

В последнее время много говорят о женской прозе, о мужской прозе. А понимают ли они друг друга? И Яна задалась целью создать новое эсперанто – женско-мужской словарь, на котором она и пишет добрые, умные, веселые рассказы. И у них всегда много читателей – женщин и мужчин.

Андрей Добролюбский

Мой Жаботинский

В 1966 году я стал студентом исторического факультета Одесского университета. Это произошло, пожалуй, как бы во исполнение фамильной традиции – мой дед, профессор Константин Павлович Добролюбский (1885-1953 гг.), был известнейшим в Одессе историком, в свое время бессменным деканом этого факультета и заведующим кафедрой всемирной истории. С ним я был знаком лишь по воспоминаниям родителей и бабушки – дед умер, когда мне было лишь три с лишним года от роду. Но зато его портрет тогда висел как у нас в доме, так и в деканате истфака, как бы ориентируя смысл, или семейный «сценарный заказ», моего дальнейшего профессионального существования. А оставшаяся после деда библиотека сохранялась нетронутой в одном из книжных шкафов (он так и назывался – «дедушкин шкаф»), куда я до поступления в университет почти никогда не заглядывал.

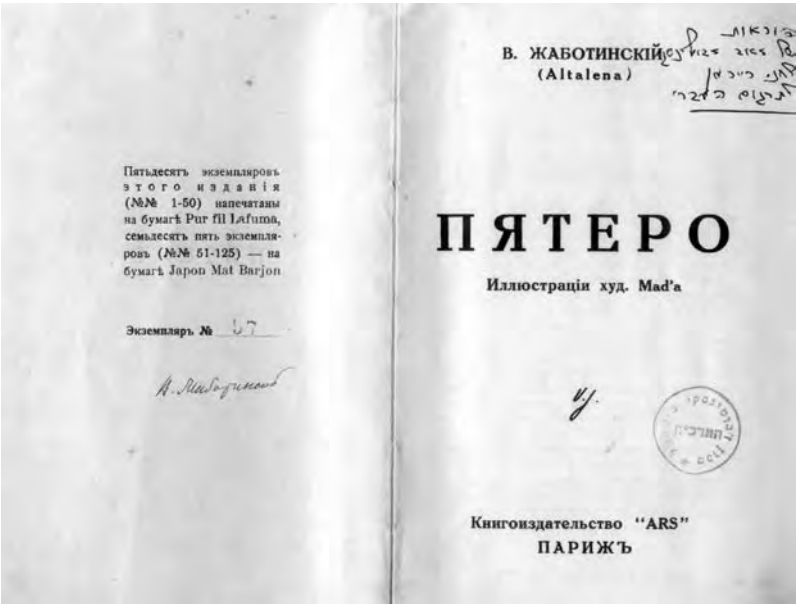
Наверное, это происходило от переизбытка книг в доме. Дело в том, что мой отец профессор Олег Константинович Добролюбский был очень увлеченным книголюбом*. Собирательство книг было, пожалуй, его сильнейшей жизненной страстью, которой он отдавался с неиссякаемым энтузиазмом. В результате у нас в семье во времена моей молодости была едва ли не самая большая в городе (по количеству) частная библиотека. Она размещалась довольно стихийно в более чем десятке книжных шкафов, а также на этих шкафах, а что не помещалось – на антресолях. Отец не сумел ее хоть как-то каталогизировать. Не сумели этого сделать и два последующих поколения нашей семьи.

* Константин, Андрей и Юлия Добролюбские. Семейный архив. – Одесса: Optimum, 2004, с. 212-213.

Зато мы все ее активно «потребляли». И хотя отец был более чем сдержан (мягко говоря) в том, чтобы книги выносились из дому «на почитать» (требовалось особое разрешение), его дети (моя старшая сестра Ксана и я) беспечно давали читать книжки при любой возможности множеству своих друзей, приятелей и знакомых. Увы, многие книги так были нами утрачены безвозвратно.

В этом книжном раздолье и изобилье никого не интересовал скромный дедушкин шкаф, и никому не приходило в голову в него залезать. До тех пор, пока он мне не понадобился как студенту-историку. Для подготовки к занятиям. Действительно, среди многих ожидаемых мною исторических книг (Константин Павлович был специалистом по новой истории) и конспектов дедушкиных лекций оказалась немалая подборка книжек, газет и документов по истории Одессы предвоенного времени, а также времен немецко-румынской оккупации. Для меня она тогда оказалась более чем экзотичной и неожиданной. Так, это были почти полные подшивки газеты «Молва» за 1942-43 гг., издававшейся немецкой администрацией, а также «Одесской газеты», которую выпускали румынские власти. Там я, в частности, почерпнул, что живу на улице имени маршала Антонеску. Не менее впечатлял сборник национально-патриотических речей ректора Одесского университета (при румынах) профессора Часовникова и его сподвижников. С огромным интересом я проглотил книгу некоего профессора В. Соковнина «24 года под игом большевиков», изданную в Одессе в 1943 году. А также получил редкую возможность просмотреть объемный том протоколов допросов по делу об убийстве А.М. Горького. В общем, на этой полке оказался основательно запылившийся кладезь неведомой и раритетнейшей информации по истории Одессы и СССР до 1944 года. Там же я нашел и скромную книжку в картонной коричневой обложке некоего Владимира Жаботинского под названием «Пятеро», изданную в Париже в 1936 году.

Кем был этот Жаботинский, я понятия не имел. Тогда все знали лишь одного Жаботинского – Леонида, знаменитого штангиста-тяжеловеса, олимпийского, кажется, чемпиона и гордость

Пятьдесятъ экземпляровъ этого изданія (№№ 1-50) напечатаны на бумагѣ Pur fil Lafuma, семьдесятъ пять экземпляровъ (№№ 51-125) — на бумагѣ Japon Mat Barjon

Экземпляръ № 57

В. ЖАБОТИНСКІЙ
(Altalena)

ПЯТЕРО

Иллюстраціи худ. Mad'a

Книгоиздательство "ARS"
ПАРИЖЪ

Парижское издание книги Владимира Жаботинского «Пятеро»

всего Советского Союза. Я даже сначала было подумал, что это его какой-то родственник.

Я показал книжку своей сестре Ксане, которая, по моему тогдашнему убеждению, знала все. И не ошибся. Ксанка сказала: «Ух, ты!» – и немедленно улеглась читать. Жадно.

Здесь нужно оговориться, что в нашем доме, а вернее, в Ксаниной комнате, был один из центров сбора молодого интеллектуального «бомонда» (в нынешней терминологии – «тусовки») города. Это отразилось в одесской литературе – с пронзительной ностальгией описано Юрием Михайликом в стихотворении «Памяти Ксаны Добролюбской» (многократно переиздавалось), в очерке Евгения и Валентины Голубовских «В единственном дому....»*, а также в книге Марины Панченко и Галины Мещеряко-

* Там же, с. 8-17, 211.

вой «Ксана, Андрей и другие…»**. В общем, у нас бывало немало людей, которые уже тогда прекрасно знали, кто такой Владимир Жаботинский. И поэтому его книга, так сказать, немедленно «пошла по рукам». Мне, ее «открывателю», пришлось даже стать в очередь. Как самому младшему.

Владимир (Зеев) Жаботинский

Оглядываясь сейчас, из своего времени, на ту эпоху, не могу не изумиться – найти в собственном доме в конце 1960-х годов довоенное парижское издание Жаботинского – вещь совершенно немыслимая! Родители толком ничего тогда объяснить мне не смогли. Или не слишком хотели – они вообще были встревожены, что я роюсь в этой весьма опасной тогда литературе. Ее действительно было страшновато держать в доме.

Но мне повезло. Потому что друзьями моих родителей в те времена оказалась чета Боровых – Эмилия Израилевна, близкая подруга моей матери, и Саул Яковлевич – отчасти ученик и младший коллега дедушки. После смерти Константина Павловича Боровые много лет навещали нас по разным праздникам. Мы с Ксаной расспросили Саула Яковлевича о нашей находке. И вот что он нам поведал за нашим семейным столом.

После возвращения из эвакуации в 1944 году Константину Павловичу было поручено руководством обкома партии возглавить авторский коллектив по написанию книги по истории Одессы в связи со 150-летним юбилеем ее основания. Саул

** Панченко М.А., Мещерякова Г.С. Ксана, Андрей и другие…: Сборник воспоминаний. – Одесса, 2015, с. 7-56.

Яковлевич входил в этот коллектив. Работа была срочная, и для авторов были созданы некоторые особые жизненные льготы – им было разрешено пользоваться электроэнергией (ограниченно), а также всей необходимой литературой, в том числе и спецхрановской, на дому. Формально это было непозволительно, и поэтому ни в каких документах не отразилось. Так к моему деду и попали книги и газеты, которые я отыскал четверть века спустя.

А книга «Одесса. Очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания» была издана в 1947 году Одесским областным издательством. Но… предоставлю слово самому Саулу Яковлевичу: «Неожиданно наступила катастрофа… Первый секретарь обкома в эти дни поехал в Киев. Там он решил продемонстрировать это «достижение» и вручил нескольким руководящим товарищам экземпляры книги. Книга начиналась, понятно, с портретов Ленина и Сталина. Но на первых же страницах, где речь шла о «начале» Одессы, были помещены портреты традиционных «основателей» Одессы – Дерибаса и Ришелье. Кто-то из руководящих товарищей… с неудовольствием обратил на это внимание, и этого оказалось достаточным, чтобы руководство обкома приняло решение не пускать книгу в продажу…»*. А затем она была подвергнута идеологической чистке, изъята из всех библиотек, ее тираж был пущен под нож. Сохранились считанные экземпляры. Самыми крамольными были сочтены сведения об еврейских погромах в начале XX века, в главе, написанной профессором С.Я. Боровым, – он использовал как источник наш экземпляр книги Жаботинского. А также глава «Черные дни Одессы», написанная профессором К.П. Добролюбским, где были «довольно полно и правдиво описаны зверства оккупантов, их «национальная политика», уничтожение еврейского населения и т. д.»**. Эти сведения были почерпнуты из упомянутых книг и газет, сохранявшихся в дедушкином шкафу.

В результате Константин Павлович попал в опалу, но власти его почему-то не тронули. Видимо, «по состоянию здоровья». Или

* Саул Боровой. Воспоминания. – Москва-Иерусалим, 1993, с. 305.
** Там же, с. 307.

по недосмотру. А Саула Яковлевича вскорости выгнали с работы. Как бы там ни было, дед умер в начале 1953 года, о книгах из спецхрана, вероятно, все попросту «забыли». И они продолжали лежать у нас в доме, дожидаясь своего часа.

Дождался этого «часа» и роман «Пятеро». Наш семейный экземпляр пошел по рукам и как будто даже был растиражирован на пишущей машинке. Я читал этот роман, будучи в том возрасте, в каком был Владимир Евгеньевич, живя в Одессе в начале прошлого века. И помимо завораживающего литературного мастерства автора был очарован неожиданной близостью, а порой и полным совпадением наших ощущений в восприятии «легкой атмосферы» родной Одессы. Казалось, за 70 лет ничего не изменилось. Действительно, обстановка, стиль и образ жизни того круга людей, с которыми я общался, наше времяпрепровождение типологически казались очень похожими. Точно так же, как и молодой Жаботинский, «…я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской… королеве всех улиц мира сего… как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался…». Мы валялись многочисленными веселыми компаниями на тех же скалах и пляжах Ланжерона, Малого и Среднего Фонтана, Аркадии, где прошла молодость Жаботинского. Мы точно так же катались на лодках с девушками и бесконечно ели арбузы, пили сухое вино и лузгали «семочки» – ритуал, сближающий все сословия. Мы гуляли по винным погребкам – «бодегам» – и любовались былым «великолепием беспечной сытой Одессы». И когда напивались, порой изрядно, то зачастую выдержанные и снисходительные милиционеры помогали добираться домой. Точно так же, «когда студенты буянили… – пишет Жаботинский, – появлялись городовые и околоточные… и выводили студентов за локти, а надзиратель шел позади и почтительно приговаривал: «Пожалуйте, господин студент, как же так можно…».

Гостеприимный дом семейства Мильгромов с многочисленными Марусиными «пассажирами» типологически был в моих

глазах необычайно похож на наш «странноприимный дом» на Успенской, 7, времен Ксаниных «тусовок», куда гости просто приходили, их предоставляли самим себе, они могли есть, спать, пить, оставаться ночевать и т. п. В общем, делать все, что заблагорассудится:

> …Там, за ее спиной слоистый дым нетающий,
> Лабораторный спирт, разбавленный на треть,
> Странноприимный дом, прибежище, пристанище,
> Как некуда потом, как некуда и впредь…

– грустил Юрий Михайлик.

То же происходило на нашей даче в Аркадии, куда компании перекочевывали летом… На пляжах мы торчали целыми днями.

Сейчас я пишу эти строки, пребывая в куда более преклонном возрасте, чем Жаботинский, писавший роман «Пятеро». И невольно сравниваю свою студенческую и аспирантскую молодость – вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х годов, – когда мне посчастливилось прочесть этот роман, с описанным в нем временем – концом XIX – началом XX веков. Возникает ощущение, что эти эпохи типологически подобны. И исторически они как бы «рифмуются». Если оглянуться на «брежневскую пору» с высоты сегодняшних дней, то она выглядит достаточно спокойным, относительно беспечным, сытым и благополучным временем. Советская империя стояла несокрушимо, как монолит. Первый удар по ее незыблемой мощи нанесла афганская война – 1979 год… Через 12 лет Советского Союза не стало…

А первые удары по «великолепию беспечной сытой Одессы» и всей могущественной Российской империи начала XX века были нанесены русско-японской войной 1904 года, революцией 1905 года, вспыхнувшими еврейскими погромами… Через 12 лет Российской империи не стало. Об этом сказано в романе «Пятеро», об этом же пишут профессора К.П. Добролюбский и С.Я. Боровой в своей книге об Одессе, запрещенной обкомом партии… Вот такая историческая рифма получается…

Наш, изрядно зачитанный семейный экземпляр «Пятеро» в середине 1970-х гг., через несколько лет после рождения моей стар-

шей дочери Юли, потерял один из моих приятелей. Мой отец был прав – давать читать любимые книги навынос всегда рискованно. Тогда мы все были очень огорчены. Зато Юле повезло иначе – при достижении ею того возраста, в коем я читал этот роман, книга Владимира Жаботинского была переиздана (2000 год) и подарена нашей семье Евгением Голубовским – старинным Ксаниным другом. Так у моей дочери появилась возможность прочесть эту прекрасную книгу. А еще через десяток лет (2011 год) издательством «Optimum» была воссоздана и книга «Одесса. Очерк истории города-героя» под редакцией профессора К.П. Добролюбского*.

* Одесса. Очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания. Очерки. – Одесса: Optimum, 2011. – 322 с.: ил.

Содержание

От редакции
Жизнь на воде есть! 3

Михаил Жванецкий
Жертвы несвободы. 6

История, краеведение

Олег Губарь
Юбиляр де Ришелье. 16

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 20

Вера Хлебникова, Евгений Деменок
Хлебниковы в Украине и Одессе 52

Михаил Пойзнер
Под псевдонимом Гоцман. 79

Проза

Владимир Каткевич
Врачебная тайна судового доктора Сасского 114

Владимир Тайх
Проклятие. 134

Элла Леус
Сто сорок справок. 146

Анатолий Горбатюк
Письмо из 43-го, или Хроники сестер Дорфман 151

Александр Топилов
Только гибель делает прекрасное еще более совершенным 157

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 167

Поэзия

Ефим Бершин
Метафора небытия 186

Игорь Померанцев
Бес в ребро 193

Елена Касьян
Все проходит, все пройдет 197

Владимир Кац
Я устал от двадцатого века 203

Владимир Попович
Дневники пилигрима 208

Александр Мардань
Самое вкусное – это начало 212

Игорь Лосинский
Два танго 215

Первые шаги

Море талантов на берегах Одессы 222

Искусство – жизнь – искусство

Роман Бродавко
Эмиль Гилельс: страницы жизни 230

Валентина Голубовская
Поезд с белой табличкой «Одесса» 246

Евгений Голубовский
Олег Волошинов – заложник вечности 256

Вера Зубарева
Как меня иллюстрировал Эрнст Неизвестный 261

Феликс Кохрихт
Свободная зона: мастера и фрайера 269

Книги, годы, жизнь

К 80-летию Евгения Голубовского

Евгений Голубовский
Увлечение как биография 284

Олег Губарь
«Мы – спина к спине – у мачты...» 292

Феликс Кохрихт
Нас волновали одинаковые страсти 295

Иван Липтуга
На все времена 298

Публикации

Сергей Осташко
«Но вы – дорогие – живите! Живите!..» 300

Марина Хлебникова
Стихи 307

Наталья Бржестовская
Преданный рыцарь Одессы 315

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Утверждение театра» 330

Путешествие

Феликс Кохрихт
Нюрнберг: заяц Дюрера 342

Ах, Одесса

Сергей Осташко
Давно это было... 350

Олег Школьник
Стихи о Соне и Мане, а также об их близнецах-сестричках Вере и Любе 357

Алла Гудзенко
Одесский маркетинг 361

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 364

Андрей Добролюбский
Мой Жаботинский 370

Одесский альманах

№67

IV / 2018

PLASKE
ПЛАСКЕ

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

